

МАЛЬТИЙСКІЙ
РЫЦАРЬ.

Англинскій Романъ,

сочиненіе

Миссъ Портеръ.

Переводъ съ Французскаго

Г. Трескина.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ОРЕЛЬ.

Въ Типографіи Сышина.

1823.

Печатать позволяется съ
шѣмъ, чтобы по напечатаніи,
до выпуска изъ Типографіи,
представлены были въ Цензур-
ной Комитетъ : одинъ экзем-
пляръ сей книги для Цензурна-
го Комитета, другой для Де-
партаментъ Министерства
Просвѣщенія, два экземпляра
для Императорской Пуб-
личной Библіотеки и одинъ для
Императорской Академіи
Наукъ. Москва 1821 года,
Сентября 19 дня. Сію рукопись
разсматривалъ Ординарный
Профессоръ, Коллежскій Со-
авѣтникъ

Тимошею Перелоговъ

МАЛЬТИЙСКІЙ РЫЦАРЬ.

Г Л А В А I.

Злополучный Цезарь въ продолженіи многихъ недѣль былъ въ безпамятствѣ; пришедши въ чувство, онъ увидѣлъ себя въ монастырѣ среди Аппенинскихъ горъ, куда завело его опчаяніе; и посмопрѣвъ во кругъ себя, примѣтилъ, что келья, которую занималъ, была мала и получала свѣтъ только сквозь узкое отверстіе. Стѣны были изъ дикаго камня: Распятіе и пюфякъ, служившій ему вмѣсто постѣли: составляли въ кельѣ всѣ уборы. Слабый лучъ свѣта

проницавшій въ оную, показалъ ему почтеннаго монаха, сидящаго въ ногахъ постѣли, и читающаго молитвенникъ. Цезарь сказалъ ему нѣсколько вразумительныхъ словъ, которыхъ не произносилъ уже нѣсколько недѣль, и при звукѣ его голоса — святой мужъ содрогнулся, сложилъ книгу и приблизился къ нему: Лицо его закрыто было копичономъ; но грудь примѣтно воздымалась и руки дрожали, какъ бы отъ радости. Такъ какъ онъ хранилъ молчаніе, то Цезарь опять повторилъ вопросъ свой; но монахъ не отвѣчая ни слова, поклонился ему, сдѣлалъ крестное знаменіе — и указавъ сначала на свое платье, а потомъ на поспелю — вышелъ вонъ. Цезарь не видалъ болѣе сего монаха, принадлежавшаго

якъ строгому ордену святаго Бруно, котораго законы запрещали ему говорити. Сии благочестивые брагья подавали помощь больнымъ путешественникамъ и перевязывали тѣлесныя ихъ раны, но правила ихъ не дозволяли изливати въ сердць справждающаго—бальзамъ утѣшенія и совѣтовъ.

По мѣрѣ того, какъ Цезарь выздоравливалъ, картины прошедшаго возобновлялись въ душѣ его. Онъ привелъ себѣ на память все то, что рассказывалъ ему Синьоръ Кальва; вспомнилъ о словахъ Беатрисы и увѣреніяхъ Жіованни, — и о малѣйшихъ подробностяхъ касавшихся до сихъ особъ, которыхъ подозрѣвалъ.

Подумавши внимательно, онъ ощутилъ весьма различныя чувства — въ разсужденіи дру-

га своего и въ разсужденіи Беатрисы. Поступокъ Жіованни мерзалъ его сердце, но чувство возбужденное Беатрисою, и можетъ быть сильнѣйшее, не было однако же ни столь глубоко, ни столь продолжительно: одно волновало его душу, другое же повергало оную въ уныніе и отчаяніе.

Истина обладаетъ могуществомъ, котораго даже наружность пресшупленія не можетъ совершенно истребить. Взоры, слова и поступки Жіованни возобновлялись въ памяти Цезаря и всякой разъ оставляли по себѣ впечатлѣніе, заставлявшее его не сомнѣваться въ ихъ искренности. Чѣмъ болѣе размышлялъ онъ о характерѣ и поведеніи своего друга, тѣмъ болѣе переменна его казалась ему ужасною; но, увы! чѣмъ

болѣе разсуждалъ онѣ о Беатрисѣ, шѣмѣ менѣе находилъ причинѣ думать, чѣобѣ надобно было употреблять большое искусство — побѣдить ее. Онѣ вспоминалъ о благосклонности, которою наслаждался Графѣ Кагліари, и наконецѣ о томѣ, какѣ съ нимѣ было поступлено — и воспеналѣ дѣлая подобное сравненіе.

Цезарь чувствовалъ невозможность — оставаться долѣе въ такой нерѣшимости. Лучше, думалъ онѣ, предаться опчаянію, получивѣ очевидныя доказательства ихѣ вѣроломства, нежели колебаться въ неизвѣстности: не зная кто былѣ истинною причиною его невозвратнаго несчастія: — другѣ или любовница? Послѣ роковаго вечера въ садахѣ Каррега, — Цезарь видѣлъ Жюван-

ни, который хотѣлъ ему изъяснить все дѣло и доказать свою невинность; но Цезарь заставилъ его молчать, и кровь оспанавливалась въ жилахъ его, когда вспоминалъ о средствѣ, которое употребилъ къ тому. Я увижу Беатрису, говорилъ онъ самъ себѣ, и если она не удовлетворитъ моимъ вопросамъ, то безъ сомнѣнія она виновна. Боже мой! какая ужасная мысль, Беатриса вѣроломна! Беатриса изъясняется въ любви! нѣтъ! это невозможно! Цезарь опять впалъ въ слабость и предался легковѣрiю, но одно воспоминанiе скоро разрушило эту крапковременную мечту — воспоминанiе о хипроспидѣ, которую она употребила прошивъ своей матери. Не могли перенести мысли, безпрестанно возобновлявшейся,

и желая испребыть ее изъ своего сердца, онъ рѣшился возвратиться въ Геную, чптобы въ полной мѣрѣ удовлетворить своимъ желаніямъ. Жаръ, который возбудило въ немъ сіе намѣреніе, придавъ ему новыя силы и онъ черезъ нѣсколько дней былъ уже въ состояніи предпринять свое путешествіе.

Во время выздоравливанія — онъ ничего не могъ узнать отъ молчаливой братіи его окружавшей. Монахи являлись предъ его взорами какъ привидѣнія; и когда онъ вечеромъ проходя кладбище, видѣлъ каждаго Корпезіанца, занимающагося пригопвленіемъ собственной могилы, то щиталъ себя призракѣмъ, осужденнымъ на вѣчное молчаніе въ сихъ печальныхъ мѣстахъ.

Не осмѣливаясь нарушить набожнаго безмолвія своихъ мрачныхъ товарищей, онъ разчитывалъ время, которое провелъ въ этомъ мѣстѣ;—но всѣ его старанія къ тому были тщетны. Связь мыслей его была прервана нѣсколькими днями безпамятства; — и такимъ образомъ онъ поперялъ всѣ способы изчислять время.

Онъ воспоминалъ смутнымъ образомъ, что оставилъ Геную и шелъ не зная самъ куда блуждая изъ одного мѣста въ другое и не отдыхая; принималъ пищу только тогда, когда принуждалъ его къ тому кто нибудь изъ человѣколюбія, и послѣдняя мысль, твердо запечатлѣнная въ его памяти, была та, что онъ въ одинъ день, удрученный усталостію и нуждою, упалъ безъ

чувствъ въ одномъ отдаленномъ и уединенномъ мѣстѣ. При отпѣздѣ Настоятель увѣдомилъ его о томъ, чего Цезарь еще не зналъ въ разсужденіи пребыванія своего въ монастырѣ, — и воспользовался скромнымъ разрѣшеніемъ употребленія слова, которое по правиламъ ордена дозволялось ему съ тѣмъ только, чтобъ похвалить монашескую жизнь человеку, который, казалось, имѣлъ столько причинъ возненавидѣть свѣтъ.

Цезарь не отвергъ сего печальнаго предложенія; но чувствовалъ необходимость прежде нежели разлучиться съ свѣтомъ, съ дѣйствительными своими обязанностями и сладостными узами жизни: удостовѣриться въ одной вещи, въ которой къ величайшему удивленію

своему начиналъ сомнѣваться. Извяснивши настоятелю съ искренностію свои ощущенія, онъ узналъ отъ него, что найденъ былъ лежащимъ на дорогѣ путешественникомъ, который привезъ его въ монастырь, гдѣ монахи имѣли объ немъ попеченіе въ продолженіи цѣлыхъ чепырехъ недѣль.

„Какъ много прошло времени,“ подумалъ Цезарь, можетъ быть еще болѣе увеличилось мое несчастіе!“

Почтенный Настоятель подалъ Цезарю кошелекъ съ червонными, которые оставлены были благошворительнымъ путешественникомъ для его употребленія. Цезарь спросилъ о его имени; — но онъ не сказалъ онаго, и при томъ никто не подумалъ его о томъ спросить. Адимарій ощутилъ нѣкоторое

емущеніе. Прежде онъ былъ болѣе гордъ, нежели призна-теленъ; но обстоятельства произвели въ немъ большую перемену, и эта великодушная помощь со стороны незнакомаго, была почти достаточною причиною, чѣмъ примирить его съ свѣтомъ. Взявши изъ кошелька нѣсколько золотыхъ монетъ, чѣмъ удовлетворить самымъ необходимымъ своимъ потребностямъ, онъ отдалъ остальныя Настоятелю, прося его употребить сіи деньги на благопвортельныя дѣла; потомъ получивъ его благословеніе, онъ уѣхалъ.

Въ концѣ карнавала Цезарь возвратился въ Геную, и какъ будто нарочно, въ насмѣшку надъ его бѣдностію, все дышало тамъ веселостію и великолѣпіемъ. Проходя Сграда Ну-
Мал. Рыц. Ч. III. Б

ову, онъ примѣтилъ только одно зданіе, въ коемъ обитали мракъ и безмолвіе: — это было Палаццо-Россо. Чшо за причина такой перемѣны? Не ужели какое несчастіе постигло обитателей сего дома? Въ сердцѣ Цезаря безпрестанно представлялся образъ Жіованни и Беаприсы.

Съ шрепетомъ подходишь онъ къ воротамъ. Слуга совершенно ему неизвѣстный говоритъ ему, что Синьора Беаприса нѣсколько времени была при смерти, и что наконецъ отправилась съ Госпожею Маркизою путешествовать. Цезарь еще спросилъ его, но сей слуга былъ изъ числа самыхъ послѣднихъ, а его товарищи были на улицѣ вмѣстѣ съ замаскированными.

Удивленный симъ извѣстіемъ, но имѣя еще нѣкоторую слабую надежду, основанную на томъ, что Беатриса находилась еще съ своею матерью, онъ вышелъ изъ дому, чтобы еще обѣ нихъ навѣдаться. Въ сію минуту онъ подумалъ было итти къ Синьору Кальва; но воспоминанія, какія могло произвести въ немъ присутствіе сего услужливаго пріятеля, слишкомъ были тягостны, — и онъ не рѣшился имъ подвергнуться. — Почему направилъ путь свой ко дворцу Доріевъ.

Всѣ улицы наполнены были замаскированными. Болконы и крышки домовъ, сдѣланные террасами, были покрыты наряженными дамами; на однихъ блистали бриліанты, другіе же были украшены цвѣтами,

или одешы въ плащя изъ дорожихъ манерій. Здѣсь на подмосткахъ играли Пантомимный балетъ, — тамъ странствующіе музыканты составляли Оркестръ предъ портиками публичныхъ зданій. Вездѣ видны были фокусники, танцовщики на веревкѣ, или импровизаторы. Иногда появлялись позлащенные колесницы наполненные аллегорическими лицами, сопровождаемая толпою масокъ; или кавалкады вооруженныхъ молодыхъ людей на прекрасныхъ лошадяхъ представляли турниръ. Громкій смѣхъ, музыка, крики радости или ужаса, звукъ хлопущекъ, трубъ и кураншовъ — раздавались въ воздухѣ. Шумъ сей совершенно оглушалъ Цезаря; пошому, что веселіе по всюду царствовавшее не согласовалось

еѣ тѣмѣ, что онѣ чувспивовалѣ и было для него несносно. Дждѣ конфектѣ и цвѣтовѣ сыпавшейся на него сѣ балконовѣ, подѣ коими онѣ проходилѣ, казался ему пренебреженіемѣ его гореспи, тѣмѣ болѣе, что всеобщее веселіе и маски придавали сему празднику сходство сѣ послѣднимѣ вечеромѣ проведеннымѣ имѣ вѣ Генуѣ.

Удерживаемый многолюдствомѣ, Цезарѣ долгое время не могѣ достигнуть дворца Доріевѣ. Уже начинало разсвѣтатѣ, когда онѣ подходилѣ къ воротамѣ онаго. Великолѣпные сады, всегда опверзтые для публики, наполнены были невѣроятнымѣ множествомѣ особѣ. Праздные люди тѣснились около фонтановѣ, вѣ которыхѣ вмѣсто воды было вино, и около мѣстѣ, гдѣ пускали попѣш-

Мал. Рыц. Ч. III. Б 2.

ные огни, Цезарь нашолъ средство безъ затрудненія пройти уединенными аллеями. Въ одной изъ нихъ встрѣпился онъ съ господиномъ Дома, котораго желалъ увидѣть; Доріа оставилъ гостей, чтобъ насладиться пріятною упреннею прохладою, и удивленіе его при видѣ Цезаря равнялось радости сего послѣдняго.

Послѣ первыхъ взаимныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, Доріа спарался разсѣять безпокойство своего молодаго друга. Приведши его въ маленькую бесѣдку, построенную въ гопическомъ вкусѣ, сокрытую между деревьями, въ которой надѣялся бытъ въ безопасности отъ нескромныхъ, Доріа началъ занимательное свое повѣствованіе. Онъ рассказывалъ безъ всякихъ прибавленій и

замѣчаній, и въ томъ самомъ порядкѣ въ какомъ происходило дѣло.

„Чрезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда твоего изъ Генуи, сказалъ онъ, посѣпилъ меня Синьоръ Жіованни. Онъ отдалъ мнѣ двѣ бумаги, изъ которыхъ въ одной содержалась послѣдняя воля его, въ случаѣ его смерти; въ другой же было законное распредѣленіе имѣнію въ продолженіе его жизни, — и сказалъ, что намѣренъ былъ опять вступить въ Орденъ рыцарей Іонна Іерусалимскаго.“

Цезарь запрепещалъ и перемѣнился въ лицѣ; губы его сдѣлали нѣкоторое движеніе; но такъ какъ онъ ничего не произнесъ, то Принцъ продолжалъ:

„Прежде нежели мы распачемся, я покажу тебѣ сію по-

слѣдную бумагу; потому, что въ ней есть штампъ касающаяся до имѣнія, принадлежавшаго нѣкогда отцу своему. — Сія штампъ кажется мнѣ написана въ твою пользу. Но я стану продолжать: И такъ онъ сказалъ мнѣ, что нечаянный случай разорвалъ вашу дружбу, и не входя ни въ какія дальнѣйшія подробности о семъ предметѣ, извѣвилъ живѣйшее желаніе узнать, что съ тобой случилось; требовалъ отъ меня честнаго слова, увѣдомлять его обо всемъ, что я объ тебѣ узнаю, и потомъ проспился со мною. Я не могъ найти причины вашего печальнаго разрыва, и спустя уже нѣсколько дней эта горестная тайна достигла до ушей моихъ. “

„Однажды поутру прислала за мною Маркиза Бриньолеп-

ти. (эта дама всегда совѣтуется со мною въ важныхъ случаяхъ) Я нашелъ ее въ отчаяніи. — Она увѣдомила меня, что дочь ея была въ самомъ жалостномъ положеніи, до котораго доведена была склонностию своею къ Синьору Цигала, обѣ опѣздѣ коего и намѣреніи возобновить свои обѣты, говорили во всемъ городѣ. Маркиза присоветовала, что болѣзнь дочери ея была родъ помѣшательства. “

При сихъ словахъ Цезарь схватилъ руку Принца съ судорожнымъ движеніемъ, и едва удержалъ степеніе, однако же не прервалъ молчанія, почему Принцъ Дорій продолжалъ:

„Нещастная дѣвица призналась матери, что Синьоръ Цигала не преспавалъ убѣгать ее; но какъ она приписывала

доступки его чувствамъ чести и привязанности къ тебѣ, то и просила Маркизу убѣдить Цигалу, чтобъ онъ опустилъ онъ строгости своихъ правилъ, и принялъ руку ея, которую она никогда никому другому не отдастъ. Наконецъ, любезный Адимарій, (я желалъ бы это скрыть отъ тебя, еслилибъ то было возможно) единственная причина, для которой звали меня къ ней, была прозьба, чтобъ я постарался убѣдить Синьора Цигалу жениться на Беатрисѣ.“

„Остановитесь, Принцъ, остановитесь!“ вскричалъ Цезарь вскочивши съ бѣшенствомъ съ своего мѣста. „Я не могу... я не хочу вѣрить...“ Онъ умолкъ, закрылъ руками горящее лицо свое, и сѣлъ въ безмолвіи. Никогда почтеніе не

одерживало столь великой побѣды. Благородный Дорій почувствовалъ цѣну этого воздержанія — и не забылъ о семъ поступкѣ.

„Я думаю, продолжалъ онъ, что лучше всего здѣлаю, если оспальное расскажу какъ можно короче. И такъ, я взялся исполнить ея прозьбу, долженъ признайся, для того единственно взялся, чтобъ удовлетворить своему любопытству — и убѣдить себя; потому что никакъ не могъ повѣрить, чтобъ другъ твой захотѣлъ продать щастіе жизни своей, за обладаніе рукою такой пламенной молодой дѣвушки: я не ошибся въ своемъ ожиданіи. Онъ отказался отъ все, не взирая ни на красоту ея, ни на богатство; и даже увѣрялъ меня, что симъ отпа-

зомъ не дѣлалъ никакого пожерпвованія дружбѣ; пошому, что никогда не ощущалъ къ ней ни малѣйшей склонности. Онъ весьма сожалѣлъ о томъ, что стараніе, употребленное имъ къ образованію ея сердца, въ то время, какъ думалъ, что она будетъ твоею супругою, привело ее въ такое пагубное заблужденіе. Въ этомъ случаѣ, онъ щадилъ ее болѣе нежели всякой другой будучи на его мѣстѣ, пошому, что тогда только и узналъ я, какимъ образомъ ваша дружба была разрушена. “

„Естьли не страшный сонъ смущаетъ мои чувства,“ вскричалъ Цезарь ударивъ себя по лбу обѣими руками и поднявъ глаза къ небу, „по я самый несчастнѣйшій изъ людей.“

— „О, Адимарій! и ты можешь говорить такъ имѣя подобнаго друга!“

— „Я имѣю друга! ахъ! у меня нѣтъ его болѣе!“

Дорій сморщилъ на него съ выразительнымъ молчаніемъ. Ошчаянный взоръ Цезаря и звукъ его голоса выражалъ болѣе, нежели что онъ могъ подозрѣвать, или обыкновенные упреки совѣсти. Принцъ вспомнилъ въ сію минушу, что когда началъ онъ говорить о примиреніи, то Жіованни сначала поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ, и наконецъ сказалъ прерывающимся голосомъ: „Нѣтъ, нѣтъ; есть случаи, въ которыхъ я не могу да и не долженъ прощать.“

Въ одномъ только случаѣ никакой дворянинъ и рыцарь не могъ простить, и Дорій ду-

малѣ, что самое величайшее раскаяніе не могло бы того загладить; такимъ образомъ онѣ угадалѣ роковую пайну. Слова Цезаря заставили его вздохнуть, и онѣ вскричалѣ: „несчастный молодой человекѣ!“

Адмарій оставался въ томъ же положеніи, приложивши обѣ руки къ пылающей головѣ своей, и не слышалѣ восклицанія Принца. Стыдѣ, горестѣ и опчаяніе въ одно время выражались на лицѣ его. Отъ времени до времени глухія стenanія вырывались изъ его груди, и всѣ члены его обвяты были судорожнымъ трепетомъ. Иногда онѣ закрывалѣ глаза свои, какъ бы желая изгнать изъ мыслей страшный образъ, который его терзалѣ: образъ Жіованни и послѣдній взглядѣ его; но онѣ безпрестанно возоб-

новлялся въ его памяти. Цезарь затрепещалъ и вскрикнулъ; но чрезъ минуту отчаяніе опять погрузило его въ безмолвіе и неподвижность. Наконецъ угнетенная душа его облегчилась сими словами, произнесенными имъ прерывающимся голосомъ: „Теперь понимаю тебя, Жіованни, въ какомъ заблужденіи находился я! ужасное ослѣпленіе! — до какой степени я былъ предубѣжденъ! я почиталъ его слишкомъ строгимъ, въ сужденіи легкихъ погрѣшностей; между тѣмъ какъ онъ былъ справедливъ; онъ хорошо зналъ это непостоянное и коварное сердце. Что я говорю? Коварное! какъ оно могло быть такимъ, до такой степени? Неужели и Беатриса могла уни-

зипься? . . . и я могъ любить такую женщину!“

Онъ опять сдѣлался неподвижнымъ, но вдругъ черты лица его прояснились; казалось лучъ свѣта озарилъ его душу.

„Но эштоѣ браслетѣ! я видѣлъ его у Жіованни . . . онъ ей принадлежалъ . . . При томѣ же эшо назначенное свиданіе! . . . нѣтъ, нѣтъ, вы хопите обмануть меня . . . они оба измѣнили мнѣ . . .“

Дорій поспѣшилъ извяснить Цезарю, какимъ образомъ онъ приведенъ былъ въ заблужденіе, потому что самъ Жіованни разказалъ ему эштоѣ случай: прося его возвратить Беатрисѣ сію вещь причинившую столько зла. Чтожъ касается до свиданія, то Цигала тупѣ находился совершенно случайнымъ образомъ; и онъ предпо-

лагаль, что единственною цѣлью прибытія Беатрисы въ маскерадъ въ переодѣяніи, было намѣреніе вывѣдать п а и н у ю склонность Жіованни. Она надѣялась получить отъ него признаніе въ любви, будучи припомъ увѣрена, что гордость и гнѣвъ дадутъ ей мужество оставить его, не давши себя узнать, въ случаѣ естлибъ ожиданіе ея было обмануто.

Но потъ, кто предается страстямъ, можетъ ли быть господиномъ своихъ поступковъ? Если мы дадимъ руку дьяволу, то онъ увлекаетъ насъ съ собою въ бездну. — Беатриса перешла границы благопристойности; чѣмъ же ей было болѣе пожертвовать к р о м ъ стыдливости? Выведенная изъ терпѣнія тѣмъ, что Жіованни

Мал. Рыц. Ч. III. В 2.

дружбу предпочелъ любви, (потому, что онъ тотчасъ узналъ переодѣтую очаровательницу :) она уступила порыву впрасни и наговорила ему множество упрековъ, признаній и убѣжденій. Тогда Жюванни далъ ей почувствовать, сколько такое поведеніе было непристойно для молодой дѣвицы; увѣряя при томъ, что мнимая склонность ея къ нему весьма скоро пройдетъ, и что она ошибается, почитая оную вѣчною страстію. Въ отвѣтъ на сію жеспокую истинну, Беатриса изчислила все, что она для него сдѣлала, сравнивая оное съ тою слабою взаимностію, каковою платила за нѣжностъ Цезаря, и наконецъ произнесла выраженіе, услышанное симъ послѣднимъ. Къ симъ подробностямъ Дорій при-

бавилъ, что по его совѣту Маркиза съ дочерью отпра- вились путешествовать, въ на- деждѣ, что переменна мѣста разгонитъ грусть сей дѣвицы, и засшавитъ мапъ позабыть униженіе ея прешерпѣнное.

„И такъ спарайся попра- виться, Адимарій,“ сказалъ Принцъ ласковымъ, но вмѣстѣ и спрогимъ пономъ, „поспа- райся забыть все это дѣло. Оставь эту безумную и нач- ни опять службу. Повѣрь мнѣ, что ты не будешь имѣть не- достатка ни въ славѣ, ни въ щастіи, естли только при- мешь на себя трудъ искапъ ихъ.“

„Такъ, мой Принцъ,“ сказалъ Цезарь „я въ самомъ дѣлѣ хо- чу забыть жестокую, но пре- жде сполько любезную для меня Беапрису!“ Онъ вздох-

нуль произнося ея имя, губы его дрожали, и глаза наполнились слезами.

Спыдаясь своей слабости, но не могши еще говорить внятнымъ голосомъ, онъ замолчалъ и смолчалъ на землю. Такое усилие превосходило въ сію минуту его мужество. Слезы изобильно текли по щекамъ его, онъ не могъ владѣть своимъ сердцемъ; — почему вспавши, ушолъ въ уголъ бесѣдки, и оставался тамъ до того времени, пока опяшь воспріялъ свою твердость. Когда онъ возвратился, по фізіономія его была спокойна; пожавъ руку Принца еѵ искренною признательностію, онъ сказалъ ему рѣшительнымъ голосомъ.

„Теперь вы не должны будете болѣе краснѣть за меня. Я скорѣе исторгну свое серд-

це, нежели стану сожалѣть о женщинѣ, которая никогда меня не любила. Я могъ бы все простить ей, кромѣ такого признанія. Слава скоро изгладишь образъ ея, но ни что не вознаградитъ потерю друга! ничто не изпребитъ гнусной неблагодарности, съ какою я поступилъ съ нимъ! Уже и то было пресупленіе, что я осмѣлился подозрѣвать его; надобно было еще, чтобъ я оскорбилъ его столь недостойнымъ образомъ?..

Воспоминаніе о послѣднемъ своемъ поступкѣ, напечатлѣлось въ душѣ Цезаря послѣ всего того, что онъ узналъ теперь отъ Принца. Онъ впалъ въ бездну стыда, и увѣренъ былъ, что ничто не могло его опшуда извлечь. Все прочее изгладилось изъ его памяти,

и онъ въ самомъ дѣлѣ могъ сказать, что забылъ ту, которой невѣрность сдѣлала его виновнымъ.

Дорій старался облегчить печаль его всѣми средствами; но какъ не могъ отвергнуть того, что Жіованни, не взирая на нѣжность свою къ другу, глубоко чувствовалъ обиду ему нанесенную, то всѣ его разсужденія остались щепетными. Цезарь съ глубокимъ молчаніемъ слушалъ подробности о великодушныхъ поступкахъ Жіованни съ старыми слугами замка Нерви; это великодушіе казалось ему внушеніемъ благороднаго мщенія. Дорій не могъ вытерпѣть, чтобъ не рассказать Цезарю о посѣщеніи Цигалы Михаели, которымъ деньги были уже присланы, и вручены Синдику.

„О! здѣлайте милость! не терзайте меня,“ вскричалъ Цезарь мучимый угрызеніями совѣсти. „Довольно! Довольно!“ сказавъ сіе онъ снова закрылъ лицо свое руками. Ощущенія его до такой степени были сильны и многочисленны, что фізіономія его ежеминутно измѣнялась. Но мало по малу выраженіе глубокой горести сдѣлалось менѣе, и скоро одни только взоры его извѣляли задумчивость и вмѣспѣ швердость.

„Нѣтъ,“ сказалъ онъ выражая въ слухъ свои мысли, „я не буду просить у него прощенія, пошому что не заслуживаю онаго; — мнѣ оспалось только одно средство: раздражать его добродѣтелями. Это одно только можетъ доказать,

что я не былъ не достоинъ дружества, которое онъ питалъ ко мнѣ. “

Дорій спросилъ его о будущихъ намѣреніяхъ, и онъ откровенно признался, что рѣшился сопровождать друга своего на войну, но при томъ бытъ въ какомъ дальнемъ отъ него разстояніи, чтобъ Жіованни могъ только слышать о его подвигахъ, до тѣхъ поръ пока славная смерть можетъ бытъ окончитъ дни его. Дорій не старался отвращать его отъ сего намѣренія. Онъ желалъ повышения Цезаря, и надѣялся, что жребій войны соединитъ рано или поздно сихъ двухъ друзей. Однако же онъ почелъ непремѣнною своею должностію сколько возможно споспѣшествовать къ скорѣйшему ихъ соединенію; почему и началъ го-

ворить о великодушїи Жіованни и дружбѣ его къ Цезарю; давши замѣнить сему послѣднему, что дѣйствіе времени и чистосердечное раскаяніе могли укротить негодованіе его друга. Дорій просилъ его не огорчаться до такой степени, потому что сіе, вмѣсто того, что бѣ успокоить Жіованни, произвело бы и въ немъ горестъ.

Принцъ предложилъ свое посредничество между двумя друзьями, но Цезарь не хотѣлъ о томъ и слышать; онъ слишкомъ унижилъ себя въ собственныхъ глазахъ своихъ, чтобы думать получить прощеніе Жіованни инымъ образомъ, а не посредствомъ подвиговъ, сопряженныхъ съ опасностію и долговременнаго раскаянія. Дорій едѣлалъ еще нѣсколько за-

мѣчаній, но какъ внутренно соглашался съ Цезаремъ, то и не сталъ оныхъ продолжашь.

„Не знаю, пошлемъ ли мы подкрѣпленіе въ Мальту“ сказалъ Принцъ помолчавши и съ разетроеннымъ видомъ, „но это не воспрепятствуетъ тебѣ труда ъхашь и отличить себя. Если правительство наше исполнитъ свою должность, тогда ты можешъ возвратиться съ тѣмъ, чтобы соединиться съ флотомъ. И такъ отправляйся, небо да покровительствуетъ тебѣ! Я желаю слышать только о подвигахъ твоихъ на полѣ чести и опасностей.“

Цезарь взялъ руку, кошую съ дружествомъ подалъ ему сей почтенный другъ, и прижалъ ее въ своему сердцу.

„Прощайте, мой Принцъ,“
 сказалъ онъ съ чувствитель-
 ностію. „Можешъ быть мы
 никогда не увидимся. Я бы го-
 раздо спокойнѣе былъ, еслибъ
 былъ точно увѣренъ, что
 другъ моего родителя освобо-
 жденъ отъ горестей, которыя
 теперь...“ сказавъ сіи слова
 Цезарь остановился, не смѣя
 коснуться столь нѣжной стру-
 ны, и желая однако же имѣть
 благопріятное свѣденіе о томъ,
 что происходило въ сердцѣ
 Принца. Дорій съ признатель-
 ностію отвѣчалъ ему:

„Будь спокоенъ, любезный
 Адимарій, фамильныя дѣла мои
 приняли другой оборотъ; я на-
 дѣюсь даже, что они устроят-
 ся лучше моихъ ожиданій...
 сынъ мой не женился. Повѣрь,
 что я не забуду сихъ дока-
 зательствъ твоей привязанно-

ести ко мнѣ и къ моему семейству.“

Прищѣ съ нѣжностію пожалъ руку молодого своего друга; Цезарь же съ почтеніемъ поцѣловавъ его руку, удалился. Расставшись съ нимъ, онъ пошелъ къ родспвеннику своему Синдику, который принялъ его самымъ дружескимъ и самымъ пріятнымъ образомъ. Онъ сообщилъ ему подробности о благородномъ поступкѣ Банкира Михаели, и о суммѣ, которую Жіованни получилъ за него, и тогда же положилъ въ Генуэзскій банкъ, гдѣ деньги сіи и оставались въ его распоряженіи.

Первое употребленіе, сдѣланное Цезаремъ изъ своихъ денегъ, было на благотворительныя дѣла. Сколько радости ощущалъ онъ, будучи

опянь въ состояніи предаватпья симъ любимымъ своимъ удовольствіямъ! Онъ выкупилъ потомъ единственное наслѣдство, оставшееся ему изъ отцовскаго имѣнія, которое заложилъ онъ ростовщикамъ. Оспавивъ наличную сумму денегъ на необходимыя надобности въ чужой сторонѣ, куда хотѣлъ отправиться, и устроивъ такимъ образомъ дѣла свои, онъ приготовился къ путешествію, которое почиталъ средствомъ къ раскаянію. Было время, когда Цезарь находясь въ подобномъ положеніи, лучше согласился бы умереть, нежели воспользоваться деньгами, полученными имъ посредствомъ стараній оскорбленнаго имъ друга, но это время прошло уже. — Съ сердцемъ наполненнымъ благороднѣйши-

ми чувствами, онъ превозмогъ себя, чтобъ доказать свое раскаяніе пожертвованіемъ своей гордости. Принимая благодареніе отъ Жіованни, онъ такъ сказалъ подкладывая подъ себя раскаленные уголья, и унижалъ себя гораздо болѣе, нежели когдабъ бросился къ ногамъ его, съ тѣмъ чтобъ просить у него прощенія.

Униженіе есть единый признакъ истиннаго раскаянія. Цезарь чувствовалъ омерзение къ самому себѣ, послѣ поступка своего, и даже увѣренъ былъ, что легче ему было получить прощеніе Жіованни, нежели примириться съ собственною своею совѣстію. Но когда мы принимаемъ какое нибудь твердое намѣреніе; — когда мы убѣждены въ томъ, что судимъ о самихъ себѣ совершенно без-

присипрасшно; — когда все увѣ-
ряешъ насъ, что мы не имѣ-
емъ другаго желанія, какъ
только сдѣлаться лучшими и
пріобрѣсти уваженіе добрыхъ
людей: тогда сколько бы вели-
ки ни были наши погрѣшно-
сти, но внутреннее чувство
обѣщаетъ намъ въ будущемъ
примиреніе съ самимъ собою.
Когда же мы наслаждаемся симъ
душевымъ спокойствіемъ, то
никакое несчастіе не можешъ
быть для насъ несноснымъ.

Ощущенія Цезаря въ рассу-
жденіи Жіованни, имѣли при-
чину весьма уваженія достои-
ную. Причина же, заставившая
его столь скоро забыть Беат-
рису, была не столько благо-
родна. Онъ былъ оскорбленъ,
приведенъ въ негодованіе и оби-
женъ мыслию, что сдѣлался
жертвою хитростей сей моло-

дой двѣицы и собственнаго щеславія. Гордость его была весьма тѣмъ раздражена, и отвращеніе не замедлило заступить мѣсто любви. Бывали даже минуты, въ которыя онъ вспоминалъ о случаѣ до сего времени не предсавлявшемся его мыслямъ, а именно: что первыя извѣвленія любви были со стороны Беатрисы. Если-либъ она пребыла ему вѣрною, то сіе воспоминаніе умножило бы только нѣжность и признательность къ ней Цезаря; но такъ какъ она обнаружила свое непостоянство, то вѣтренность сдѣлала ее въ глазахъ его совершенно презрительною. Однако же сіе обстоятельство было для него полезно. Совершенно предавшись двумъ великимъ предметамъ, славы и другу, Цезарь расшал-

ся съ мѣстомъ забавъ, нимало не желая возвращенія оныхъ.

Г Л А В А II.

Но гдѣ Жіованни! куда онъ скрылся? что съ нимъ сдѣлалось? что онъ чувствовалъ?

Вышедши изъ своего дома въ вечеру свадьбы Юлія Карега, онъ побѣжалъ самъ не зная куда въ необыкновенномъ смущеніи духа. Случай привелъ его на валъ, гдѣ онъ ходилъ нѣсколько времени не обращая вниманія ни на дождь, ни на поднявшійся вѣтеръ. Жіованни ничего не видалъ и не слыжалъ; только отдаленные шаги часовыхъ, поставленныхъ на крѣпости, отзывались въ ушахъ его въ то время,

когда шумъ волнъ и ярость въспровъ начинали ушихать. Изрѣдка видны были кое гдѣ разсѣянные огни, мелькавшіе въ громадѣ зданій и потомъ исчезающіе. Блистающіе огни маяковъ и фонарей висѣвшихъ на кормахъ кораблей, привязанныхъ въ гавани, одни только освѣщали сію сцену. Море, съ одной стороны сливавшееся съ горизонтомъ, представляло взору мрачную и несбѣянную бездну; съ другой же стороны, земля въ видѣ безобразнаго Хаоса, не позволяла глазамъ ничего порядочно различить. Жіованни не слышалъ вътра, ярящагося надъ его головою и спремящагося въ внутренность древнихъ лѣсовъ, потрясать столѣтніе дубы; онъ чувствовалъ только жестокую обиду, причиненную ему Цезаремъ.

„Обезчещенъ! обезславленъ! погибъ! произнесъ онъ нѣсколько разъ, то расхаживая большими шагами, то озираясь вокругъ себя, но не останавливая взоровъ ни на одномъ предметѣ. Онъ совершенно забылъ, что находился одинъ, безъ плаща и безъ шляпы, на крупномъ берегу среди бурной ночи.

„И ты! Цезарь, могъ поступить со мною такимъ образомъ! . . . Ты, для котораго я готовъ былъ пожертвовать жизнью!“ Великодушное сердце Жіованни было чувствительно къ безчестию.

Въ сей вѣкъ рыцарства, пощечина была самою величайшею обидою, какую только дворянинъ могъ получить. — Не отмстить за оную, значило жить въ безчестіи; но пролить кровь

человѣка, для котораго Жіо-
ванни пролилъ бы собственную
кровь, было такое дѣло, о ко-
торомъ онъ не могъ и подумать.
И такъ онъ долженъ былъ убѣгать
Цезаря потому, что не могъ
встрѣшить его иначе, какъ
только съ мечемъ въ рукахъ.

„И такъ мы навсегда разошлись!
и жизнь не имѣетъ для меня
болѣе ничего привлекательнаго!“

Едва произнесъ онъ слова сіи,
какъ тысячи сладостныхъ воспоми-
наній о благополучіи, которыми
наслаждался, наполнили его душу.
Онъ подумалъ о томъ, до какой
степени дружба могла ослабить въ
немъ даже стремленіе къ славѣ.
До какой степени всѣ удовольствія
души, вкуса и разума увеличены
были соотвѣтствованіи-

емъ Цезаря его чувствамъ; — какъ взаимная дружба облегчала ихъ горести, утверждала добродѣтели и исправляла недоспашки; какъ наконецъ они умѣли соглашать разнообразныя свои привычки посредствомъ равной любви другъ къ другу и безпредѣльной довѣренностью. Всѣ сіи удовольствія священнаго дружества, содѣлывающія человека благополучнымъ, были навсегда потеряны для него, подобно Метеору они блеснули на минуту и потомъ исчезли на вѣки.

Сердце Жіованни пронулось сими воспоминаніями и горесть испребила на нѣсколько минутъ изъ памяти его нанесенное ему безчестіе. Однако же онъ опять привелъ въ порядокъ свои мысли, и принялъ на будущее время намѣренія, на ко-

порыя съ начала не могъ рѣ-
шиться.

Пока онъ имѣлъ друга, то
нѣжность къ Цезарю сладост-
ными узами привязывала его
къ миру, и любовь его до та-
кой степени была велика, что
если бы ихъ связь продолжа-
лась еще болѣе, то онъ не по-
думалъ бы никогда лишать се-
бя свободы, вступя въ Маль-
тійскій орденъ. Но теперь,
когда Цезарь для него почти
уже не существовалъ, Жиован-
ни чувствовалъ, что единст-
венное убѣжище ему предсто-
явшее, было посвятить себя на
служеніе Богу и человѣчеству.
Такъ, только въ исполненіи
обрядовъ религіи, и въ дѣлахъ
благотворительности найдеть
онъ вторично утѣшеніе! Свя-
щенный огонь горитъ еще въ
его сердцѣ съ тѣмъ же блес-

комъ, съ какимъ онъ былъ прежде возженъ. Жіованни чувствовалъ себя способнымъ повергнуться къ стопамъ Небеснаго Отца крошкое повиненіе, совершенную любовь и признательность сына. Онъ готовъ былъ удивляться добродѣтелямъ и храбрости своихъ товарищей; восхищаться при видѣ красоты и чудесъ природы; наслаждаться удовольствіемъ помогать бѣднымъ, больнымъ и угнетеннымъ; наконецъ онъ могъ вспомнить о двадцати восьми годахъ прошедшей жизни, не заслуживавшей упрековъ ни отъ людей, ни отъ совѣсти. Имѣя столько причинъ къ утѣшенію; можетъ ли онъ быть несчастнымъ? Имѣя столько предметовъ для любви; — можетъ ли быть безпольнымъ человекомъ? И нако-

ицеѣ съ такими небесными удовольствіями, долженъ ли онъ навсегда опказаться отъ счастья?

Жіованни краснѣя превозмогъ свою слабость. Презрѣлъ привязанность свою къ Цезарю, которая какъ червь точила его сердце, и оставивъ валъ, пошелъ въ городъ и вошелъ въ первую попавшуюся церковь, съ шѣмъ, чтобъ отслушать обѣдню. Тутъ онъ во глубинѣ своего сердца возносилъ моленія ко Всевышнему, прося у него спокойствія для души своей, и чтобъ онъ содѣлалъ жизнь его полезною для людей. Жіованни молился также и за чело-вѣка, который пронзилъ его сердце; молился о томъ, чтобъ Богъ соединилъ его съ нимъ въ лучшемъ мирѣ.

Окончивши сіе, онъ пошелъ домой и тотчасъ занялся приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ своихъ, здѣлавъ законное распоряженіе всему своему имуществу. Хотя онъ ничего не могъ отдать другому, но имѣлъ однако же право дѣлать награжденія и давалъ пансіоны; это право употребилъ онъ въ пользу старыхъ служителей и пансіонеровъ Синьора Адимарія. Жіованни предоспавилъ пользоваться часшію доходовъ своихъ родственнику, которой взялся имѣть о нихъ попеченіе, но однако же большую часть сихъ доходовъ употребилъ въ пользу своего ордена. Утвердивши сіи распоряженія законнымъ порядкомъ, онъ ввѣрилъ дубликатъ сихъ документовъ и своего завѣщанія Принцу Дорію, чтобы предупредитъ всякую

неисправность или припязаніе со стороны своего родственника. Онъ намѣренъ былъ поспѣшнѣе отправиться въ Мальту на прекрасной галерѣ, купленной имъ за дорогую цѣну у Правительства, которую хотѣлъ подарить великому Магистру, и пока снаряжали сіе судно, имѣлъ довольно времени подумать о Цезарѣ. Порученіе, которое было возложено на Принца, наполнило сердце Жіованни безпокойствомъ объ участи его друга и причинило ему сугубую горестъ. Если бы это произошло двумя днями ранѣе, то онъ могъ бы еще сохранить своего друга; Цезарь подробно узналъ бы о поведеніи Беатрисы, отъ чловѣка, коего справедливость не подвержена была никакому сомнѣнію: теперь же всякое изб-

ясненіе было бы бесполезно, и вся надежда къ примиренію — тщетна. Жестокая обида навсегда разрушила ихъ дружбу.

Когда Жіованни узналъ, что ни Дорій, ни Синдикъ, никто изъ молодыхъ людей не знали куда дѣвался Цезарь, то ощутилъ великое безпокойство. Онъ не сомнѣвался, чтобъ другъ его не раскаялся въ своемъ наглому поступку, не оставляя однакожъ подозрѣній, копорья питалъ, и попому живо представилъ себѣ состояніе сей пламенной души, перзаемой ревностію, и вмѣстѣ угрызеніями совѣсти; но вдругъ ужасная мысль о смерти Цезаря поразила его и привела въ прелепѣ. Жіованни рѣшился по всюду искасть своего друга. Почему скрывая свое имя, и разсыпая золою, онъ осмаш-

риваль села, деревни — самыя уединенныя хижины и наконецъ успѣлъ отккрышь нѣкоторыя слѣды пути избраннаго Цезаремъ.

Кто хотя однажды видѣлъ Адимарія, тотъ не могъ забыть отличной его фізіономіи. Безнокійство, мрачная горестъ, душевное и пѣлесное изнеможеніе не препятствовали поселянамъ тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя онъ проходилъ, взирать на него съ удивленіемъ и любопытствомъ, и сіи чувства оставили въ нихъ объ немъ воспоминаніе.

Необыкновенныя поступки, которыя всегда отличали Цезаря отъ прочихъ молодыхъ людей, были вѣрнымъ путеводителемъ для Жіованни; онъ съ терпѣніемъ изслѣдовалъ всѣ пропипки лабиринта, по ко-

торому блуждалъ его несчастный другъ, въ надеждѣ найсти то мѣсто, гдѣ онъ остано-
вился.

Жіованни не намѣренъ былъ имѣть съ нимъ свиданія; напрошивъ онъ думалъ, что честь повелѣвала ему избѣгать она-го; но чувствовалъ припомъ невозможность заниматься дру-гими обязанностями, до того времени, пока не узнаетъ на-вѣрное о существованіи Цеза-ря и пока не удовлетворитъ всѣмъ его нуждамъ. Въ такомъ состояніи была душа его, ког-да проѣзжая однажды по узкой пропинкѣ, пересѣкавшей про-ходъ между горами, увидѣлъ Цезаря безъ всякаго движенія распросертаго на д о р о г ѣ. Тщетно захотѣли бы мы опи-сывать его чувства! Онъ со-скочилъ съ лошади, приподнялъ

своего друга и держалъ его въ своихъ объятіяхъ; потомъ началъ перешъ онѣмевшіе его члены, вливъ ему въ ротъ нѣсколько крѣпительныхъ капель, бывшихъ при немъ, и спараясь согрѣть его своимъ дыханіемъ: Все это было дѣло одной минуты. — Онъ всю, забылъ, кромѣ того дня, въ которой Цезарь, выплывши его изъ морскихъ волнъ, такимъ же образомъ прижималъ къ своему сердцу. Въ безмолвіи съ безпокойствомъ взиралъ на него Жіованни, упопреляя всѣ средства, чтобы возвратить его къ жизни. И когда почувствовалъ, что сердце Цезаря начало биться, а губы сдѣлали нѣкоторое движеніе: то залился слезами и благодарилъ небо. Цезарь открывъ глаза устремилъ оныя на Жіо-

ванни ; но взоръ его былъ спо-
коенъ и не одушевленъ.

„И такъ онъ болѣе нежели
умеръ!“ вскричалъ Цигала,
прижимая его къ своему серд-
цу и смотря на него съ нѣж-
носпію, какъ бы надѣялся симъ
взоромъ возвратитъ ему по-
терянный разумъ. „Если
это такъ, то я его не остав-
лю!“ Онъ умолкъ, чтобы слы-
шать нѣкоторыя отрывистыя
слова, произнесенныя Цеза-
ремъ, — и потомъ продолжалъ:
нѣтъ, я тебя не оставлю до
тѣхъ поръ, пока небо не воз-
вратитъ тебѣ разумъ.“

Жіованни произнесъ сіе по-
номъ рѣшительнымъ и вмѣ-
стѣ опчаяннымъ. Подумавъ о
Беатрисѣ, и взирая на жерт-
ву ея вѣроломства, онъ готовъ
былъ ненавидѣть самого себя
за то, что имѣлъ въ ономъ не-

винное участіе. Посмотрѣвъ
 вокругъ, онъ почувствовалъ
 возраждающуюся надежду при
 видѣ колокольни одного мона-
 стыря, который возвышался
 въ недалекомъ разстояніи. По-
 чему тихо положилъ Цезаря
 на лошадь; — ведя ее одною
 рукою за уѣзду, а другою под-
 держивая своего друга; и та-
 кимъ образомъ медленно при-
 ближился къ монастырю.

Безъ сомнѣнія чипапели до-
 гадались уже, что молчаливый
 Картезіанецъ, находившійся
 около четырехъ недѣль у по-
 стели Цезаревой, былъ никшо
 другой какъ Жіованни. И на
 сего-то несравненнаго друга
 успремилъ Цезарь первый взоръ
 свой, пришедши въ разсудокъ.
 Еслибъ Жіованни не при-
 выкъ удерживать движенія сво-
 его сердца, то бросился бы въ

объятія своего друга, лишь только услышалъ звукъ его голоса; но такъ какъ мы выше сказали, онъ привыкъ побѣждать самого себя, по удалился на нѣсколько времени, пока не прошло его смущеніе, и потомъ уже приблизился къ постѣли Цезаря. Онъ молился во глубинѣ своего сердца; — но выраженіе глазъ не могло измѣнитьъ ему, пошому что капитанъ сокрылъ отъ взоровъ Адимари и сіе движеніе, и слезы обильно имъ проливаемыя. Когда онъ оставилъ Цезаря, то сей послѣдній почелъ его только за благочестиваго брата ордена Святаго Бруно, которой видя, что онъ не имѣетъ уже нужды въ его попеченіяхъ — ушелъ отъ него, чтобы предложить свои услуги какому нибудь больному,

находившемуся въ большой опасности; и въ сію самую минуту нѣжная дружба и тиранническое честолюбіе сражались въ сердцѣ сего ложнаго Картезіанца.

Въ законахъ гостепріимныхъ рыцарей святаго Іоанна Іерусалимскаго все дышало духомъ рыцарства; слѣдовательно члены сего ордена привыкли не раздѣлять временнаго отъ духовнаго въ своихъ законахъ. Жіованни находился въ предѣлахъ, изъ которыхъ не могъ выйти. Онъ исполнилъ долгъ Христіанина подавши помощь человѣку, которой его оскорбилъ и воздая добромъ за зло; теперь же долженъ былъ исполнить обязанность рыцаря, которая повелѣвала ему убѣгать его присутствія, или

омыть безчестіе свое въ его крови.

Законы сего ордена, подобные законамъ и теперь еще существующимъ для всѣхъ воиновъ, были противны его поспановленію. Съ одной стороны, они запрещали строгаго поединки; а съ другой, всякой рыцарь, оставившій безъ отмщенія нанесенную обиду, былъ непременно изгоняемъ.

Жіованни былъ не безъ погрѣшностей; потому что будучи совершеннымъ образцомъ не совершеннаго Христіанина, и покоряясь законамъ церковнымъ, онъ повиновался вмѣстѣ и древнимъ обыкновеніямъ. Это препятствовало ему различить, сколько странно было соединеніе мирнаго духа Христіанства съ обязанностями мнимой чести, и сколько сое-

диненіе сіе пагубно для добродѣшелей и для благополучія жизни. И въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ по одному только гласу ложной чести, узы самыя нѣжныя были разрываемы! Сколько разъ невинный подвергался той же казни, какой и виновной! — Мнимымъ симъ обязанностямъ Жіованни посвятилъ самыя пламенныя желанія своего сердца. Онъ признавался самому себѣ, что Цезарь никогда не былъ ему такъ любезенъ какъ теперь, потому что былъ несчастливъ: и Жіованни не питая противъ него никакого гнѣва, — не почиталъ себя виновнымъ, что не опмѣшилъ за безчестіе, нанесенное ему въ минути запальчивости. Однако же такъ какъ пощечина по законамъ рыцарства почитается была смер-

тельнымъ оскорбленіемъ: то онъ заглушивъ гласъ природы, отвратилъ взоръ свой отъ спраждущаго друга, котораго хотѣлъ бы удержать въ своихъ объятіяхъ и прошивъ воли своей удалился отъ него.

Онъ тогда только оставилъ монастырь, когда совершенно увѣрился въ выздоравливаніи Цезаря, и отправился съ горестною рѣшимостію, прося почтеннаго Наспоятеля говорить о немъ, какъ о неизвѣстномъ человѣкѣ. Жіованни поѣхалъ въ Римъ съ тѣмъ, чтобы просить Папу о позволеніи воспріять крестъ. Сія церемонія была только для виду и означала, что святѣйшій Владыка хотѣлъ сохранить власть свою надъ всѣми членами орденовъ отъ него зависящихъ. Оттуда Жіованни отправился

въ Гавань Порто Еркаль, гдѣ надѣялся найши свою Галеру; однакожъ по прибытіи туда не засталъ ее. Желая неперпѣливо имѣть извѣстіе о вооруженіи Турокъ, онъ поѣхалъ въ собственное командорство, куда только что прибылъ Дюгеррасъ-Бальи изъ Негропонти исправивши посольство во Франціи.

Жіованни не видалъ сего храбраго рыцаря со времени послѣдняго сраженія, происходившаго на Африканскихъ берегахъ. Они были оба ранены на поляхъ Гомерскихъ, когда неприступная крѣпость Эль-Пенонъ де Велецъ была взята въ первый разъ рыцарями въ союзничествѣ съ Испанцами. Жіованни взиралъ на сего неустрашимаго старца, спрежнящагося на встрѣчу опасно-

спямъ и трудамъ, чтобы по-
даль руку помощи своимъ со-
братьямъ, и оставяющаго для
ужасовъ войны мирное жилище,
гдѣ наслаждался спокойствіемъ
и славою, имъ приобрѣтенною,—
взиралъ и не могъ довольно на-
дивиться величію души его и
могуществу добродѣтели.

Но орденъ Святаго Іоанна,
посвятившій себя на защище-
ніе всѣхъ притесненныхъ, не
только цѣлыхъ Государствъ,
но даже частныхъ людей, под-
вергаясь опасностямъ не для
желанія увеличить власть свою,
или приобрѣсть богатства, но
изъ благородной цѣли спасти
собственность другихъ; — сей
орденъ, существовавшій для об-
легченія участи бѣдныхъ, для
вспоможенія больнымъ и для
освобожденія плѣнныхъ, не дол-
женствовалъ также быть въ

свою очередь оставленъ безъ помощи ; и долгъ всякаго христіанина , а въ особенності рыцарей , повелѣвалъ обратъ-ся подъ знаменемъ Святаго Іоанна и грудью своей защищать оное опѣ мечей невѣрныхъ. Старый Дюгеррасъ извѣявилъ съ пылкістю юноши о готовності своей умереть подлѣ сей Хоругви , и пламенное сердце Жіованни еще болѣе воспламенилось отъ разговоровъ съ симъ храбрымъ рыцаремъ.

Турки уже не скрывали болѣе цѣли своего вооруженія , которое сначала приводило въ трепетъ многія Государства:— Они имѣли въ виду только истребленіе ордена госпепріимныхъ рыцарей. Въ сраженіяхъ происходившихъ между христіанами и невѣрными, рыцари всегда готовы были по-

жертвоватъ жизнію, которую проводили въ непорочности. Когда они овладѣли крѣпостями Гулешшою и Эль-Пенонъ-де-Велецъ: но два начальника Варварійскіе, Гассанъ Алжирской и Драгутъ Трипольской, сдѣлались ихъ не примиримыми врагами. Порша, давно уже раздраженная противъ рыцарей, также рѣшилась имъ отмстить; но въ семъ предпріятіи она не руководствовалась здоровою политикою: уступивъ гнѣву Министра и женщины. Мальтійцы взяли Галіюшъ, которой нагруженъ былъ самыми богатѣйшими товарами востока, и это было истинною причиною войны, которая была столь пагубна для ордена. Побужденный къ мщенію своимъ любимцемъ; потому что сей галіюшъ принадлежалъ

Кизляръ-Агъ и первымъ Султаншамъ сераля, Солиманъ собралъ свой диванъ и представилъ ему причины, по которымъ намѣревался напасть на Мальтійскихъ рыцарей. Онъ изобразилъ ихъ безпрестанная и почти всегда счастливыя предпріятія, добычи пріобрѣтенныя ими даже на моряхъ, находящихся въ Турціи. И въ самомъ дѣлѣ Архипелагъ покрытъ былъ ихъ галерами, и не было ни одной гавани въ Морехъ, которая не была бы свидѣтельницею ихъ отважности. Но Солиманъ не столько основывался на ущербъ, какой причиняли сіи страшные рыцари ихъ торговлѣ и мореходству, сколько на благочестіи своихъ подданныхъ; попому, что ни одинъ Музульманинъ не осмѣливался отпра-

вишкся на поклоненіе въ Мекку, не подвергая жизнь или свободу свою опасности; ибо рыцари захватывали корабли, перевозившіе сихъ набожныхъ Магомешанъ; — и еи послѣдніе встрѣчаясь съ Христіанами, никогда не избѣгали плѣну.

Солиманъ думалъ, что самая честь его требовала испребитъ сихъ образованныхъ разбойниковъ, или покрайней мѣрѣ согнать ихъ съ утеса, на которомъ они подобно орламъ укрывались въ своихъ гнѣздахъ, и подшерегши добычу, нападали на оную и похищали. Ему удалось уже лишитъ ихъ всѣхъ владѣній въ Архипелагѣ и въ малой Азіи; а также и острова Родоса. Одна только крѣпость оставалась у Рыцарей на Средиземномъ морѣ, и пошому Султанъ не сомнѣ-

вался въ успѣхѣ своего пред-
пріятія.

Нѣкоторые изъ Турецкихъ офицеровъ осмѣлились предло-
жити вопросъ : не полезнѣе ли
будетъ прежде нападенія на
Мальпу овладѣть Сицилією и
крѣпостями , принадлежащими
Христіанамъ въ Африкѣ ? Но
Солиманъ отвѣчалъ , что если-
ли Мальпа будетъ взята , то
Сицилія и Африканскія крѣпо-
сти сами собою отдадутся въ
ихъ руки. Однимъ словомъ ,
Солиманъ вполнѣ возчувство-
валъ обиду , нанесенную глав-
ному начальнику надъ его уве-
селеніями , и нетерпѣливо же-
лалъ отмстить за оную.

Экспедиція была назначена —
и Султанъ приказалъ приго-
товить все какъ можно ско-
рѣе. Онъ поручилъ начальст-
во надъ флотомъ Піали , мо-

лодому, превосходному Генералу, надъ высадными войсками Муспафъ старому полководцу, побѣдевшему подъ оружіемъ и прославившемуся прежними своими побѣдами.

Барварійцы также присоединились къ нимъ. Молодой и храбрый Гассанъ, Паша Алжирской обѣщался выставить всѣ свои войска и самъ ими предводительствовать, а Драгута, Губернаторъ Трипольской, долженъ былъ своими совѣтами и опытностію помогать Опломанскому Адмиралу. Слава знамениаго мореходца Драгута, долгое время превышала славу Андрея Доріа. Способность его начальствовать кораблемъ, — равнялась благо-разумію и удивительной храбрости, которыя оказывалъ онъ при нападеніи и защищеніи:

Привыкнувъ къ трудамъ и
 безпокойствамъ, онъ всегда
 былъ увѣренъ въ успѣхъ сво-
 его предпріятія; — потому,
 что былъ рѣшителенъ. Подъ
 предводительствомъ такихъ
 полководцовъ, флотъ, состояв-
 шій изъ ста шестидесяти во-
 енныхъ кораблей, не считая
 транспортныхъ, и армія изъ
 тридцати тысячъ Янычаръ и
 Спаговъ, кромѣ вспомогатель-
 ныхъ войскъ Варваріи, состав-
 ляли такую грозную силу, о
 которой нельзя было и поду-
 мать безъ ужаса.

Лишь только стало извѣст-
 но о назначеніи флота, то ве-
 ликій Магистръ ла Валлеттѣ
 приготовился принять его,
 какъ прилично начальнику ор-
 дена, никогда не трепетавша-
 го предъ непріятелемъ. Собрав-

ши потчасъ совѣтъ, онъ объявилъ оному о новостяхъ, полученныхъ имъ отъ своихъ агентовъ изъ Константинополя; почему и положено было издать прокламацію, чтобы призвать подъ свои знамена всѣхъ рыцарей, находившихся въ отсутствіи, какъ по своимъ дѣламъ, такъ и при исправленіи разныхъ должностей въ пріорствахъ, округахъ и командорствахъ. Онъ послалъ многихъ рыцарей въ Италію для набора войскъ, и для того, чтобы просить Христіанскихъ Государей о помощи, а между тѣмъ своеручно написалъ къ Дону Гарсію Толеду, Вице-Королю Слущгійскому, прося его немедленно прислать вспомогательныя войска, обѣщанныя Испанскимъ Королемъ; отъ которыхъ зависѣла такъ

же безопасность и собственных
 ныхъ его владѣній.

Въ ожиданіи сего, величай-
 шая дѣятельность царствова-
 ла въ самой Мальтѣ: со всѣхъ
 сторонъ съ твердой земли
 свѣзжались рыцари въ сію об-
 ширную крѣпость. Каждой
 день видѣли множество прѣз-
 жающихъ кораблей, нагружен-
 ныхъ оружіемъ, военными сна-
 рядами и свѣспными припа-
 сами и даже чужестранными
 волонтерами; однимъ словомъ
 все показывало, что храбрый
 ла-Валлеттѣ рѣшился или оп-
 разить непріятеля, или погиб-
 нуть подъ ихъ ударами. Вся
 Европа съ безпокойствомъ и
 удивленіемъ взирала на сію
 горсть Христіанъ, которые
 будучи одушевлены единоду-
 шіемъ, подобны были воину
 приготавливающемуся въ едино-

борству съ ужаснымъ исполнѣ-
номъ.

Кромѣ своего натуральнаго положенія; Мальта имѣла весьма мало средствъ къ оборонѣ. Когда Императоръ Карлъ V уступилъ ее ордену святаго Іоанна, что случилось почти за тридцать лѣтъ до сего произшествія, тогда на семъ островѣ была одна только крѣпость, замокъ *святаго Ангела*; и два небольшихъ города, изъ копорыхъ одинъ назывался *ла Читта Нотабиле*, а другой *Иль Берго*, который былъ ничто иное, какъ собраніе рыбачьихъ хижинъ, находившихся позади крѣпости святаго Ангела. Знаменитый Великій Магистръ Вилліеръ изъ Иль Адама перенесъ столицу въ Берго, окруживъ оный стѣнами и соорудивъ тамъ монастырь

Мал. Рыц. Ч. III. Ж 2.

ордена. Послѣ него, въ правленіе великаго Магистра Донъ Жуана д' Омеда претъяго его преемника, построены двѣ крѣпости: *Сентъ-Ельмъ* и святого Михаила. Будучи сооруже- ны на мѣстахъ самыхъ возвышенныхъ, они, казалось, царствовали надъ всѣми пристанями острова. Крѣпость *Сентъ-Ельмъ* построена на мысѣ, обращенномъ къ Сициліи, и раздѣляющимъ гавань на двѣ половины, которая безъ сего была бы слишкомъ обширна. Марца Музетъ, самая меньшая изъ гаваней, находилась на лѣвой сторонѣ мыса, и оную почитали довольно защищенною крѣпостію *Сентъ-Ельмъ*; но большая гавань преобладала другихъ укрѣпленій, потому что въ оной находились всѣ силы и богатства ордена.

Противъ крѣпости Сент-Ельмъ простирались два малые паралельные мыса. На ближайшемъ къ морю возвышалась крѣпость *святаго Ангела* защищаемая городъ; на другомъ же, который напрасно называли островомъ *де ла Санжь*, построена была крѣпость *святаго Михаила*. Пространство, заключавшееся между сими двумя полуостровами, образовало гавань, гдѣ галеры Мальтійскаго ордена были въ безопасности; сія гавань каждою ночью запиралась огромною железною цѣпью, простиравшеюся отъ крѣпости *святаго Михаила* до конца острова *де ла Санжь*. Подалѣе острова *де ла Санжь* была еще гавань для купеческихъ кораблей, защищаемая высотами *Конрадина*; но сіи высоты не были укрѣ-

лены и многочисленныя рейды и заливны, находившіеся вокруг острова, дѣлали высадки на оной весьма удобными, наипаче когда бы оныя защищаемы были значительнымъ флотомъ. Ла Валештѣ основывалъ свою надежду на мнѣніи, что выдержитъ осаду до бурнаго времени равноденствія, когда Турецкій флотъ, будучи не въ состояніи держаться на морѣ; не возможесть подать помощи войскамъ дѣйствующимъ на сухомъ пути. Онъ имѣлъ нѣкоторыя подозрѣнія на счетъ ложной и корысполюбивой политики Испанцевъ; и потому ожидалъ, что они пришлютъ вспомогательныя войска только въ самой крайности, по боязни подвергнуть Сицилію опасности претерпѣть нападеніе во время отсутствія Вице-

Короля. Почему же Валентин и решился полагаться только на собственные свои силы и мужество.

Въ сихъ мысляхъ онъ сдѣлалъ смотрѣ своимъ войскамъ, и потомъ раздѣспилъ ихъ на разные полки, смотря по большей или меньшей ихъ важности. Изчисливши всѣхъ воиновъ, бывшихъ на лицо, и тѣхъ, коихъ ожидалъ прибытія, онъ нашелъ, что число ихъ просипиралось до семи тысячъ человекъ. Союзники, служащія братья, и крестьяне набранные наскоро, всѣ вмѣстѣ составляли около трехъ тысячъ человекъ. Число сіе было не велико, но всякой воинъ былъ герой, а одинъ герой стоилъ цѣлой арміи.

Ла Валентинъ поручилъ защищеніе входа въ главную гавань

Ромегасу, командовавшему галерами. Начальство въ крѣпости Сент-Елмской назначено было почтенному Бальи Негропонскому; островъ де ла Санжъ ди Монпію, Италіянскому рыцарю перваго класса; самъ же ла Валеттѣ взялъ на себя защищеніе крѣпости святаго Ангела и Борго. Прежнюю же столицу поручилъ Москвиту, Португальцу исполненному опытности, давъ повелѣніе великому Маршалу Копьеру, производить родъ маленькой войны попеременно во всѣхъ частяхъ острова, съ тѣмъ, чтобы воспротивишься первой высадкѣ непріятеля.

Назначивши каждому мѣсто, и принявши отъ всѣхъ рыцарей клятву умеренъ защищая островъ, ла Валеттѣ убѣдилъ ихъ итти съ собою въ цер-

ковъ съ тѣмъ, чтобъ молишь
 о ба обв успѣхъ ихъ оружія,
 и очиститься отъ преж-
 нихъ грѣховъ искреннимъ по-
 каянiемъ. По окончанiи сей це-
 ремонiи, каждый рыцарь опи-
 правился къ назначенному по-
 ступу, и Дюгеррасъ рассказавшій
 сіи подробности Жіованни,
 также готовъ былъ немедлен-
 но ѡхатъ.

Г Л А В А III.

Слушая сіе повѣствованіе,
 Жіованни почувствовалъ преж-
 нее мужество свое возбужден-
 нымъ. Тысячи предметовъ, спо-
 собныхъ воспламенить оное,
 возобновились въ его памяти.
 Онъ вспомнилъ о своихъ под-
 вигахъ, о подвигахъ своихъ со-

товарищей, изъ коихъ нѣкоторые уже достигли главнѣйшихъ степеней ордена, а которые обрѣли славную кочину на поляхъ чеспии. Онъ слушалъ, дѣлалъ вопросы, размышлялъ, радовался и плакалъ, смотря потому, что рассказывалъ ему Дюгеррасъ. Жюванни служилъ съ храбрыми ла Валештомъ, когда сей герой командовалъ галерами ордена, и потому очень хорошо зналъ, въ чему была способна великая его душа. Будучи еще не опытенъ, онъ и тогда однако же могъ замѣтить превосходныя качества, твердую рѣшительность, непоколебимое мужество, духъ, котораго никакія случаи не могли смутить, и преданность своимъ обязанностямъ, которыя въ сію до-

стопамятную осаду показаны были храбрымъ ла Валепшомъ.

Между шѣмъ, какъ Дюгеррасъ описывалъ ему дѣятельность великаго Магистра, Жіованни воображалъ себѣ ла Валепша посѣщающаго магазины и больницы, ходящаго за больными и повелѣвающаго воинами; дающаго однимъ лѣкарства; при другихъ же чертящаго планы укрѣпленій: однимъ словомъ, выполняющаго всѣ обязанности войны и нѣжнаго челоуѣколюбія; съ лицомъ въ одно время выражающимъ кропость и величіе.

Удивленіе Жіованни премѣнилось въ дружбу при мысли до какой степени ла Валепшъ былъ любезенъ; и съ полуудержаннымъ вздохомъ произнесши имя Цезаря, онъ просилъ Дю-

Мал. Рыц. Ч. III. 3

геррасса взять себя на корабль его, въ случаѣ естли собственная галера его не скоро прибудетъ въ Порт-Ерколь. Сей послѣдній согласился на его прозьбу; но шакъ какъ долженъ былъ остановиться еще въ Сициліи, чтобъ понудить Вице-Короля Толеда послать скорѣе вспомогапельныя войска, то Жіованни съ удовольствіемъ узналъ наконецъ, что его галера пристала къ берегу. Взявши съ собою нѣсколькихъ рыцарей и солдатъ просившихъ перевести ихъ, онъ пуспился въ море въ одно время съ старымъ своимъ другомъ. Корабли ихъ разлучились близъ Мессинскаго пролива, и *Санта-Кроцъ*, (такъ называлась галера Жіованни) коснувшись плодоносныхъ береговъ Сициліи, обошла мысъ Пассаро и прошла чрезъ

каналъ отдѣляющій сей островъ отъ Мальты.

Не доходя Рейда Святаго Павла, они замѣтили два белѣющіеся паруса, казавшіеся издали Турецкими кораблями, которые держались между островомъ Гозо и двумя сосѣдними къ нему островами. Ночь облекала Природу, но луна освѣщала отдаленный горизонтъ, и время столько было благоприятно, что галера въ одно время могла пользоваться и парусами своими и веслами. Жіованни далъ приказаніе, какъ можно ближе подойти, чтобъ распознать силы непріятеля. Онъ примѣтилъ галеру несравненно превосходную предъ его галерою, и большой бригантинъ въ пятнадцать рядовъ весель. Безъ сомнѣнія суда сіи принадлежали къ Турецкому флоту,

и Жіованни заключилъ, что они посланы были напередъ, съ шѣмъ чшобы разсмотрѣть положеніе острова Гозо, а можетъ быть даже и покуситься нечаянно напасть на оный. Въ такомъ случаѣ взятіе сихъ судовъ было бы весьма полезно, потому что замедлило бы плаваніе флота, отъ котораго они были опдалены. Въ сихъ мысляхъ онъ рѣшился атаковать оныя. „Не подойди ли намъ къ нимъ, друзья мои?“ сказалъ онъ увѣрительнымъ тономъ, Офицерамъ своимъ и солдатамъ. Единодушной крикъ энтузіазма, былъ ему отвѣтомъ. Тогда онъ отдалъ должныя приказанія, назначилъ каждому мѣсто, и прежде нежели занялъ свое, отвелъ въ сторону Родольфа, и въ короткихъ словахъ извяснилъ ему,

что должно было произойти; оставивъ на волю его оставаясь на палубѣ, или сойдя въ Трюмъ, Родольфъ болѣе всего былъ пораженъ мыслию объ опасности своего благодѣтеля.

„Тебя покинуть, любезный господинъ мой! . . . вскричалъ онъ со слезами на глазахъ, „нѣтъ! если я долженъ умереть, то умру здѣсь, а съ тобой не расстанусь.“ При сихъ словахъ онъ бросился къ ногамъ его. Жюванни поднявъ его вѣпорично извяснилъ ему ужасную картину, которой онъ будетъ свидѣтелемъ; но такъ какъ Родольфъ непременно хотѣлъ подлѣ него остаться, то онъ и назначилъ ему близъ себя мѣсто.

Въ Это время Турки, примѣтивши Христіанскую гале-

ру, и надѣясь легко взять оную, поворопили суда свои и приближались къ ней. Луна находившаяся въ полномъ сіяніи, показала сколько они были страшны. Доспойно было удивленія видѣть ихъ разсѣкающими серебрянными морскія волны; и люди не столько мужественные, какъ бывшіе въ экипажѣ *Санта Кроце*, могли бы придти въ робость, при видѣ своей противъ нихъ слабости.

Въ это столѣтіе главная сила корабля состояла въ духовыхъ ружьяхъ и спальныхъ лукахъ, и потому не многіе суда имѣли болѣе одной пушки, которой смертоносное дѣйствіе зависѣло болѣе отъ искусства Капитана корабля, нежели отъ канонировъ, при ней находившихся. Жіованни замѣтилъ, что на галерѣ и на бриганти-

нѣ было по пушкѣ, и что сверхъ того, они наполнены были множествомъ янычарѣ и солдатѣ. При лунномъ свѣтѣ видна была толпа стрѣльцовѣ, готовыхъ пусшить пучи стрѣль на Христианскій корабль: Офицеры были также въ большемъ числѣ и отличались отъ прочихъ вышешими турбанами и своими блестящими кушаками.

Между тѣмъ, какъ непріятель, желавшій имѣть честь начать сраженіе, приближался къ Санта-Кроце, сія послѣдняя отдыкала на веслахъ. Обманутые симъ спокойствіемъ, и воображая безъ сомнѣнія, что сопровивники ихъ поражены были паническимъ страхомъ, Турки испустили торжественный крикъ, сопровождаемый

громкимъ звукомъ военныхъ инструментовъ.

На одномъ только лицѣ Родольфа можно было замѣтить смущеніе ; всѣ члены его шрепетали. Минуту спустя пуля стрѣлы и пуль пролѣтела возлѣ него, и за оною послѣдовали стenanія раненыхъ и умирающихъ. Въ первомъ движеніи онъ закрылъ лице руками ; но потомъ бросился искашь своего господина. Онъ нашелъ его старающагося извлечь стрѣлу, которая слегка поранила его въ шею, въ промежутокъ между шлемомъ и броней. Родольфъ подбѣжалъ къ нему, испортивъ стрѣлу и бросилъ ее въ моръ; но когда увидѣлъ кровь ручьемъ полившуюся изъ раны, то сталъ испускашь громкіе крики.

Жіованни бросивъ на него взоръ признательности, сказалъ нѣсколько словъ, чтобъ его утѣшить; потомъ перевязавъ рану свою шарфомъ, поспѣшилъ дать сигналъ, котораго всѣ его воины съ неперпнїемъ ожидали. Посему сигналу, со стороны Христїанъ открылся непрерывный ружейной огонь. Галера Жіованни находилась въ такой позиціи, что имѣла большую выгоду отъ дыму, который разсѣваясь, давалъ примѣчать палубу непрїятелей. Христїанскїе стрѣлки въ свою очередь поразили смертию и спрахомъ удивленныхъ Турокъ.

Кровопролитїе было ужасное, а замѣшательство непрїятелей еще болѣе. Турки надѣялись одержать легкую побѣду, и такое мужественное

сопротивленіе поразило ихъ въ одно время удивленіемъ и ужасомъ. вмѣсто звука огнестрѣльныхъ орудій, или свисту стрѣлъ, съ корабля ихъ слышны были только крики, ругательства, смена ція и бесполезныя приказы начальниковъ, которые командовали солдатами не знавшими дисциплины.

Бригантинъ, устрашенный положеніемъ своего товарища, поспѣшилъ придти къ нему на помощь, съ тѣмъ чтобы произвести разсѣяніе въ Христіанахъ и привлечь вниманіе ихъ на другую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ маневръ имѣлъ успѣхъ на нѣсколько минутъ, потому что Жіованни принужденъ былъ оставишь полупобѣжденнаго своего непріятеля; но однакожъ онъ жестокимъ образомъ оплатилъ Бриган-

тину за то, что сей заставилъ его потерять время. Подошедши къ нему, онъ направилъ единственную пушку свою и сдѣлалъ выстрѣлъ по поверхности воды. Ударъ сей былъ пагубенъ, потому что судно начало сперва примѣнно опускаться, а потомъ и совсѣмъ пошло ко дну.

Краткое безмолвіе воспослѣдовало съ обѣихъ сторонъ. Турки и Христіане устремили въ одно время взоры на то мѣсто, гдѣ исчезъ бригантинъ. Но не жалость и не состраданіе обладали душами ихъ. Съ одной стороны мщеніе а съ другой надежда, возбудили бѣшенство сражающихся. — Турки и Христіане снова схватились съ усугубившеюся ненавистью и рѣшимостью, Родольфъ одинъ только осталъ

ся неподвиженъ не могли совратить воровъ своихъ съ моря.

Хотя Турки, видя печальную участь своихъ товарищей, и съ мужествомъ возобновили сраженіе, но однако же жаръ ихъ былъ не продолжителенъ. Сей минутный порывъ не могъ устоять противъ рѣшительной и непоколебимой храбрости Христіанъ, одушевляемыхъ надеждою успѣха. Турки скоро лишились мужества и искали спасенія въ бѣгствѣ; употребляя всѣ силы, чтобъ избѣжать своихъ сопротивниковъ.

Санта-Кроце погналась за невѣрными, и *Жіованни* не переставалъ ободрять воиновъ своихъ словами и примѣромъ. Христіанскій корабль шелъ легче на парусахъ, и потому

скоро догналъ Турокъ. Жіованни, чтобы не дасть имъ вшорично ускользнуть изъ рукъ своихъ, сцѣпился съ ними на abordажъ носомъ и кормою.

Родольфъ видя, что господинъ его бросился на палубу Турецкой галеры, схватилъ сѣкиру и послѣдовалъ за нимъ. Всѣ рыцари устремились за своимъ мужественнымъ предводителемъ; и оба корабля соспавляли такъ сказать одинъ: всѣ Христіане совокупно напали на непріятеля.

Въ жестокомъ сраженіи, которое воспослѣдовало, Родольфъ ощутилъ въ себѣ новую силу. Сохраненіе собственной жизни, присоединилось къ мысли отличиться, и желанію подать помощь своему господину или умереть возлѣ него. Кровопролищіе было ужасное. Усилія

сражающихся заставляли суда качаться; и волны покраснѣвшіе отъ ручьевъ крови, копорая съ ними смѣшалась, слабо отражали видъ луны.

Жіованни думалъ, что борьба будетъ симъ окончана; но Турки, въ крайнемъ отчаяніи, собравшись вокругъ знамени полумѣсяца, являли столь грозный видъ, что удивленные Христіане остановились и даже обратились назадъ. Минута была рѣшительная. Жіованни видя отступленіе своихъ, бросился впередъ и поднявши руки вскричалъ: «Пойдемъ, друзья! за вѣру и святаго Іоанна.» Но произнесши сіи слова, онъ вдругъ упалъ. Смущеніе обвѣяло Христіанъ, и Турки, пользуясь симъ замѣшательствомъ, прогнали ихъ съ своей палубы; но будучи

елишкомъ слабы, чтобъ воспользоваться симъ преимуществомъ, они мыслили только о бѣгствѣ, и освободясь отъ крючьевъ и канатовъ ихъ удерживавшихъ, они вшорично обратились въ бѣгство.

Однакожъ Родольфъ не взирая на то, что самъ былъ раненъ, отнесъ на рукахъ своего господина, почитая его уже мертвымъ. Онъ снялъ шишакъ Жіованни, и примѣшилъ рану, изъ которой теченіе крови причинило ему обморокъ. Эта рана была та самая, которую получилъ онъ при самомъ началѣ сраженія, и она не имѣла бы никакихъ слѣдствій, еслибъ шарфъ, коимъ была перевязана, не развязался отъ движенія, отъ чего кровь съ большимъ стремленіемъ шуда обратилась. Лѣварь осмопрѣвшій рану, нашелъ ее

неопасною и тотчасъ перевязалъ. Радостный крикъ Турковъ, когда они опдалились, поразилъ слухъ Жіованни, и привелъ его въ чувство. Видя бѣгство ихъ галеры, онъ встаетъ, схватываетъ первое попавшееся ему оружіе, и повелѣваетъ гребцамъ своимъ за нею слѣдовать.

Онъ не замѣдилъ наступить непріятеля, и приготовился атаковать его въ шпретій и послѣдній разъ. Жіованни первый подалъ примѣръ, бросившись на палубу непріятельскую, сопровождаемый единственнымъ рыцаремъ у него оставшимся, храбрѣйшимъ изъ всего экипажа. Родольфъ познакомившись съ опасностію, и не обращая вниманія на свои раны, съ мужествомъ послѣдовалъ за ними. Турки поспротив-

шишь возлѣ большой мачты сражались съ опчаянною храбростію. Нѣсколько разѣ Хрисціане наступали на нихѣ, но всякой разѣ были отражаемы съ значительною пошереею. Образѣ Жіованни, шествующаго по тѣламѣ убиныхѣ и умирающихѣ, и прочищающаго мечемѣ путь къ непріятельскому знамени, имѣлѣ въ себѣ величественную — ужасную красоту, возбуждившую страхѣ въ невѣрныхѣ; бѣлокुरые волосы его разсыпались по плечамѣ и блиспали при лунномѣ свѣтѣ. Между шѣмѣ какѣ сей же самый свѣтѣ придавалѣ чертамѣ лица его бѣлизну и гладкость мрамора. Высокій ростѣ, величавая осанка, выразительная фізіономія, но наиболѣе непреодолимое мужество, являли въ немѣ сверхъестест-

Мал. Рыц. Ч. III. II 2.

венное существо. Нѣсколько
 минути. Турки мнили видѣть
 въ немъ святаго покровителя
 ордена, сражающагося за сво-
 ихъ рыцарей въ образѣ смерт-
 наго. Однако же они скоро
 превозмогли сей суевѣрный
 страхъ и возобновили сраже-
 ніе съ новою яростію. Въ
 эпомѣ послѣднемъ усиліи оп-
 чаянія, предводитель ихъ былъ
 убитъ, и въ тожъ мгновеніе
 Жіованни вырвавъ съкиру изъ
 рукъ Родольфа, перерубилъ
 древно, къ которому прикрѣп-
 ленъ былъ флагъ и низвергъ
 оный въ моръ. Увидя сіе Ту-
 рецкіе офицеры бросили свое
 оружіе и здались плѣнниками.
 Они потчасъ опведены были
 на Христіанскую галеру; часть
 экипажа оной посажена была
 на взятый корабль; послѣ че-
 го Жіованни отдалъ приказа-

ніе очищать палубу и перевязывать раненыхъ.

Теперь только Родольфъ узналъ господина своего, видя съ какою горестію и состраданіемъ присутствовалъ онъ при обрядахъ, съ которыми мертвые были предаваемы волнамъ, и при перевязываніи раненыхъ. Въ самомъ дѣлѣ это было ужасное зрѣлище! Оба корабля были наполнены несчастными, лишенными членовъ; — иные совершенно были неподвижны, другіе же едва дышали; — взирая на это, Родольфъ запрепещалъ и въ это время желалъ бы никогда не оставлять уединенной пещеры своей на печальныхъ, но невинныхъ берегахъ Авейрона. Глубокое безмолвіе, заступившее мѣсто шумнаго сраженія, видъ неба, гдѣ планеты спокойно продол-

жали свое печеніе , однообразный ревъ волнъ , мракъ и молчаніе царствовавшее на соседнихъ островахъ , умножили впечатлѣніе , которое ощущалъ онъ во время дѣйствія . Душа его , одушевленная энтузіазмомъ , примѣромъ и опасностію своего господина , теперь утоплена была быспроптою и новостію различныхъ ощущеній ; не имѣя теперь нужды принуждаться себя , онъ сѣлъ одинъ въ темномъ углу Каюты , и пролилъ испочникъ слезъ .

Между тѣмъ Жіованни , одушевляемый истиннымъ рыцарскимъ духомъ , позвавъ Турецкихъ офицеровъ въ свою каюту , старался утѣшить ихъ въ несчастіи , похваляя ихъ за мужество и оплакивая собственные свои потери . Величайшая учтивость , какую только

побѣдитель можетъ оказать побѣжденнымъ, состоитъ въ признаніи, что побѣда дорого ему стоить. И такимъ по образомъ Жіованни утѣшалъ своихъ непріятелей въ разбитіи ихъ, и сожалѣній, какъ они могли ощущать о потерѣ своихъ товарищей, убитыхъ въ сраженіи.

Не имѣя болѣе нужды сохранять въ тайнѣ цѣли своихъ предпріятій, Турецкіе офицеры признались, что въ то время, когда *Санта Кроче* на нихъ напала, они шли къ острову Гозо, въ намѣреніи сдѣлать нечаянное нападеніе на тамошнюю крѣпость, съ которою имѣли тайныя сношенія. (что видно было изъ бумагъ найденныхъ на ихъ галерѣ :) Нѣкоторые невольники изъ Магомешовъ, употребляе-

мыя при крѣпостныхъ рабо-
 тахъ, за которыми имѣли сла-
 бый присмотръ, нашли сред-
 ство переслать извѣстіе сво-
 имъ соотечественникамъ, обѣ-
 щаясь вспомоществовать имъ
 въ семъ предпріятіи. Планъ
 хорошо былъ начертанъ, и
 безъ сомнѣнія удался бы, если-
 бы къ щастію галера Жю-
 ванни не встрѣшила непрія-
 шеля. Еслибы Турки взяли
 Гозо. то нашли бы тысячу
 средствъ препятствовать оса-
 жденнымъ въ защищеніи себя;
 потому что замокъ сего осп-
 рова, построенный на утесахъ,
 сколько же возвышенныхъ, какъ
 тѣ, на коихъ сооружены были
 крѣпости святого Ангела, и
 Сент-Ельма на островѣ Маль-
 тѣ, отдѣленъ былъ отъ онаго
 каналомъ, имѣвшимъ въ шири-
 ну только нѣсколько миль.

Мысль, что оказалъ услугу своему ордену, утѣшила Жіованни — въ претерпѣнной имъ потерѣ, и въ томъ, что галера его находилась въ худомъ положеніи. Тѣ, которые пали на семъ сраженіи, были первыми жертвами; но они достигли своей цѣли, и погибли будучи покрыты славою. Не взирая на то, что корабль, который онъ надѣялся въ цѣлости подарить великому Магистру, находился въ разрушенномъ состояніи, но онъ обремененъ былъ профеемъ вознаграждавшимъ потерянное, и даже естли двѣ трети экипажа его погибли въ бою, то они искупили по крайней мѣрѣ своею жизнію, жизнь и свободу всѣхъ жителей острова Гозо.

Будучи печаленъ, но одна-

кожъ доволенъ самимъ собою, послѣ сихъ размышленій о своемъ поступкѣ, — каковымъ Жіованни всегда предавался: онъ собралъ ославшихся воиновъ своихъ и, ставши посреди ихъ на колѣни, приказалъ отслужить панихиду за упокой душъ, умерщвленныхъ на сраженіи.

Молитва была краткая, но вмѣстѣ и величественная. Родольфъ, принимавшій въ томъ участіе, не могъ не удивляться духу человѣколюбія и благотворительности, опличавшему всѣ поступки его господина, который даже и посреди ужасовъ войны, заставлялъ его дѣйствовать согласно съ симъ священнымъ правиломъ: *Миръ и благоволеніе человеку на земли.* По окончаніи церемоніи, Жіованни приказалъ

пристать къ острову Гозо. Тамъ увидѣвшись съ правише-лемъ, и вручивъ ему бумаги найденные на Турецкомъ суднѣ, копорые содержали въ себѣ измѣну невольниковъ, онъ продолжалъ путь свой вмѣстѣ съ плѣнною галерою.

Санта-Кроце вошла въ большую гавань при пушечныхъ выстрѣлахъ изъ минуты въ минуту, чшобы дать знать о взятой добычѣ. Первые лучи Авроры уже начинали позлащать знамя ордена, развѣвавшееся на башняхъ святаго Ангела, при подножіи коихъ поспѣшно собралась группа рыцарей. Когда галера проходила мимо утеса, рыцари привѣтствовали оную, спрашивая откуда она прибыла — и кто ею предводительствовалъ. При имени Жіованни Цигала, муже-

Мал. Рыц. Ч. III. I

ответнѣйшіе изъ нихъ вскрикнули отъ радости, и сбѣжали съ крупныхъ ступеней крѣпости, чпобы принять его, когда онъ сойдетъ съ корабля. Жюванни сбѣлъ на шлюбку, съ сердцемъ исполненнымъ признательности и веселія, и прѣбжавши на берегъ очутился посреди друзей своихъ. Почтенный Ла Валешъ прижалъ его къ перепещущей груди своей.

Г Л А В А IV.

Въ первыѣ числахъ Маія мѣсяца 1565 года, столь достопамятнаго въ лѣтописяхъ ордена, корабль, на которомъ Цезарь отправился, прибылъ къ острову Мальтъ. Тогда было утро, и лучи солнечные,

отражаемые утесами, производили въ воздухъ чрезвычайный жаръ. Великолѣпные ковры, содѣлываемые рукою природы, которыми Мальша украшена бываетъ зимою, когда цвѣтутъ деревья производящія хлопчатую бумагу, волосо подобныя растѣнія и разнородныя златники, — въ то время увяли, и каменистый островъ являлся только въ печальной своей обнаженности. Этошъ огромный утесъ, образованной самою природою въ видѣ валовъ, укрѣпленій и скалъ, представлялъ взорамъ Цезаря новое и поразительное зрѣлище. Изъ пристани примѣшны были бастионы и батареи возвышавшіеся одни надъ другими, разделенные сухими рвами удивительной ширины и глубины; видны были укрѣпленія взаимна

но себя прикрывающія, и надъ ними замки Святаго Михаила, Святаго Ангела и Сект-Ельмскій.

Городъ построенной на низшихъ утесахъ, слѣдовалъ за всѣми неправильностями, необыкновеннаго своего фундамента. Короткія и крупныя улицы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, были ничто иное, какъ пропасти, высланныя камнемъ на подобіе мостовыхъ, или крупныя лѣспицы, изсѣченныя въ скалахъ, стоящихъ перпендикулярно. Взирая на сіи спранные пупи, духъ человѣческой упомлялся, и съ трудомъ могъ повѣрить, чтобъ возможно было обитать въ столь неприступномъ мѣстѣ. Однако же удивленіе сопровождало сіе чувство; — и мысль о томъ, что человѣкъ съ терпѣніемъ могъ

преодолють всё препятствія ,
 пропивуполагаемая ему самою
 природою, наполняло душу гор-
 достію и прогоняла всё прочія
 идеи.

Въ самомъ дѣлѣ, существо-
 вованіе Мальты есть побѣда
 одержанная надъ нашою рою.
 Океанъ омывающій ея берега,
 утесы, увѣнчанныя многочис-
 ленными бапареями и защища-
 емая страшною артиллеріею ;
 флаги, развѣвающіяся на всѣхъ
 высотахъ, придають ей видъ
 укрѣпленнаго жилища Гиганта
 баснословныхъ временъ. Вели-
 чіе зрѣлища представлявшаго-
 ся взору, поразило Цезаря ;
 онъ смотрѣлъ на оное нѣсколь-
 ко минутъ съ удивленіемъ,
 какъ вдругъ голоса спутниковъ
 заставили его оглянуться, и
 въ недалнемъ разстояніи отъ
 себя онъ примѣтилъ толпу

рыцарей. Одинъ изъ нихъ имѣлъ большое сходство съ Жіованіемъ; правда, что онъ казался поменѣе его ростомъ; но Цезарь думалъ, что отдаленность его обманывала. Примѣтивши же ловкія его движенія, онъ совершенно былъ увѣренъ, что не ошибся въ своемъ заключеніи. — На одну минуту Цезарь остановился, но потомъ насунувши на глаза шляпу и перья ее осѣнявшія, рѣшился пройти мимо группы, столько занимательной для глазъ его.

При приближеніи его рыцари разошлись, и тотъ, котораго Цезарь замѣтилъ, остался одинъ. Казалось, что онъ погруженъ былъ въ сладостныя мечпанія, потому, что когда обратилъ взоры на Цезаря, то физіономія его, незнакомая сему послѣднему была исполнена

пріятной выразишельности , копорую только одно чувство можетъ раждать. Цезарь остановился , и учпивый рыцарь думая угадать по глазамъ его, что онъ не зналъ дороги къ *Борго*, тотчасъ къ нему подошелъ, не сомнѣваясь, чпобъ Цезарь не принадлежалъ къ числу волонтеровъ прибывшихъ на островъ по благороднымъ побужденіямъ; онъ увѣдомилъ его, что Великій Магистръ занятъ былъ въ сіи минуты посвященіемъ одного рыцаря; вызываясь учпивымъ образомъ проводить Цезаря или къ мѣсту, гдѣ совершалась церемонія, или въ монастырскую госпинницу для чужестранцевъ. Въ это же время онъ сказалъ ему , что имя его было Донъ Феликсъ Толедъ, и что онъ былъ сынъ Вице-Короля Сицилійскаго.

Будучи предупрежденъ въ его пользу сходствомъ, которое думалъ находить между имъ и Жіованніемъ, также и участіемъ внушаемымъ его фізіономією, Цезарь уступилъ пріятности его поступковъ, и принявъ предложеніе имъ сдѣланное, просилъ проводить себя въ церковь. Дорогою, Толетъ съ жаромъ извѣснялся о состояніи острова, о вспомога-тельныхъ войскахъ пуда ожидаемыхъ, и о скоромъ прибытіи Турецкаго флота. Теперь Цезарь замѣтилъ, что онъ не имѣлъ другаго сходства съ Жіованніемъ, какъ только въ голосъ, который былъ ещѣ только же звученъ, съ тѣмъ только различіемъ, что слова, относившіеся къ нѣжности чувствованій, произносилъ онъ тономъ необыкновенно вырази-

пельнымъ, подобно самому Цезарю.

Молодой рыцарь былъ почти однихъ лѣтъ съ Жіованніемъ. Хотя онъ былъ отмѣнно строенъ, однакоже не столько пропорціоналенъ во всѣхъ частяхъ, какъ сей послѣдній — и фигура его была болѣе прекрасна, нежели величественна. Онъ имѣлъ также голубые глаза, но они были темнѣе глазъ Жіованни, и лице его нѣсколько загорѣвшее отъ воинскихъ трудовъ, болѣе соответствовало его мужественной фигурѣ, нежели чрезвычайная бѣлизна лица Жіованни.

Занявшись единственно великимъ предметомъ, долженствовавшимъ по его мнѣнію занимать мысли всѣхъ прибывшихъ въ Мальпу искать опасностей и славы, Толедъ въ рѣчахъ сво-

ихъ не показывалъ ни недовѣрчивости, ни оспорожности; не взирая на то, что Цезарь казался ему только Италіанскимъ волонтеромъ, находящимся подъ покровительствомъ Принца Доріа.

„Вы также безъ сомнѣнія принадлежите къ ордену?“ спросилъ Цезарь Донъ Феликса.

„Нѣтъ, я здѣсь только Аманомъ за честное слово моего родителя. Два мѣсяца тому назадъ, какъ возвращаясь съ нимъ изъ экспедиціи Ла Гулетта я сюда пріѣхалъ. Онъ оставилъ меня великому Магистру, какъ залогъ, который сей послѣдній долженъ возвратить ему по прибытіи Сицилійскаго флота и вспомогательнаго войска, лишь только Турки подымутъ якорь. При-

знаюсь однако же, я столько жажду славы, что желаю даже, чтобъ противные въпры удержали отца моего до того времени, пока мы одни успѣемъ отразить непріятеля. О, какое благополучіе! — прогнать всѣ соединенные силы Оттоманской Порты! Семь тысячъ рыцарей противъ арміи невѣрныхъ въ десять разъ ихъ превосходящей! сія побѣда будетъ торжество Давида надъ Галіафомъ. Я надѣюсь участвовать въ оной, или съ честью умереть, не видя погибъли острова Мальты.

„Вы весьма щастливы, Донъ Феликсъ,“ сказалъ Цезарь взирая на выразительную физиономію этого молодого человека,“ потому что, кажется мнѣ, нѣтъ ни одной особы, котор-

рая сдѣлала бы жизнь для васъ драгоценною. “

„Вы шакъ думаете? “ прервалъ Толедъ, и въ сіе мгновеніе взоры его выразили нѣжность, а голосъ сдѣлался сполько же сладостнымъ, какъ звуки пріятнѣйшей музыки. „Однако же есть въ Сициліи одна особа, которой присудствіе составляетъ всю мою радость.— Отправляясь на войну я распался съ молодою и прекрасною супругою. Но для чего говорить о красотѣ ея? Я бы долженъ былъ сказать вамъ только, до какой степени люблю ее и обожаю! — Я оставилъ ее единственно для того, чшобы заплатить долгъ благодарности. Пять лѣтъ тому назадъ, претерпѣвъ кораблекрушеніе близъ береговъ сего острова, я спасенъ былъ са-

мимъ ла Валештомъ, и пошому былъ бы не достоинъ любви моей Камиллы, еспьли бы замедлилъ предложитъ ему помощь руки своей, уже испытанной въ сраженіяхъ! Но за то сколь велика и жертва мною сдѣланная!... Ахъ! Синь-іоръ, . . . надобно, чпобъ вы любили такъ, какъ я люблю; чпобъ вы обладали предметомъ любви своей, и чпобъ священныя узы, соединяющія насъ, дали вамъ познать красоту души и силу любви ея; — тогда только вы въ состояніи будете имѣть слабое понятіе, о пожертвованіи мною сдѣланномъ!“

Цезарь посмотрѣлъ на Толедасъ съ чувствомъ зависти, видя, что онъ размышлялъ опустивъ голову и сложа руки, какъ бы желая усладитъ себя нѣжными

Мал. Рыц. Ч. III. К

мыслями, которыя возспали въ душѣ его.

„Такъ,“ вскричалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, „сіи узы въ самомъ дѣлѣ должны быть священны, потому что благополучіе, вами описанное, возбудишь въ сердцѣ всякаго супруга чувства, могущія придать благородство его характеру.“

Послѣ сего Цезарева замѣчанія, они продолжали путь нѣсколько времени въ безмолвіи: Одинъ думалъ о семейственномъ благополучіи, которое ожидало его по возвращеніи; другой же помышлялъ съ горестію, что это благополучіе болѣе для него не существовало. — Вдругъ Донъ Феликсъ, какъ бы возбужденный отъ сна, просилъ товарища своего утѣшши скорбе, чтобы заспать

церемонію. Тогда Цезарь, думавшій нѣсколько разъ покушиться узнать о Жіованни, спросилъ о имени вновь вступающаго рыцаря ?

„Жіованни Цигала, отвѣчалъ Толедъ. Этотъ Цигала прежде еще принадлежалъ къ ордену, и былъ самымъ мужественнѣйшимъ и самымъ лучшимъ изъ рыцарей.“

Цезарь съ трудомъ воздержался отъ восклицанія, и опворопшилъ, чтобы скрыть свое смущеніе; между тѣмъ Толедъ продолжалъ рѣчь свою, сдѣлавъ столь краснорѣчивое описаніе сраженію Галеры Санта Кроче съ Турецкими кораблями, что Цезарь не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: „О, другъ мой! другъ мой! несравненный Жіованни!“

„Онъ другъ вашъ?“ повторилъ Донъ Феликсъ, смотря на него съ радостнымъ выраженіемъ, какъ бы давая чрезъ то знать, что отличныя достоинства Жіованни были достаточнымъ свидѣтельствомъ въ пользу всѣхъ тѣхъ, которые могли называться его друзьями. Облако горести поворачило взоры Цезаря при этомъ вопросѣ, и закрывъ глаза рукою, онъ отвѣчалъ:

„Я не смѣю теперь такъ его называть. *Нѣкогда* были мы друзьями; но я споль жестоко оскорбилъ этаго несравненнаго человека, что имѣю причину спрашиваться, что только одною жизнію могу загладить вину свою. Я прибылъ сюда, Донъ Феликсъ, единственно съ тѣмъ, чтобы пожертвовать этою жизнію; но жертв-

вовати єю такимъ образомъ ,
 щобъ Жіованни не краснѣя
 могъ пролити слезу сострада-
 нія на прахъ мой. Стараніе ,
 опять снискати , естли возмо-
 жно, уваженіе его , одно шолько
 и привязываетъ меня къ мі-
 ру. “

„Какого роду было это оскор-
 бленіе?“ спросилъ Толедъ оста-
 новившись и смотря на него
 любопытными глазами, но безъ
 всякаго предубѣжденія.

Въ семъ вопросѣ, сдѣланномъ
 безъ всякихъ околичностей,
 примѣтна была благородная
 опкровенность, показывавшая
 искренній характеръ Донъ Фе-
 ликса, который не имѣя всей
 нѣжности чувствованій Жіо-
 ванни, тѣмъ не менѣе однако
 же заслуживалъ уваженіе. Це-
 зарь отвѣчалъ ему помолчавъ
 нѣсколько минутъ: —

Мал. Рыц. Ч. III. К 2.

„Я надѣюсь, Донъ Феликсъ, что прежде окончанія осады, мы короче познакомимся: и такъ извините меня, естли теперь не могу сообщить вамъ сихъ несчастныхъ подробностей. Если до того времени вы удостоите меня вашей довѣренности, то вотъ вамъ рука моя: если же нѣтъ, то клянусь вамъ, что не воспользуюсь услугою, которую вы сегодня мнѣ оказываете, чтобы получить право на вашу дружбу.“

Толедръ отступилъ назадъ на нѣсколько шаговъ и приспально посмотрѣлъ на Цезаря; но вдругъ пріятная веселость блеснула на лицѣ его; — подошедши ближе, онъ подалъ ему руку и сказалъ: „я хочу имѣть къ вамъ довѣренность.“

Цезарь пожимая руку, столь благородно ему предложенную, ощутилъ непріятныя чувствованія. Съ одной стороны, что-то непонятное привлекало его къ сему опкровенному чужестранцу; съ другой же, онъ упрекалъ себя въ томъ, что дозволилъ новой дружбѣ проникнуть въ расперзанное свое сердце, на мѣсто той, которой лишился единственно опъ себя.

Взглянувши на него, Толеда отврапилъ взоры и началъ говорить о другой матеріи. — Пришворясь не внимательнымъ, онъ однако же замѣтилъ, или лучше сказать угадалъ, что происходило въ сердцѣ Цезаря, и желая разогнать печальныя его мысли, завелъ рѣчь о другихъ занимательныхъ предметахъ. Будучи твердо увѣ-

ренъ, что нѣжное сердце не могло быть испорченнымъ, и видя на лицѣ Цезаря знаки чрезмѣрной чувствительности, Донъ Феликсъ убѣдился, что не станеть раскаяваться въ томъ, что съ нимъ познакомился.

Они пришли къ преддвѣрію храма. Переступивши черезъ порогъ, Цезарь почувствовалъ необыкновенное смущеніе, и не понималъ причины несносной тоски, его удручавшей. — Онъ не могъ сожалѣть о томъ, что другъ его готовъ былъ навсегда пожертвовать своею свободою, къ которой не былъ нимало привязанъ. Обѣтъ цѣломудрія также давно произнесенъ былъ въ сердцѣ Жюванни; потому, что любовь не нужна была для его благополучія, и потому, что посвящая

жизнь свою услугамъ челоѵ-
честву , въ этомъ случаѣ онъ
слѣдовалъ только своей врож-
денной склонности. Кромѣ
сихъ обязанностей орденъ свя-
таго Іоанна Іерусалимскаго
дозволялъ заниматься воински-
ми подвигами ; слѣдовательно
давалъ пищу предприимчивому
генію Жіованни , доставляя за-
нятіе его духу. Если бы
произнося обѣты , онъ прину-
жденъ былъ оставаться въ без-
дѣйствіи, то тогда Цезарь
имѣлъ бы справедливую при-
чину прешептать , взирая на
его посвященіе.

Таковы были мысли Цезаря,
старавшагося преодолѣть свое
смущеніе; но однако же онъ не
могъ избавиться жестокой мы-
сли : „что еслибъ не оскор-
билъ Жіованни — столь недо-
стойнымъ образомъ: то онъ не

подумалъ бы разстаться съ свѣтомъ! “

Донъ Феликсъ спросилъ: не желаетъ ли онъ лучше не входить въ церковь? и голосъ его вывелъ Цезаря изъ задумчивости. — Онъ просилъ Толеда спастись съ нимъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не могли бы его видѣть; послѣ чего они вошли въ Церковь. Долгое время Цезарь ничего не могъ различить изъ окружавшихъ его предметовъ. Слабый свѣтъ, царствовавшій въ этомъ огромномъ зданіи, наполненномъ множествомъ рыцарей одѣтыхъ въ черное платье; многочисленные профей побѣдъ ими одержанныхъ, заграждавшіе свѣтъ оконъ, въ которыхъ росписанные спекла и такъ съ прудомъ уже пропускали разноцвѣтные лучи; шоржественное пѣніе, дымъ

отъ ладону, ничто не поража-
ло Цезаря, когда онъ пришелъ
въ себя, кромѣ олшаря, на ко-
шорой не смѣлъ взглянуть, бу-
дучи твердо увѣренъ, что уви-
дитъ тамъ друга своего.

Часть церемоніи была уже
кончена во время прихода ихъ
въ церковь. Когда хоръ умолкъ,
и голосъ великаго Магистра,
исполненной важности, провоз-
гласилъ: что рыцарь, нѣкогда
принадлежавшій къ ордену, же-
лаетъ возобновить свои обѣ-
щанья; тогда взоры Адимарія не-
вольнымъ образомъ туда обра-
тились. Онъ примѣтилъ поч-
теннаго ла Валешта, сидящаго
въ олшарѣ; Мальтійскаго Епи-
скопа передъ нимъ стоящаго,
и Жіованни на колѣняхъ на
первой ступени олшаря, одѣ-
таго въ широкую мантію изъ
чернаго атласа; въ одной рукѣ

онъ держалъ мечъ, а въ другой зазженную восковую свѣчу. Волосы его, распущенныя по плечамъ, блистали при огнѣ, подобно волнамъ чистаго золота. Лице его было блѣдно, но глаза къ небу обращенные, блистали столь живѣйшимъ пламенемъ, что Цезарь не могъ совратить съ нихъ своихъ взоровъ.

По данному знаку, Жіованни вспалъ и положивъ на олтаре мечъ свой, опять принялъ прежнее положеніе, между тѣмъ какъ обыкновенныя притакихъ случаяхъ молитвы и увѣщанія продолжались. Въ это время сердце Цезаря, такъ сказать, хотѣло выскочить; онъ блѣднѣлъ, удерживалъ свое дыханіе, и, казалось, забывалъ все его окружавшее, кромѣ единого человѣка, къ которому

торомъ находился, потупилъ
 глаза въ землю, стараясь пре-
 одолѣть свои чувства. Ему
 удалось нѣсколько себя успо-
 коить, но онъ не могъ однако
 же избавиться отъ трепета,
 который отъ времени до вре-
 мени заставлялъ его дрожать
 — какъ бы въ лихорадкѣ. Те-
 перь онъ дорого платилъ за
 прошедшіе поступки; потому,
 что не могъ истребить въ ду-
 шѣ своей мысли: что единспи-
 венно неблагодарность его
 заставила Жіованни пожерт-
 вовать своею свободою, и что
 обѣтъ, теперь произнесенный
 другомъ его, на вѣки закры-
 валъ отъ него его сердце.
 Мысль сія до такой степени
 была для него несносна, что
 даже и нѣжное соучастіе, ока-
 занное ему Донъ Феликсомъ,

не могло ни на минути пронапть оной.

Когда великій Магистръ опоясалъ Жіованни мечемъ, и когда сей послѣдній возвратилъ ему оный обратно обнаживши: то ла Валеппъ положивъ мечъ на плечо его провозгласилъ: „Во имя Всесвятой Троицы, рыцарь ордена святого Іоанна Іерусалимскаго!“ Потомъ слегка ударивъ его по щекѣ, присовокупилъ сіи торжественныя слова: „Возстань и не помышляй болѣе о дѣлахъ сего міра.“

Цезарь затрепеталъ, и приложивъ обѣ руки къ груди, старался уменьшить необыкновенное біеніе своего сердца. Голосъ Толеда впорично заставилъ его опомниться, онъ спалъ опять на свое мѣсто, отъ котораго было опдалил-

ся ; между тѣмъ какъ великій Магістръ продолжалъ свое поученіе:

„Будь непоколебимъ въ религіи Іисуса Христа ; и нося Крестъ Господень , будь всегда въ готовности принимати самыя величайшія оскорбленія — и претерпѣвать униженіе самое несноснѣйшее.“

При сихъ словахъ смущеніе Цезаря еще болѣе увеличилось. Онъ вообразилъ себѣ о смерти Жіованни , и эта жестокая мысль заставила его позабыть обо всемъ. Закрывъ лице руками , онъ проливалъ горькія слезы , и потому не видалъ какъ привязывали шпоры , — не слыхалъ также молитвы , сопровождавшей сію проташельную церемонію. Наконецъ голосъ Жіованни , отвѣчавшаго на вопросы и настав-

денія великаго Магистра , возбудилъ Цезаря отъ горестной нечувствительности , въ которой онъ находился. Каждое слово , произносимое симъ исполненнымъ пріяшности голосомъ , повпорявшимъ за ла Валешцомъ обѣшы повиновенія , цѣломудрія и готовности все претерпѣть за вѣру , — отзывалось во глубинѣ сердца Цезаря , заставляя оное бишься необыкновеннымъ образомъ. Слезы его снова полились , но теперь они возбуждены были умиленнымъ чувствомъ нѣжнѣйшаго состраданія.

Цезарь молилъ всевышняго Творца , чтобъ онъ дозволилъ ему умереть со славою , защищая своего друга , или чтобъ допустилъ получить отъ него прощенье и позволение вступ-

Мал. Рыц. Ч. III. Л 2.

пить на военное поприще и произнести тѣ же обѣщанья.

Когда онъ опять поднялъ глаза, то Жіованни былъ уже одѣтъ въ черное плащье рыцарей, и внималъ послѣднимъ наставленіямъ великаго Магистра о различныхъ родахъ блаженства, и убѣжденіямъ молиться за преславившихся брагъевъ ихъ ордена. Симвъ окончилась церемонія; — но ла Валентъ взявши бѣлый колечъ и красный крестъ, которые рыцари отправляясь на сраженіе надѣвають сверхъ латъ, приказалъ Жіованни подойти къ себѣ, чшобы получить оныя изъ рукъ его — и надѣвая ихъ на новаго рыцаря, онъ произнесъ трогательную рѣчь, воспламенившую сердца всѣхъ слушателей.

„Скоро,“ сказалъ онъ, „наступитъ день сраженій; день, въ которой должно облекаться въ сію одежду; невѣрные приближаются къ берегамъ нашимъ — и каждый рыцарь долженъ быть въ готовности, сопрошивляясь имъ, какъ слѣдуетъ достойному сподвижнику Бога и Іисуса Христа. Да будетъ это плащъ, или поржесшвенною нашею одеждою, или смертнымъ покровомъ.“ Тутъ изчислилъ онъ все зло причиняемое Христіанамъ невѣрными сынами Магомета, и страны ими опустошенныя; — списавъ живыми красками ужасное положеніе безчисленнаго множества невольниковъ, спраждущихъ у нихъ въ оковахъ. — Потомъ доведши рѣчь до оскорбленій, попорья въ разное время не-

чеспивцы сіи причиняли ордену святаго Іоанна, онъ сдѣлалъ возваніе ко всѣмъ предсіюющимъ рыцарямъ, приказавъ имъ обнажить мечи, и поклястися имянемъ святаго ихъ защитника, не влагать оныхъ въ ножны до тѣхъ поръ, пока съ Божіею помощію, не прогнаны будутъ невѣрныя отъ береговъ острова Мальты. Всѣ отвѣщствовали сему возванію, и смѣшанные голоса ихъ подобны были шуму бури, реву волнъ морскихъ, или опдаленному крику безчисленнаго народа. Рыцари оспались неподвижны — держа обнаженные мечи свои надъ головами. По всюду царствовало глубокое молчаніе. — Попомъ Ла Валешшѣ подалъ примѣръ: всѣ они, какъ бы слѣдуя единодушному движенію, пали ницъ предъ олша-

ремъ Господнимъ. Тогда Мальтійскій Епископъ приблизился, чтобы благословить священный подвигъ, къ которому они приготовлялись. Онъ хотѣлъ говорить; но умиленіе, ощенное имъ при видѣ такого множества рыцарей всякаго возраста, исполненныхъ Христіанской преданности, которые скоро должны были подвергнуться всѣмъ ужасамъ жестокой войны, пресѣкло его слова. Обращивъ глаза къ нему, съ безмолвною сердечною молитвою, и благословивъ толпу рыцарей, стоявшихъ на колѣняхъ, онъ долгое время оставался неподвижнымъ. Почтенное лице его выражало горестное чувство, грудь воздымалась — и вскорѣ слезы покапались по щекамъ его, покрытымъ морщинами старости: —

Онъ скрылся за олтаремъ, и выходъ его былъ знакомъ, что церемонія кончилась.

Г Л А В А V.

Цезарь до тѣхъ поръ находился съ Донъ-Феликсомъ въ опдаленіи, пока главныя дѣйствующія лица не вышли изъ церкви; а потомъ съ смущеніемъ, которое съ трудомъ могъ преодолѣть, онъ просилъ Толедда найти для него жилище, какъ можно подалѣе отъ того мѣста, гдѣ жилъ Жіованни; потому, что рѣшился убѣгать его до самой той минуты, пока какимъ нибудь славнымъ подвигомъ не возобновитъ прежнихъ правъ своихъ — на его уваженіе.

Донъ-Феликсъ въ отвѣтъ на сію прозьбу, увѣдомилъ его, что Жіованни занималъ постъ въ Сенті-Ельмской крѣпости, которая болѣе прочихъ подвержена была непріятельскимъ нападеніямъ, будучи главнымъ оборонительнымъ пунктомъ всего острова. Толеда же только что вступилъ въ эскадронъ, который долженъ былъ охранять окрестности, и наблюдать за мѣстами удобными къ высадкѣ непріятели. Этого постъ заставляя его быть въ безпрестанной дѣятельности, болѣе другихъ приличествовалъ расположенію его духа, наполненнаго самыми пріятными воспоминаніями, и принуждавшаго его присоединять величайшее терпѣніе къ прочимъ достоинствамъ воина. Убѣдивъ Цезаря вступить въ этотъ

же корпусъ, Донъ-Феликсъ спросилъ его, не желаетъ ли онъ быть теперь же представленнымъ Великому Магистру? — Цезарь принялъ великодушное его предложеніе, и въ то же время извѣдывилъ ему живѣйшую признательность за ту довѣренность, которою онъ удостоивалъ человека, совершенно для него незнакомаго.

„Да въ чемъ же мнѣ подозрѣвать васъ?“ спросилъ Толедъ съ обыкновенною своею искренностію. „Здѣсь кромѣ ранъ, или голоду ничего намъ болѣе не предстоитъ, и вы вѣрно не станете обманывать человека, единственно для удовольствія быть съ нимъ вмѣстѣ убитымъ.“

— „Но вы забыли, что есть шпионы Иногда всеобщая безопасность требуетъ, чтобъ

мы не слишком предавались
движеніямъ благороднаго сердца . . . “

„Клянусь Богомъ! я объ этомъ
и не подумалъ, “ прервалъ То-
ледъ вдругъ остановившись.
Цезарь засмѣялся, — и Толедъ
сдѣлалъ тоже. Потомъ удво-
ивъ шаги, онъ прибавилъ: „Пой-
демъ-те, мы скоро это узна-
емъ — . . . и я не думаю, что-
бы могъ въ разсужденіи васъ
ошибиться. Великой Магистръ
безъ труда угадаетъ, что
происходитъ въ вашемъ серд-
цѣ, не смотря на эту чест-
ность, блистающую во взорахъ,
которые могли бы обмануть
меня; но впрочемъ я ни на одну
минуту не могу въ васъ усом-
ниться. “

„Благородный Донъ-Феликсъ!“
вскричалъ Цезарь, и потомъ
произнесъ шихонько: „Но одна-
Мал. Рыц. Ч. III. М

но же ты не можешь никогда сравняться съ Жіованніемъ.“

Толедръ повелъ его къ себѣ на квартиру, находившуюся въ Борго, и оставивъ тамъ, пошелъ узнать о времени когда Великій Магистръ можетъ принять его къ себѣ. Онъ скоро возвратился съ пріятнымъ извѣстіемъ, что Ла Валешъ непрерывливо желалъ видѣть незнакомаго рыцаря. Цезарь вспалъ и послѣдовалъ въ безмолвіи за своимъ пупеводителемъ. Свиданіе съ Великимъ Магистромъ принесло ему великое удовольствіе. Письмо Принца Мелфи, и свидѣтельство о чинѣ занимаемомъ Цезаремъ въ морской службѣ республики, были достаточными доказательствомъ. Кромѣ того Ла Валешъ сказалъ ему, что слава о его

подвигахъ уже давно достигла острова Мальшы, и заставляла надѣяться, что столь храбрый волонтеръ не скоро оставитъ своихъ будущихъ соопарищей.—Цезарь ошвѣчалъ на сіе привѣтствіе поклономъ; потому, что полноша чувствованій пресѣкла ему рѣчь. Онъ вспомнилъ о церемоніи, кою которой былъ свидѣтелемъ, и не могъ безъ сердечнаго содроганія помыслить о томъ: сколько в р е м е н и долженствовало пройти до того дня, пока онъ въ состояніи будетъ примириться съ Жіованни.

Радость заблестала на лицѣ Толеда, когда ла Валеттѣ позволилъ ему отъ собственнаго своего имени представить Цезаря командору Копьеру съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній принялъ его въ свой

корпусъ вмѣстѣ съ прочими волонтерами: этотъ корпусъ находился тогда близъ Мугіарскаго залива—и потому Донъ Феликсъ опять отвелъ къ себѣ новаго своего соповарища, назначивъ отбѣздѣ туда завпрещенимъ упромъ.

„Теперь уже не станемъ думать, сказалъ Толедъ, ни о легковѣрности, ни о великодушii. Мы будемъ слѣдовать почти одной участи: Вы будете сражаться съ тѣмъ, чтобы возвратить сердце вашего друга; а я съ тѣмъ, чтобы сохранить сердце моей супруги. Что можетъ быть благороднѣе такихъ побужденій?“

Цезарь взявши руку, которую подалъ ему Донъ Феликсъ, пожалъ оную съ чувствомъ. Остатокъ дня провели они дѣлая нужныя приготовленія къ

отъѣзду, а часть ночи въ разговорахъ о будущемъ. Толеда изчислилъ всѣхъ чужестранцевъ, прибывшихъ сражаться и одушевляемыхъ единымъ духомъ рыцарства; между ими назвалъ онъ двухъ сыновей Принца Мельфи, и Цезарь съ удовольствіемъ узналъ, что сіи молодые люди были прежде его пріятели, Марко и Цинпіо, любимые также и отцемъ своимъ. Прибытіе Цинпіо на островъ было залогомъ, или лучше сказать доказательствомъ его исправленія. Въроятно онъ отказался отъ своихъ пагубныхъ склонностей, которыми можно предаваться только въ роскошной и вѣгѣ большихъ городовъ. Сердце Цезаря порадовалось, когда онъ подумалъ о добродѣтеляхъ почтеннаго старика Доріа, и съ

Мал. Рыц. Ч. III. М 2.

сей минушы онъ почувство-
валъ благосклонность даже и
къ этому молодому человѣку.

Тутъ рѣчь зашла о дружбѣ,
соединявшей Адмирала Доріа
съ опцемъ Адимари. Цезарь
о п и с а в ъ характеръ того и
другаго, не могъ довольно на-
говориться о послѣднемъ. Онъ
нашелъ внимательнаго слуша-
теля въ Толедѣ, который съ
живѣйшимъ удовольствіемъ пре-
клонялъ ухо къ описанію, ка-
кое Цезарь со слезами на гла-
вахъ дѣлалъ добродѣтелямъ и
нещастіямъ любимаго имъ оп-
ца. Сіе повѣствованіе и довѣ-
ренность возбудили въ душѣ
Донъ Феликса сладостнѣйшія
чувствованія, и будучи ободренъ
сходствомъ склонностей,
онъ предался взаимной довѣ-
ренности: говорилъ о женѣ
своей, о томъ времени, когда

въ нее влюбился и щасливой будущности, которою надѣялся наслаждаться.

„Вы видите, что наша любовь съ нею не есть обыкновенная, сказалъ онъ, окончивши повѣсть свою, потому что она подвержена была четырехлѣтнимъ жестокимъ опытамъ. Но не всѣ опцы добры и разсудительны; — и любовники очень часто только на краю гроба узнаютъ, сколько они другъ друга любили! Можетъ быть мы съ Камиллою отъ того теперь гораздо щасливѣе, что союзъ нашъ долгое время былъ опкладываемъ; однако же все жестоко поперяшь столько лѣтъ, которые можно было провести въ благополучіи! — Но надобно вамъ показать локоны прекрасныхъ волосъ моей Камиллы, она по-

дарила мнѣ его, въ день нашей разлуки. “

Сказавъ сіе, онъ вынулъ изъ кармана маленькой бумажникъ, и нашедши въ ономъ дощечки изъ слоновой кости, подалъ ихъ своему поварищу. Между сими дощечками были листочки и Цезарь замѣтилъ въ нихъ вложенный локонь черныхъ волосъ, чрезвычайно блистающихъ. Полюбовавшись онымъ нѣсколько времени, онъ взглянулъ на листочки и увидѣвъ ихъ исписанными, просилъ позволенія прочесть.

„Очень можете, если вамъ угодно, “ отвѣчалъ Толеда смотря на головку ефеса меча своего, которую чистилъ перчаткою. Это были стихи написанные Каммилою, когда она вручала ему локонь волосъ.

„Не правда ли, что стихи очень не дурны для женщины?“ сказал Толеда краснѣя отъ удовольствія и смущенія, когда Цезарь прочелъ оныя.

„Я не могу быть большимъ критикомъ,“ отвѣчалъ Цезарь, „припомъ же и чувства, выраженные въ оныхъ, слишкомъ вынѣ нравятся, и не позволяютьъ судить о достоинствѣ сочиненія, однако же я могу васъ увѣришь. . . .“ Тутъ онъ сталъ хвалить стиль, размѣръ стиховъ и проч.

Толеда слушалъ его съ такимъ же равнодушіемъ, какъ бы онъ хвалилъ собственное его сочиненіе. Между тѣмъ Цезарь переверачивая листочки, нашелъ и въ другомъ мѣстѣ чуже руку, почему просилъ позволенія и сіе прочи-

мать. Толедь задумался взглянувши на листочки.

„Не знаю, позволить ли вамъ?“ сказал онъ покраснѣвши какъ невинная дѣвушка. „Вы почтете меня за хвастуна. Но такъ и быть! если мужъ величается любовью жены своей, то кажется шутъ нѣтъ ничего худого. Немного спустя послѣ нашего брака, я выпросилъ у ней эту книжку, и она отдавая заставила меня прежде обѣщаться никому оной не показывать. Но вы видите какъ я исполняю это обѣщаніе! — Я тогда смѣлся; и мнѣ кажется смѣхъ мой избавляетъ меня отъ отвѣтственности; пошому, что я симъ признался ей — что не сдержу обѣщанія. — Вы можете прочитать этотъ листокъ.“

Цезарь воспользовался симъ позволеніемъ, и потомъ закрылъ книжку съ глубокимъ вздохомъ.

„По чести — вы теперь довольно уже прочитали,“ сказалъ Толедъ съ веселымъ видомъ, но вмѣстѣ и съ чувствительностію взявши у него книжку, „надобно чтонибудь простить любовному воспоргу. Моя Камилла имѣетъ сердце супруги; она съ такимъ же удовольствіемъ слѣдуетъ обязанности почитать своего мужа, какъ и тому чувству, которое заставляетъ ее его любить; — такимъ образомъ вмѣсто того, чтобъ почитать меня Адонисомъ, въ чемъ правда ей довольно трудно будетъ увѣриться! она позволяетъ воображенію своему — приписывать мнѣ мнимыя добродѣ-

тели, и въ этомъ случаѣ, признаюсь, не легко ее переуберипь. — Вы согласитесь со мною, что нѣтъ для меня никакой выгоды перемѣнить ея мнѣніе ! “

Естьлибъ Цезарь взглянулъ на Донъ-Феликса въ то время, какъ онъ говорилъ, то подумалъ бы, что супруга его не имѣла нужды слѣдовать воображенію, чтобы найти несравненную красоту въ фізіономіи его, блистающей молодостію и любезностію ; но Цезарь занятъ былъ совершенно другими мыслями: онъ сравнивалъ стихи имѣ прочитанные, съ тѣми, которыхъ самъ былъ нѣкогда предметомъ ; — и различіе между ими его поразило. — Правда, что Беатриса описывала пріятности лица его многоразличнымъ образомъ,

и при томъ съ большимъ жаромъ; но она не сочинила никогда ни одного спанса, въ которомъ бы похвалила качества его сердца, — или которыми бы желала возбудить въ немъ благородную гордость. Онъ думалъ даже, что еспь-либъ Толедръ былъ и не таковъ, какимъ описывала его супруга, то увѣренность, какую она показывала, долженствовала внушить ему желаніе и мужество на самомъ дѣлѣ исполнить то, что она описывала. Такимъ-то образомъ самая любовь такой женщины, способствуетъ къ возвышенію супруга своего на семь свѣтѣ; между тѣмъ, какъ мужчина, позволяющій себѣ питаться Фиміамомъ, которой представляютъ его наружнымъ совершенствамъ, ско-

ро и навсегда впадаетъ въ забвеніе.

„Я очень радъ,“ сказалъ наконецъ Цезарь, что вы позволили мнѣ прочитать эти двѣ піэски; — попому, что они познакомили меня съ характеромъ Донны Камиллы. Когда она для самой себя пишетъ такимъ образомъ: я замѣтилъ это въ послѣднихъ стихахъ! то невинная и пламенная склонность ея къ вамъ неограниченна. Но когда она обращается прямо къ своему супругу, то какая нѣжность дышетъ въ выраженіи ея чувствованія! Вотъ по истинѣ сердце, на которое всякой человекъ можетъ основательно надѣяться!“

Сии послѣднія слова Цезарь произнесъ съ разсѣяннымъ видомъ, попому что они были

только слѣдствіемъ впечатлѣнія, произведеннаго въ немъ нѣжнымъ и скромнымъ характеромъ Камиллы. Углубившись въ воспоминаніе о своихъ прошедшихъ чувствованіяхъ, обманутой надеждѣ, и во злоупотребленной любви, онъ долгое время хранилъ молчаніе; но наконецъ спросилъ Толеда: почему въ первыхъ стихахъ жена его упоминала о неприязни; и не ужели она могла опасаться оной со стороны добродѣтельнаго ла Валетта?

„О! совсѣмъ нѣтъ, она не объ немъ шутъ говорила,“ возразилъ Толеда въздыхнувши: „я никогда не былъ любимъ отцемъ своимъ, и припомъ мы имѣли тогда причину опасаться частыхъ ссоръ;— Всякой человекъ долженъ дѣлать замѣчанія отцу своему, когда ви-

дить его подверженнымъ вліянію, которое завлекаетъ его въ безчестные поступки; а сынъ не можетъ въ такихъ случаяхъ не чувствовати огорченія! — и сіе-то она хотѣла выразити.

Цезарь не спрашивалъ болѣе, не сомнѣваясь, чтобъ предметъ, коего коснулся, не былъ слишкомъ чувствителенъ для Донъ Феликса. Въ самомъ дѣлѣ, хотя предметъ сей не имѣлъ ничего общаго съ домашними дѣлами фамиліи Толеда; но честь сына, ревнующаго къ славѣ отца своего, которая могла чрезъ то подвергнуться посрамленію, была не менѣе тѣмъ оскорблена. Сія ссора относилась къ поступку Испаніи противъ Мальшійскихъ рыцарей, и хотя Донъ Гарсій Толедъ почиталъ обязанностію повинно-

ватся повелѣніямъ имъ полу-
 ченнымъ, внутренно презирая
 оныя; но сынъ его будучи увѣ-
 ренъ въ неблагопріятномъ мнѣ-
 ніи свѣта о томъ, что онъ не
 хотѣлъ подать помощи союз-
 нику, утверждалъ, что отецъ
 его долженъ былъ съ твердо-
 стію сопротивляться сей под-
 лой политикѣ; почему и не
 преславалъ убѣждать Вице-
 Короля сдѣлать самыя силь-
 ныя представленія Королю, и
 лучше отказаться отъ бли-
 стательнаго мѣста, какое за-
 нималъ въ Сициліи, нежели
 оспаться на ономъ съ посрам-
 леніемъ своей чести. Съ сими-
 то чувствами и боязнію, что
 Донъ Гарсій не уступитъ спра-
 ведливымъ его замѣчаніямъ,
 Донъ Феликсъ, котораго пра-
 водушіе было столько же твер-
 до, какъ утесы острова Маль-
Мал. Рыц. Ч. III. Н 2.

ты, вырвался изъ объятій семейственнаго благополучія, рѣшившись лучше умереть, чѣмъ подвергнуться стыду, что не защищалъ правое дѣло Христіанъ. Желая однако же воздать опцу долгъ похвалы, которую онъ заслуживалъ, Толедъ съ воспоргомъ началъ говорить о славныхъ поступкахъ имъ сдѣланныхъ, — которые исторія довела и до нашего свѣденія; — какъ вдругъ беспорядочный шумъ смѣшанныхъ голосовъ и людей бѣгущихъ въ беспорядкѣ, заставилъ его вспасть съ своего мѣста. Онъ подбѣжалъ къ окну; и потомъ возвратясь отътуда съ поспѣшностію, схватилъ мечъ свой и вскричалъ:

„Я примѣчаю сигналы, безъ сомнѣнія непріятель приближается.“ Цезарь съ такою

скоростію за нимъ слѣдовалъ, что они оба вмѣстѣ вышли изъ воротъ. Сошедши на улицу, они увидѣли рыцарей полпами бѣгущихъ изъ домовъ, многіе только до половины были одѣты; всѣ съ шумомъ всходили на крушыя лѣстницы, чтобы видѣть происходившее въ отдаленности.

Яркій свѣтъ въ направленіи жъ Юго-Воспоку: былъ тотъ сигналъ, о которомъ говорилъ Толедъ; и всѣ взоры обращены были въ эту сторону. Свѣтъ сей возвышался подобно блистательной иллюминаціи. Между тѣмъ какъ другая половина острова погружена была въ глубокомъ мракѣ.

Толедъ съ Цезаремъ взошли на стѣны замка святаго Ангела, гдѣ и остановились, чтобы посмотрѣть вокругъ себя. Со

стороны востока увидѣли они море, покрытое перевозными судами, которые приближались изъ отдаленности, куда взоры не могли достигнуть, — при вѣяніи свѣжаго вѣтра, съ зажженными фонарями, и съ распущенными парусами. Толедъ всмотрѣлъ на сей грозный флотъ съ удивленіемъ и неуспираемостію.

„Какое великолѣпное зрѣлище,“ вскричалъ онъ обращаясь къ Цезарю; но сей послѣдній ничего не отвѣчалъ, — потому, что обратилъ все вниманіе свое на прекрасную карпину, — какую представлялъ Океанъ. Душа его пылала мужествомъ, — и онъ забылъ о самомъ себѣ, помышляя о гибельныхъ намѣреніяхъ, для которыхъ снаряженъ былъ сей флотъ. Толедъ посмотрѣлъ на

него нѣсколько времени съ уча-
стїемъ и удовольствїемъ; но
потомъ ударилъ его по плечу
и сказалъ: „Проснитесь, другъ
мой! — и пойдѣмъ вмѣстѣ при-
вестъ въ исполненіе предметъ
вашихъ мечтаній.“

Цезарь бросилъ на Толеда
выразительный взглядъ, на ко-
торой сей отвѣчалъ подобнымъ
же взглядомъ: они не имѣли
погда нужды въ словахъ. И въ
самомъ дѣлѣ, съ самаго прибы-
тія ихъ на стѣны до той ми-
нуты, когда прошедши мимо
дома Великаго Магиспіра, они
достигли до мѣста сѣрища
Волонперовъ своего корпуса, —
говорили другъ съ другомъ
только глазами, сами не при-
мѣчая того, что разговоръ ихъ
былъ безмолвный.

Между нѣмъ воинскій маршъ
пѣхоты, звукъ оружія, громъ

отъ пушекъ, которыя перевозили на укрѣпленія, распускаемые флаги, безпорядокъ, поспѣшность, однимъ словомъ, всеобщее волненіе дѣлало удивительный контрастъ съ величественнымъ спокойствіемъ моря — и грознымъ зрѣлищемъ, какое оно представляло. Корабли покрывавшіе оное, распустили по вѣтру бѣлѣющіяся паруса свои; они приближались въ порядкѣ — на одной линіи по необъятной поверхности водъ, — которыя разсѣкали.

Въ ту мину, когда Цезарь дѣлалъ такое сравненіе, Валентинъ прошелъ мимо ихъ, спѣша въ замокъ святого Ангела. Толдъ вышелъ изъ ряду, и побѣжалъ за нимъ. Великій Магистръ оглянулся узнавши его голосъ, и посмотрѣвъ на

него съ родительскою нѣжно-
стію, вскричалъ: „Храбрый
мой Аманатъ!“ Потомъ об-
нялъ молодаго воина, и слезы
покатились изъ глазъ его.

„Возвращись на свое мѣсто,“
продолжалъ онъ оспаляя его.“
Естьли Богу угодно, мы скоро
опять увидимся. Опцу швое-
му, молодой человекъ, должно
разсѣять сей флотъ, когда онъ
высадитъ людей на немъ нахо-
дящихся; — а наши мышцы до-
кончатъ остальное.“

Толеда махнулъ мечемъ въ
знакъ согласія — и вошелъ въ
спрой.

„Кто утверждаетъ, что
одна только молодость обла-
даетъ любезностію,“ сказалъ
онъ обращаясь къ Цезарю,
„потъ весьма ошибается; —
потому, что ла Валентъ не
взирая на шарость свою —

весьма любезенъ. Посмотрите на волосы его, развѣваемые вѣтромъ; на огненные глаза, которые всякой разѣ дѣлаются крошкими, когда онъ на насъ смотритъ и благославляетъ дѣтей своихъ. — Мы всеъ почитаемъ его за Опца.“

Взоры Цезаря устремлены были на ла Валетта, котораго Донъ-Феликсъ описывалъ; онъ не могъ совратить ихъ съ сего благороднаго мужа, безпрестанно задерживаемаго на пути своемъ рыцарями, поспѣшавшими на назначенныя имъ мѣста, которыя не хотѣли итти, не получивъ на скоро благословенія Великаго Магистра. Сии неуспрашиваемые рыцари, преклонявшіе на одну минушу колѣна свои съ шлемами въ рукахъ, — и потомъ удалявшіеся съ быспрошою

молніи, казались Цезарю поколеніємъ особеннаго рода людей, которое до сего времени совершенно было для него неизвѣстно. Да и какъ могъ онъ иначе назваць ихъ, видя лица сихъ мужей блистающими отъ небеснаго воспорага?

Цезарь посмотрѣлъ вокругъ себя, стараясь примѣтить Жіованни; но не видя его нигдѣ, обратилъ глаза на утесъ Сцеберрасъ, не сомнѣваясь, чтобъ другъ его не находился уже въ крѣпости. Онъ обратилъ къ Богу усердную молитву о сохраненіи Сепи-Ельмскаго замка. Приказъ къ выспу-пленію прервалъ его мысли; тогда бросивъ послѣдній взглядъ на крѣпость и содрагаясь отъ мысли: что можетъ быть небо опредѣлило, чтобъ онъ никогда не видался съ Жіованніемъ, Це-
Мал. Рыц. Ч. III. О

зарь отворотился, рѣшившись по крайней мѣрѣ заслужить это благополучіе, — если не долженъ былъ имъ наслаждаться.

Г Л А В А VI.

Между тѣмъ какъ Цезарь быстро приближался къ непріятелю, Жіованни не зная сколь близко находился отъ него его другъ, спарался привести въ грозное оборонительное положеніе разныя крѣпости, которыя окружали обѣ гавани. — Онъ равнымъ образомъ имѣлъ познанія, какъ въ искусствѣ нападать, такъ и защищаться; потому, что прежде прилѣжно занимался изученіемъ Фортификаціи, и такимъ образомъ

внушилъ многія полезныя мысли, на щетъ расположенія линий, назначенныхъ вокругъ крѣпости Святаго Ангела. — Замокъ Сент-Ельмскій былъ сооруженъ съ самаго начала въ томъ намѣреніи, чтобъ защищать островъ Мальту противъ нападений непріятеля со стороны моря: почему онъ и возвышался между обѣими гаванями, дѣлая островъ съ этой стороны неприступнымъ; но за то съ сухаго пути онъ имѣлъ весьма слабую защиту, потому, что поверхность земли весьма не удобна была къ построенію оборонительныхъ линий.

Однако же Жіованни настоя на томъ, чтобъ сдѣлать новыя ретраншаменты, вдохнулъ новыя идеи внутрення Геніемъ, который умѣлъ въ одно и по-

же время превозмогати всѣ препятствія, и пользоваться всѣми выгодами предмета. Онъ первый замѣтилъ, что Турки сдѣлавши высадку, могли атаковать Сент - Ельмскую крѣпость сухимъ путемъ; между тѣмъ какъ ихъ флотъ спалъ бы блокировать оную съ моря. Событіе оправдало его предвѣденіе; потому, что непріятель воспользовавшись темною ночью, присталъ въ одномъ небольшомъ заливѣ, на восточной сторонѣ острова, и занялъ всѣ деревни, даже до мѣстечка святыя Екатерины, грабя и умерщвляя всѣхъ, хотѣвшихъ ему сопротивляться.

Слѣды, гдѣ проходили сіи безчеловѣчные, были ознаменованы кровью земледѣльцевъ и дымящимся пепломъ селеній. Сначала они не знали, напастъ

ли имѣ на старую столицу, и такимъ образомъ пресѣчь сообщеніе между гарнизонами: — осадить ли крѣпость святого Ангела и Борго, — или наконецъ атаковать крѣпость Сент-Эльмъ. Но вдругъ рѣшились на послѣдній изъ сихъ плановъ; потому, что почитая оную единою защитою обоихъ гаваней, и слѣдовательно однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ, они надѣялись при томъ, что сія крѣпость не можетъ долгое время сопротивляться. Въ этой увѣренности они прямо изъ мѣстечка святыя Екатерины отправившись на гору Сцеберрасъ, гдѣ расположились лагеремъ и открыли траншею. Во время сего гибельнаго и быстраго ихъ перехода, Жіованни въ первый разъ услышалъ о Цезарѣ. Его

Мал. Рѣц. Ч. III. О 2.

называли самымъ храбрѣйшимъ изъ горсти героевъ, которые не переставали презирать смерть, сопротивляясь безчисленному множеству непріятелей, пришедшихъ съ Востока. Будучи только въ числѣ трехъ сотъ человекъ, они оказали величайшія услуги, нападавая непрестанно на Турецкій Арріеръ-гардъ; — правда, что половина ихъ погибла при сихъ стычкахъ; но они успѣли симъ замѣдлить шествіе невѣрныхъ; — и кровь ихъ не даромъ была пролита. Когда Турецкая армія спала въ позицію на горѣ Сцеберрасъ, тогда сіи храбрые воины были опозваны назадъ и распределены по крѣпостямъ. Радостное содрогаіе ощущенное Жюваани, когда онъ узналъ, что Дезаръ былъ на островѣ — и что онъ

успѣлъ уже опличиться, было доказательствомъ, что дружба ихъ неразрывна. Тысяча романическихъ мыслей представилась его воображенію. Онъ думалъ уже видѣть Цезаря столь великимъ, столь прославившимся, что и самая добродѣтель принуждала его вопорично принять дружбу Адимарія. Никто не видѣлъ слезъ Жіованни, которыя онъ отворопивъ голову опиралъ, когда рыцарь де ла Церда рассказывалъ ему, какъ простое извѣстіе, подвиги его друга. Сердце его билось въ безмолвіи; потому, что онъ не имѣлъ нужды ни предъ кѣмъ изливати чувствъ своихъ, кромѣ Бога и Цезаря. Онъ утѣшалъ себя въ прошедшихъ горестяхъ мыслию: что придетъ минута, когда время и частые опыты

возстановятъ между имъ и другомъ его опять по равенство, безъ котораго истинная дружба существовать не можетъ. Въ полной мѣрѣ чувствуя всю пріятность этой мысли, онъ обратилъ взоры къ небу, принося оному безмолвную благодарность за то, что дозволилъ ему надѣяться.

Вышедши изъ задумчивости, Жіованни посмотрѣлъ на грозную картину, представляющуюся взорамъ. Онъ былъ тогда на одномъ редутѣ, вмѣстѣ съ рыцаремъ де ла Цердою, откуда можно было различать всѣ непріятельскіе шанцы. Жіованни не былъ въ крѣпости, съ того самаго времени, какъ замѣтилъ недоспѣлки оной, и теперь дѣлая осмотръ, — съ удивленіемъ увидѣлъ, что лагерь Мустафы занималъ все

пространство горы, слѣдуя
 всѣмъ неровностямъ оной; — и
 былъ защищаемъ сильными ба-
 тареями, составленными изъ
 мѣртвѣ. Вездѣ работники и
 солдаты рыли траншеи, — и
 не взирая на то, что огонь
 изъ Сент-Ельмской крѣпости
 много причинялъ имъ вреда,
 Турки столько были многочи-
 сленны, что падашіе, пош-
 часъ были замѣщаемы други-
 ми. Жіованни, опвративъ гла-
 за оцѣ лагеря, посмотрѣлъ на
 крѣпость Сент-Ельмъ, и по-
 томъ на одинъ пригорокъ,
 (который послѣ получилъ на-
 званіе Драгушова Носа:) нахо-
 дящійся на одной сторонѣ ма-
 лой гавани, паралельно съ го-
 рою Сцеберрасъ. Онъ затре-
 петалъ примѣтивъ, что не
 взяли предосторожности за-
 нять сего пункта, — и что

батарея поставленная на вершинѣ онаго, могла причинить гибель крѣпости. Еслилибѣ Турки успѣли поставить оную до прибытія Испанцевѣ, то они скоро разрушили бы всѣ укрѣпленія, — и рыцари принуждены были бы защищать только одну обнаженную площадь, которую непріятель не замедлил бы взять, испребивѣ ихъ всѣхъ до одного.

„Они завладѣютъ крѣпостію, еслии туда достигнутъ,“ подумалъ Жіованни — и оставивъ рыцаря де ла Перду пошелъ къ Губернатору Дюгеррасу, съ тѣмъ чтобъ просить его какъ можно скорѣе поспроить полумѣсяцъ пропиевъ Драгутова мыса. Одинъ только свистъ пуль прерывалъ тишину царствовавшую въ воздухѣ, но Жіованни не слыжалъ

того; потому, что привыкъ къ сему свисту. Онъ шелъ не обращая ни на что вниманія и занимаясь своими мыслями. Однако же свистъ сей можетъ посѣять ужасъ въ сердце самомъ неустрашимомъ: — Звукъ сабельныхъ ударовъ, рѣвъ пушечныхъ выстрѣловъ, не могутъ казаться столько страшными; потому, что заключаютъ въ себѣ нѣчто возбуждающее къ мужеству, и возвышающее душу; но этотъ слабый свистъ пуль, несущихъ съ собою не избѣжную смерть, подаетъ мысль объ измѣнѣ, — и совершенно подобенъ бываетъ ударамъ ночнаго убійцы. Кто хотя однажды слышалъ оный, никогда не забудетъ сего впечатленія. Однако же существовалъ воинъ, который въ первый разъ услышавши оный

вскричалъ: „Опнынѣ это будетъ для меня самою пріятнѣйшею музыкою!“

Пришедши къ Губернатору, Жіованни скромнымъ образомъ повторилъ слова свои, на щетъ того пункта, который пренебрегли занять по ту сторону гавани, — и вызвался, если только Дюгеррасъ дозволитъ, перейти заливъ съ малымъ числомъ рыцарей и занять оный прежде непріятели.

Боясь ослабить гарнизонъ свой, состоявшій изъ двухъ сотъ человекъ, полагая въ то число даже служащихъ братьевъ и солдатъ, Дюгеррасъ не считъ себя обязаннымъ послѣдовать сему спасительному совѣту; представляя Жіованни свои на то причины, и увѣряя его, что Вице-Король и Принцъ Дорій придутъ съ своими

флотами, — прежде нежели Турки достигнутъ до послѣдней ихъ паралели. Жіованни не отвѣчая, покачалъ головою.

„Не ужели вы сомнѣваетесь въ искренности Вице-Короля?“ спросилъ старый, но однако же легковѣрный воинъ.

„Я всегда думалъ,“ отвѣчалъ Жіованни, „что когда человекъ имѣетъ добрыя намѣренія, то спѣшитъ ихъ исполнить. Кто имѣетъ власть и волю, тому никто не можетъ запретить дѣйствовать. Вице-Король обѣщаетъ и извиняется; — объясняетъ причины, и снова даетъ обѣщаніе. — И такимъ образомъ обманывая насъ, опять дѣлаетъ извѣщеніе. Храбрый и благородный сынъ его, есть одинъ только человекъ, котораго онъ при-

слалъ. Это очевидно, любезный мой Генералъ!“

— „Но вы также знаете, что воля одного человека, не можетъ вдругъ подвинуть значительный флотъ, обремененный войсками и снарядами. Испанія имѣетъ столь большую выгоду защищать насъ, что даже опложивъ въ сторону обязанности, предписываемыя ей честью и благодарностию, — мы весьма несправедливы будемъ, естли станемъ сомнѣваться въ ея намѣреніяхъ.“

Жіованини опять покачавши головою, возразилъ съ важнымъ видомъ:

„Не по собственнымъ нашимъ чувствамъ должны мы судить о ихъ поступкахъ, какіе люди дѣлаютъ. — Известно, что Филиппъ, тонкій и корысто-

любивый полиптикъ; — а храбрый Толедъ принужденъ ему повиноваться. Я увѣренъ, что сей послѣдній горитъ желаніемъ всѣ силы свои употребить для поданія намъ помощи; — Въ чемъ характеръ и поступки сына его служатъ мнѣ порукою, — и одно уже пребываніе его здѣсь, есть тому доказательство; но я предполагаю, что Филиппъ имѣетъ въ мысляхъ, что Алжирскія и Трипольскія войска, какъ говорятъ, назначены напасъ не на насъ, а на Сицилію, лишь только Вице-Король опшуда удалится; по весьма вѣроятно, судя по его характеру, что онъ оставитъ орденъ защищаться собственными силами; — а Вице-Король пропивъ воли своей долженъ будетъ уступить всему жестокому приказанію. “

— „Но въ такомъ случаѣ, почему же онъ явно того не скажетъ? — За чѣмъ манишь насъ ложными обѣщаніями? —

— „Потому, что польза Филиппа пребудетъ не лишатъ насъ надежды на его помощь.“

Для такое замѣчаніе, Живоанни вздохнулъ о пагубной беззаботливости Дюгерраса, и возобновилъ прозьбу свою о занятіи сосѣдняго пригорка; но видя, что никакое доказательство не могло преодолѣть боязни Губернатора, ослабилъ свой гарнизонъ: — онъ подалъ ему идею о Равелинѣ, и удался, будучи доволенъ обѣщаніемъ, что представленіе его будетъ уважено.

Съ сей минутой работы Турокъ столь успѣшно производились, что черезъ пять дней — они достигли уже до са-

мыхъ е т ъ н ъ Сент-Ельмеккой
 крѣпости ; соорудивъ плап-
 формы, и утвердивши туры ,
 — они открыли ужасной огонь
 въ батарей, изъ пушекъ заря-
 женныхъ камнями. Теперь
 ясно видно было, что крѣпость
 превращена будетъ въ прахъ ,
 естли вспомогательныя Сици-
 лійскія войска поспѣшно не при-
 будутъ , и не заставятъ не-
 пріятеля снять осаду, облегли
 Турецкій флотъ въ заливѣ Му-
 гіаро и напавши на лагерь ихъ
 съ тылу. Такимъ образомъ
 ключи острова долженствова-
 ли пасть, — и невѣрные завла-
 дѣвши обоими гаванями , — въ
 нѣсколько дней могли разру-
 шить и внутреннія крѣпости.
 Желая какъ можно долѣе со-
 хранишь свою позицію , и по-
 читая храбрость воиновъ луч-
 шимъ укрѣпленіемъ , Дюгер-
 Мал. Рыц. Ч. III. II 2.

расъ послалъ де ла Церду къ великому Магистру, въ замокъ свяшаго Ангела, просить о помощи. Къ несчастію чести гарнизона Сент-Ельмскаго, де ла Церда одинъ только изъ всѣхъ не имѣлъ мужества перенести необыкновенной опасности. Устрашенный слухами о жестокостяхъ, оказанныхъ невѣрными надъ нѣкоторыми изъ павшихъ, и не могши увеличить несчастнаго положенія Сент-Эльмской крѣпости, и очевидной опасности, коей она была подвержена, онъ подъ ложнымъ видомъ представилъ непоколебимое мужество воиновъ, тамъ находившихся. — Описалъ — уменьшившееся число ихъ, сколько отъ непріятельскаго огня, столько же и отъ чрезвычайнаго жару того времени года; объявилъ, что

они спрашились своей потери и умножающихся силъ непріятеля, и что онъ увѣренъ былъ, что крѣпость не въ состояніи будетъ защищаться и шести дней.

Ла Валештѣ сидѣлъ среди своихъ воиновъ, когда де ла Церда дѣлалъ сіе безразсудное повѣствованіе: онъ содрогнулся отъ справедливаго негодованія.

„Я увѣренъ,“ вскричалъ онъ, „что старикъ Дюгеррасъ никогда этого не скажетъ; если же вы и зъясните мнѣ чувства нѣсколькихъ воиновъ, недостойныхъ сего имени, — и чести: то пора замѣните ихъ другими храбрѣйшими. Я самъ иду въ крѣпость; — хочу погрести себя въ ея развалинахъ. Поношеніе тому рыцарю, который жидеюй изъ нее выйдетъ

и дозволить знамени креста
быть замѣнену полумѣсяцомъ!«

Едва ла Валеттѣ окончилъ
слова сіи, какъ толпа воиновъ
окружила его, прося не остав-
лять замка святаго Ангела,
который былъ, по ихъ мнѣнію,
сердцемъ острова; между тѣмъ,
какъ крѣпость Сент-Ельмъ по-
читали они только опдален-
нымъ пунктомъ. Всѣ извѣявля-
ли желаніе отправиться въ
крѣпость, и послѣ короткаго,
но жаркаго спора, внушеннаго
сраженіемъ предданности, рѣ-
шено было, чтобъ два рыцаря,
извѣстные по своему благора-
зумію, вели туда нѣсколько
опрядовъ пѣхопы, съ малымъ
числомъ рыцарей и волонте-
ровъ, вновь прибывшихъ съ
твердой земли.

Первые изъ желавшихъ ити
въ крѣпость: были Донъ-

Феликсъ Толедъ и Цезарь. Первой хотѣлъ пожертвовать жизнью за невольное несоблюдение слова отцемъ своимъ; другой же искалъ приблизиться къ Жіованни; надѣясь, что скорый приступъ къ крѣпости доставитъ ему случай спасти отъ смерти человека, для него драгоценнаго. Но ла Валештъ въ крошкимв образѣ отвергъ его прозьбу, сказавъ тихонько, съ выразительнымъ взглядомъ:

„Я назначилъ для себя другое дѣло, Адимарій, и не замедлю о томъ съ тобою переговорить.“

Потомъ Великій Магистръ, обратясь къ Толеду, объяснилъ ему причины, по коимъ желалъ удержатъ его при своей особѣ. Сии причины слишкомъ были лестны для Донъ-Феликса; — и потому, онъ въ знакъ пови-

новенія , приложилъ руку къ груди своей, на коей раны, полученные имъ въ послѣднемъ сраженіи, еще не зажили, и потомъ проспился съ друзьями своими , отправлявшимися въ крѣпость.

Въ это время ла Валештъ отведши Цезаря въ сторону, сообщилъ ему свое безпокойство на щетъ продожительнаго замедленія отца Донъ - Феликса; — спросивъ: не желаетъ ли онъ взять на себя опаснаго предпріятія выйти изъ гавани съ его племянниковъ рыцаремъ ла Валештомъ, котораго онъ рѣшился, во что бы то ни стало, послать въ Сицилію. Рыцарь сей былъ храбрый воинъ, но худой мореходецъ, и опытность Цезаря въ несчастномъ случаѣ, могла быть весьма полезна. Сверхъ того, если

Принцъ Дорій въ самомъ дѣлѣ прїѣхалъ въ Мессину, какъ слухъ носился, то Цезарь долженъ былъ просить его немедленно отпрапляясь, не дожидаясь Испанскаго флота; или покрайней мѣрѣ узнать отъ него навѣрное, о намѣреніяхъ Генуежской республики.

Цезарь повинуюсь ла Валенту, когда сей отвергъ его прозьбу, тѣмъ не менѣ рѣшился непремѣнно бытъ въ Сенш-Эльмской крѣпости; но онъ не могъ отказать отъ порученія, какое хотѣлъ сдѣлать ему Великій Магистръ. Онъ зналъ, что имѣлъ гораздо большее вліяніе на почтеннаго Доріа, нежели родные его сыновья; припомъ же и собственное усердіе Принца было также ему извѣстно. Зная, какую власпъ имѣлъ Принцъ надъ рѣ-

шимостію Испанскаго двора, Цезарь увѣренъ былъ, что спасеніе всего Мальтійскаго ордена могло зависѣть отъ успѣха его предпріятія. Можетъ быть онъ будетъ споль-но щасливъ, что ускоритъ прибытіе вспомогательныхъ войскъ, долженствующихъ спасти замокъ Сент-Эльмъ! и сія услуга можетъ быть будетъ доспащочна, чтобъ заставитъ Жіованни забыть оскорбленіе ему нанесенное! Сколько мысль сія была для него пріятна! не ужели онъ долженъ истребить оную? и пренебрегши своею обязанностію, повиновапсья только собственному внушенію чувствованій?

Взглянувъ на Толеда, онъ примѣтилъ мужество блиставшее въ его взорахъ; не взирая на то, что сердце его было

занято образомъ молодой женщины; — и этотъ видъ возбудилъ въ Цезарѣ благородное соревнованіе. Онъ отвѣчалъ Великому Магистру, принялъ его предложеніе, поблагодаривъ за честь, которую ему дѣлали, и потомъ вышелъ изъ залы совѣта получивши всѣ нужныя предписанія, которыя частію въ томъ состояли, что побѣ скрыть причину путешествія отъ Донъ-Феликса; потому, что ла Валентъ боялся оскорбить сего молодого человека тѣмъ неудовольствіемъ, какое внушалъ ему поступокъ отца его.

Въ тотъ же вечеръ, когда выстрѣлы съ батарей святаго Ангела прикрывали крапкѣй, но вмѣстѣ и опасный переходъ подкрѣпленія, посланнаго въ Сент-Эльмъ, одна пуля ранила

Мал. Рыц. Ч. III. Р

Турецкаго Пашу. Этотъ случай произвелъ столь большой безпорядокъ въ непріятельскомъ лагерѣ, что Цезарь почелъ минушу сію весьма удобною для покушенія выйти изъ гавани. Онъ сѣлъ съ Генрихомъ ла Валешпомъ на Галиопъ, который былъ уже къ тому приготовленъ, и будучи покровительствуемъ мракомъ ночи, освѣщаемой только блескомъ выстрѣловъ изъ пушекъ съ крѣпости святаго Ангела, онъ вышелъ изъ гавани не потерпѣвши никакого безпокойства.

Поровнявшись съ мысомъ, на коемъ построенъ былъ замокъ Сент-Эльмъ, Цезарь поднялъ взоры, но съ трудомъ могъ различить крѣпость, которая казалась вмѣстѣ съ утесомъ черною и мрачною массою. Море было спокойно; — но громъ

Аршиллеріи безпрестанно раздавался какъ со стороны крѣпостей, такъ и въ непріятельскомъ лагерѣ. — Гдѣ-то теперь Жіованни? подумалъ Цезарь; каждый выстрѣлъ отзывавшійся въ отдаленности, могъ быть для него смертельнымъ ударомъ! эта мысль была ужасна, и онъ съ трудомъ могъ истребить ее въ душѣ своей. — Поручивъ покровительству Бога и собственному его мужеству, сего драгоценнаго друга, Цезарь взялся за руль, и направилъ путь къ Сицилійскимъ берегамъ.

Г Л А В А VII.

Рыцарь, ведшій подкрѣпленіе въ Сент-Эльмъ, нашелъ въ серд-

цѣ Жиованни поже мужество, которымъ самъ пылалъ. Едва онъ прибылъ, какъ и рѣшено было сдѣлать вылазку. Почему свѣжіе войска оставивъ крѣпость, ударили на Турецкіе линіи, и опразили ихъ съ большею для нихъ потерею. Непрiятель не замедлилъ однако же опомниться, и получая помощь отъ главной Арміи, возвратилъ не только прежнюю свою позицію, но воспользовавшись сильнымъ вѣтромъ, относившимъ назадъ дымъ артиллеріи Сент-Эльмской, онъ завладѣлъ даже и Конпр-Эскарпомъ, откуда тотчасъ открылъ сильный ружейный огонь, направленный на Кавальеръ.

Когда дымъ разсѣялся, и показалъ Турецкое знамя, развѣвающееся на Конпр Эскарпѣ, откуда янычары прицѣлива-

лишь во всѣхъ рыцарей, показывавшихся на укрѣпленіяхъ; тогда часть гарнизона съ громкимъ крикомъ пребовала, чѣпобъ взорвать ихъ на воздухъ; но Жіованни, гнушаясь симъ жестокимъ средствомъ войны, и припомъ желая ограничить опчаяніе, внушавшее мысль сію, бросился впередъ вскричавши: „мы лучше сдѣлаемъ, естли возьмемъ его обратно!“

Одни только рыцари послѣдовали за нимъ, и не взирая на малое число свое, будучи исполнены благороднаго стыда, и презирая жизнью въ сравненіи съ честію, они напали съ такимъ жаромъ на непріятеля, что вторично прогнали невѣрныхъ даже за самыя ихъ окопы.

Многіе дни прошли въ подобныхъ перемѣнахъ форшума.

Мал. Рыц. Ч. III. Р. 2.

ны. Турки сражались какъ пигры, а осажденные какъ люди знающіе цѣну того, что защищаютъ. Хотя число убитыхъ въ арміи невѣрныхъ, простиралось гораздо болѣе, нежели въ крѣпости, однако же послѣдствія сихъ потерь были не соразмѣрны; потому что Христіане болѣе были подвержены опасности, по причинѣ проломовъ, копорыхъ число ежеминутно умножалось въ ихъ укрѣпленіяхъ, и при томъ никакое вспомогательное войско не приходило вознаграждать потерь ими сдѣланныхъ. Таково было ихъ положеніе, какъ вдругъ пушечный выстрѣлъ подалъ имъ ужасную вѣсть о прибытіи Драгута, съ тремя тысячами человекъ свѣжихъ войскъ. Они скоро увидѣли слѣдствія его присудств-

вія, потому что Драгушъ
 имѣлъ отличный талантъ; оса-
 ждашь мѣста; — талантъ пре-
 восходящій можетъ быть са-
 маго Еррарда, который сла-
 вился тогда во всей Европѣ
 своимъ искусствомъ; — сей Ге-
 нералъ невѣрныхъ, сдѣлалъ
 столь хорошія расположенія,
 что крѣпость угрожаема бы-
 ла конечнымъ разрушеніемъ.
 Почтенный Дюгеррасъ съ ужа-
 сомъ взиралъ на сіи новыя при-
 готовленія; но какъ онъ упре-
 калъ себя внутренно, когда
 увидѣлъ четыре огромныхъ
 кулеврины, поставленныя на
 томъ самомъ пригоркѣ, кото-
 рый Жіованни совѣтовалъ ему
 немедленно занять, откуда не-
 пріятель дробилъ его полумѣ-
 сяцъ съ жестокостію, угро-
 жавшею превратить въ прахъ

всю западную сторону крѣпости.

Неустрашимость стараго рыцаря уступила бы симъ печальнымъ признакамъ, естлибъ извѣстіе, полученное изъ замка святаго Ангела, не возбудило въ немъ надежды. Генрихъ ла Валеттѣ возвратился изъ Сициліи съ торжественнымъ обѣщаніемъ Вице-Короля, что черезъ десять дней онъ непременно пошлетъ, если не весь флотъ, то по крайней мѣрѣ часть онаго на помощь острову. Цезарь остался въ Сициліи дожидаться тамъ прибытія Принца Доріа; и Великій Магистръ не сомнѣвался, чтобъ его настоянія не ускорили прибытія вспомогательныхъ войскъ.

Сообщивъ сіи счастливыя извѣстія всему гарнизону, Дю-

геррасъ убѣждалъ оный во-
пріять мужество и защищать-
ся съ жаромъ ; потому , что
день избавленія былъ близокъ.
Гарнизонъ единодушно поклял-
ся сражаться до послѣдней
крайности ; — послѣ чего каж-
дый воинъ пошелъ занять постъ
свой.

День спустя послѣ прибы-
тія Драгута , въ самую пол-
ночь, Жіованни занимаясь пере-
вязкою глубокой раны , кото-
рую Родольфъ вчера получилъ
сражаясь въ окопахъ , — услы-
шалъ в д р у г ъ необычайный
шумъ. Онъ поспѣшно всталъ
съ земли, гдѣ стоялъ на колѣ-
няхъ , и въ ту же минуту
страшные крики и залпъ изъ
ружей, показали ему несомнѣн-
но, что непріятель былъ вну-
три крѣпости. Бросивши пе-
ревязки одному Мальшійцу

бывшему еѣ нимѣ, и благословивъ поспѣшно Родольфа, онѣ побѣждалъ сражаться.

Цигала нашель Турокѣ и Хриспіанѣ смѣшанныхъ на валу крѣпости, гдѣ происходило ужасное и отчаянное кровопролитіе. Непрїятель нашедши средство войти въ Равелинѣ въ отверзтіе; — оттуда проникъ въ Кавальерѣ, — безъ всякаго труда умертвивъ малое число солдатѣ его оборонявшихъ. Когда Жіованни появился, то нашель солдатѣ, рыцарей и служащихъ братьевѣ, всѣхъ въ безпорядкѣ бѣгущихъ къ Кавальеру: яростное сраженіе воспослѣдовало; непрїятель отраженъ былъ за самый Кавальерѣ съ великою потерею; но мѣсто каждаго убитаго, замѣняла тысяча, между тѣмѣ, какъ Сент-Эльмскій гарнизонѣ

уподоблялся дереву, подверженному осенней бурѣ, съ каждымъ порывомъ вѣтра лишающемуся части зеленыхъ вѣщей, которыя будучи оторваны не могли уже вновь на ономъ вырости. Жюванни былъ вездѣ; онъ перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто съ быспроптою молніи, — и вездѣ встрѣчалъ старика Дюгеррасса, представляющаго израненную грудь свою желѣзу невѣрныхъ, умолялъ его съ сыновнею нѣжностью удалиться отъ сраженія; но старикъ покраснѣвши и указывая пальцемъ на пригорокъ, откуда Кулеврины Драгуша изрыгали молнію на крѣпость, сказалъ: „Теперь сему только моему совѣту я не послѣдую!“ и съ сими словами устремился опять въ толпу сражающихся.

Турки, получивши новое подкрѣпленіе, возобновили атаку Кавальера; но Христіане съ крѣпости не преставали осыпая ихъ пулями, каменьями и обливаять кипящею смолою, и наконецъ снова ихъ отразили. Однако же они завладѣли полумѣсяцомъ, откуда не было никакой возможности ихъ выбить. Весь конт-эскарпъ покрытъ былъ убитыми Турками; но и рыцарей погибло столь великое число, что скоро съ обѣихъ сторонъ прекратили сраженіе. Дюгеррасъ самъ былъ раненъ; но онъ позабылъ о своемъ положеніи, осматривая гарнизонъ свой, который нашелъ чрезвычайно уменьшившимся. Болѣе двухъ третей онаго были убиты, или приведены въ несостояніе сражаться; при томъ же невѣрные, по-

лучавшіе каждый день новым подкрѣпленія, завладѣли самыми важнѣйшими работами крѣпости.

Въ слѣдующую ночь Губернаторъ нашелъ средство переслать раненыхъ въ Борго, и при семъ случаѣ настоятельнымъ образомъ просилъ о присылкѣ помощи. Ла Валепшъ послалъ ему всѣ войска, коими могъ располагать; потому, что не смѣлъ лишитъ другія крѣпости гарнизоновъ; ибо хотя оныя и не были осаждены, но онъ боялся подвергнуть ихъ нечаянному нападенію.

Съ сей минуты положеніе осажденныхъ становилось часъ отъ часу хуже. Турки, возбуждаемые совѣтами и опытностію Драгута, имѣя также и то преимущество, что у нихъ много было людей и ар-

Мал. Рыц. Ч. III.

С

пиллеріи, обрацали вѣ ничто
 всіо искусство инженеровъ ор-
 дена, и геройство его рыцарей.
 Каждый воинъ, выходявшій изъ
 крѣпости съ пѣмъ, чпобы сра-
 жаться съ ними, былъ обречен-
 ною жертвою смерти. Горестъ
 ла Валепта, когда онъ узналъ
 о ихъ положеніи, равнялась жи-
 вѣйшему удивленію къ непоко-
 лебимой ихъ храброспи. Онъ
 съ такимъ непрерывніемъ же-
 лалъ подать помощь мужесп-
 венной и несчастной сей фа-
 лангѣ героевъ, что въ ту же
 минушу, какъ Цезарь возвра-
 тился съ извѣстіемъ, что
 Принцъ Дорій соединился съ
 Испанскимъ флотомъ, ла Ва-
 лептъ обратно послалъ его въ
 Сицилію съ тѣмъ, чтобы онъ
 описавъ тамъ бѣдственное по-
 ложеніе Сент-Эльмской крѣпо-
 сти, просилъ опять о скорѣй-

шей высылкѣ вспомогательныхъ войскъ.

Цезарь вѣпорично переплылъ море на легкомъ челнокѣ, едва могшемъ прошивитися вѣтру. Всякой разѣ при входѣ и выходѣ своемъ изъ крѣпости, онъ подвергался опасности попасться въ руки непріятельскихъ крейсеровъ. — Но Великій Магистръ полагался на его искусство и усердіе; и Цезарь не смотря на непреспанныя мысли свои о Жіованни, и желаніе сражаться, уступилъ глазу своей должности, и продолжалъ оказывать сіи трудныя, но вѣснѣ и полезныя услуги.

Подозрѣнія, какія онъ имѣлъ на щепѣ искренности Вице-Короля, въ несчастію теперь совершенно оправдались; попому, что Принцъ Дорій показалъ знаки величайшаго опчая-

нія, когда получилъ отъ Генуэзскаго совѣта рѣшительное повелѣніе: не подвергать опасности галеръ своихъ, въ безразсудномъ покушеніи подать помощь острову Мальтѣ, если только Испанскій флотъ не соединится съ нимъ.

Самъ великій Магистръ потерялъ надежду съ сей стороны, но онъ принужденъ былъ тайно свое о томъ мнѣніе, чтобъ не лишитъ мужества — свои гарнизоны. — Онъ послалъ Цезаря обратно въ Сицилію, только подъ предлогомъ ускорить прибытіе вспомогательныхъ войскъ; но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ занять деньги, заложивъ помѣстья, принадлежавшія ордену въ Италіи; Адимарій долженъ былъ нанять войска и транспортныя

суда, а также купить и нужные снаряды.

Между тѣмъ Турки болѣе и болѣе успѣвали въ осадѣ Сени Эльмекской крѣпости; они споль высоко соорудили свой полумѣсяцъ, что могли видѣть даже за парашень, и начали также дѣлать подкопъ, чтобы взорвать на воздухъ укрѣпленія. Посредствомъ моста наскоро сдѣланнаго, они перешли чрезъ ровъ, и подставивши лѣстницы, показали видъ будто хощящъ итти на приступъ. Жюванни, находившійся въ сію минуту на самой высокой башнѣ, примѣчая движенія непріятеля, вдругъ увидѣлъ весь гарнизонъ бѣгущимъ къ помумѣспу: онъ изо всей силы кричалъ рыцарямъ, чтобы они остановились, будучи увѣренъ что это нападеніе было неиное

Мал. Рыц. Ч. III. С 2.

что, какъ хитрость; пошому, что съ высокаго сего мѣста видѣлъ всю Турецкую артиллерію, направленную къ сему пункту, но голосъ его не могъ бытъ услышанъ; сіи храбрые и безразсудные воины сполпились на валу, и въ то же мгновеніе исчезли подъ огнемъ сихъ страшныхъ батарей: они пали какъ бы колосья пожатые косою. Жіованни поспѣшно сошелъ внизъ, и взиралъ на кровопролитіе, которое оправдало его догадку. Выходя изъ вылазу онъ былъ пораненъ въ лобъ осколкомъ кирасы; но продолжалъ итти къ сему зрѣлищу смерти, почти не чувствуя жестокой боли отъ своей раны. Жіованни шелъ опустя голову, изъ которой кровь лилась ручьями, и между тѣмъ какъ въ жестокомъ, опчаяннѣ

взиралъ на бездыханныя тѣла сей храброй фаланги, едва внятные звуки слышались изъ кучи убитенныхъ, и возбудили его отъ горестной задумчивости. Отверши кровь налившуюся въ глаза, онъ нагнулся, чтобъ подать помощь раненому рыцарю: это былъ Цинтис Дорій! Несчастный молодой человекъ схватилъ Жіованни за руку, между тѣмъ какъ смерть изображалась уже въ чертахъ лица его, и сказалъ прерывающимся голосомъ:

„Я умираю, Цигала; донесите меня въ церковь; тамъ я, бѣдный грѣшникъ, хочу испустить духъ... можетъ быть тамъ... Боже!...“ съ этими словами онъ упалъ въ обморокъ; но Жіованни, надѣясь воззвать его къ жизни, поднялъ его съ

земли, и вв своїхъ обв'ятїяхъ
опнесв вв церковь вврвпоспи.

Движеніе и свбжїй воздухъ
привели Цинпіо вв чувствва;
нбсколько священниковъ, прина-
длежавшихъ кв гарнизону, слу-
жили вв сіе время молебень
за успбхъ оружїя Христїанв;
и Жіованни, отдавв имв на ру-
ки печальное свое бремя, хо-
тблв возвратишься на валв,
какв вдругв умирающїй, удер-
жавв его ослаббвшею рукою,
сказалв: „Ради Христїанскаго
милосердїя, постойте на ми-
нуту; скажите несчастному
моему родителю, что умирая
— я раскаиваюсь вв томв, что
оскорбилв его . . .“

Голосъ его прервался; — гла-
за, вв коихъ смерть изобра-
жалась, обратились на распя-
тіе — и сомкнулись на вбки;
слабо пожавши руку Жіован-

ни, онъ покинулъ оную. Сей послѣдній посмотрѣлъ на него нѣсколько минушъ, испустилъ глубокой вздохъ отъ печальныхъ воспоминаній, и потомъ поручивши тѣло священникамъ, возвратился къ своей обязанности.

Возвратясь на валъ, онъ услышалъ, что непріятель прекратилъ битву, неизвѣстно по какимъ причинамъ; а рыцари оставшіеся въ живыхъ занимались прибираніемъ тѣлъ своихъ убіенныхъ товарищей. Дюгеррасъ путь же находился; слезы текли по щекамъ его покрытымъ морщинами; онъ сожалѣлъ о участи храбрыхъ юношей, безъ спораху помышляя: что и самъ неизбежно долженъ былъ подвергнуться подобному же жребію!

Будучи проникнутъ горе-
стію, — онъ почиталъ обязан-
ностію, спасти если возможно,
малое число оставшихся у не-
го рыцарей; почему и предло-
жилъ Жіованни итти въ крѣ-
пость святаго Ангела съ тѣмъ,
чтобы обвѣститъ еще однажды
ла Валешшу о ихъ положеніи,
и показать необходимую надоб-
ность тотчасъ сдать въ крѣ-
пость, — или подвергнуться
вѣрной смерти, опиважившись
сопротивляться — приступу.

„Я не могу быть вашимъ вѣ-
стникомъ,“ отвѣчалъ Жіован-
ни, опершись на мечъ; ослабѣ-
вая отъ потери крови, кото-
рую тщетно старался удержать
платкомъ своимъ.

„Я вижу, вы ранены!“ вскри-
чалъ Дюгеррасъ, не понявъ на-
стоящаго смысла словъ его;
подите, прикажите перевя-

затъ себя, а я поищу кого нибудь другаго, чшобѣ послать туда.“

Жіованни поклонился ему молча и удалился.

Воспаленіе отъ раны воспрепятствовало ему бышь въ совѣшѣ, и пошому онѣ не могѣ упрекать себя въ томѣ, что тамѣ рѣшили. Великій Магистръ отвѣчалѣ на представленія осажденныхъ, шрогапельнымѣ извѣвленіемѣ сожалѣнія о ихѣ страданіяхѣ и потеряхѣ; но однако же дѣлалѣ сильныя доказательства, чшобѣ заставить ихѣ не здаваться еколь возможно долѣе. Просилѣ ихѣ воспріять мужество и положитьсь на опеческое его попеченіе; увѣряя, что пришлетѣ къ нимѣ столько людей и провизіи, сколько возможетѣ теперь собрать.

Часть воиновъ гарнизона пришли въ негодованіе отъ сего отвѣта. Они почитали себя обреченными смерти съ того времени, какъ замедленіе помощи отъ Сициліи дѣлало невозможнымъ ихъ избавленіе.

Почитая взятіе крѣпости неизбѣжнымъ, они обвиняли великаго Магистра въ варварской холодности, потому что онъ требовалъ отъ нихъ бесполезнаго пожертвованія. Недовольные, тайно отъ Губернатора, написали письмо, въ которомъ объявили: что въ случаѣ, если Великій Магистръ не дастъ имъ позволенія здать крѣпость непріятелю: то они рѣшились сдѣлать вылазку, и лучше погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели дозволить жаднокровно умершвить себя безчеловѣчному побѣдителю.

Одинъ изъ нихъ посланъ былъ съ симъ письмомъ въ крѣпость святого Ангела, и не замедлилъ возвратиться съ премою изъ главныхъ рыцарей, коимъ поручено было Великимъ Магистромъ изслѣдовать состояніе мѣста. Онъ привезъ также и отвѣтъ ла Валепта, въ которомъ сей послѣдній извѣщавалъ свое неудовольствіе. Когда отвѣтъ сей прочтенъ былъ въ собраніи: то каждый пошупилъ голову съ чувствами стыда и смущенія. При всякомъ слогѣ, они думали видѣть своего Государя, взирающаго на нихъ съ презрѣніемъ и укоризною за ихъ робость.

Въ этомъ письмѣ, весьма холодно написанномъ, ла Валептъ напоминалъ имъ, что сдѣлавшись Мальтійскими рыцарями, они поклялись предатьъ

ся совершенно въ волю и распоряженіе опытнаго своего начальника. Заставлялъ ихъ и то также вспомнить, что они не одну только обязанность сражались имѣли, но должныствовали подвизаться также въ терпѣніи, уничиженіи и довѣренности къ волѣ Божіей; что если премудрый Создатель опредѣлилъ имъ даже умеренъ, защищая посты свои, то и тогда они должны были ожидать сего безъ ропоту.

„Чего вы ожидаете въ Борго?“ продолжалъ онъ, „не ужели думаете, что Вице-Король поспѣшитъ на помощь къ людямъ, которые съ робостью измѣняютъ правому дѣлу? Да и что воспретяшеся неприятелю напасть на васъ даже и въ томъ самомъ мѣстѣ, которое вы избираете для себя

убѣжищемъ? Не ужели мужество ваше возрастетъ, когда вы будете въ Борго? — Такимъ образомъ гибель ваша тамъ будетъ столько же непремѣнна, какъ и на горѣ Сцеберрасъ; — съ тою только разницею, что вы умрете тамъ обезславленные, — или покроете себя новымъ безчестіемъ — вшоричною измѣною. “

Сіи упрёки живо тронули виновныхъ, возбудивъ во многихъ изъ нихъ чувство стыда и чести. Но небольшое число пребыло твердымъ въ своей непокорности, не взирая на убѣжденія, какія дѣлали имъ посланные рыцари, чтобы возвратить ихъ къ должности. Они упорно стояли въ томъ, что Турки разрушатъ непременно крѣпость ужаснымъ огнемъ съ батарей, поставлен-

ныхъ ими на вершинѣ Равелина, — или взорвутъ оную на воздухъ зажегши подкопъ, который доходилъ уже до перваго парапета.

Послѣднее доказательство весьма было неосновательно, потому что почва земли становилась крѣпче и каменистѣе по мѣрѣ того какъ въ нее врывались, и надлежало имѣть всю догадливость Турокъ, чтобъ сдѣлать на то покушеніе; — но первое было вѣрояннѣе, и двое избранныхъ рыцарей отвѣчали на оное, напомнивъ гарнизону: что честь и должность повелѣвали имъ быть швердыми, даже до послѣдней крайности. Одинъ только изъ нихъ Кастріотъ, человекъ пылкій и безразсудный, не переставалъ утверждать, что крѣпость не под-

вержена никакой опасности, и могла выдержавъ еще продолжительную осаду.

Упрямство и надменная рѣчь Кастриота, раздражили даже и тѣхъ рыцарей, которые наиболѣе расположены были покориться великому Магистру; нѣкоторые изъ младшихъ уже обнажили мечи — и страшная сцена произошла бы между ими, когдабъ Жіованни, раною своею удерживаемый въ постели, не услышалъ шѹмѣ и не спросилъ о причинѣ онаго. Не взирая на слабость свою, онъ потчасъ всталъ, и съ удивительнымъ присудствиемъ ума приказалъ ударить тревогу. Хитрость сія удалась. Рыцари думая, что неприятель лезетъ на стѣны, потчасъ побѣжали къ своимъ постамъ.

Мал. Рыц. Ч. III. Т 2.

До сей минуты Жіованни совсѣмъ не зналъ о поступкѣ недовольныхъ. Достигши воротъ крѣпости, онъ увидѣлъ посланныхъ рыцарей и Дюгерраса, бѣгущихъ на встрѣчу непріятеля. Остановивъ Губернатора за мантію, онъ вскричалъ: „Отецъ мой! простите меня за дерзость. Я услышалъ о несчастной ссорѣ, и потому приказалъ ударить тревогу.“

„Вы всегда наилучшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ, сказалъ Дюгеррасъ обнимая его. Посмотрите на него, друзья мои, продолжалъ онъ; теперь онъ слабъ и болѣнъ, но еслибъ я имѣлъ двадцать чело-вѣкъ ему подобныхъ, то сталъ бы защищать сіи стѣны противъ цѣлой арміи!“

Жіованни обернулся, чтобъ скрыть удовольствіе, какое

чувствовалъ отъ сей заслуженной похвалы.

„Начальникъ слишкомъ много льститъ мнѣ, сказалъ онъ; но я прошу васъ, рыцари—сказать великому Магистру: что я никогда не оставлю крѣпости безъ его приказанія.“

Не дождавшись отвѣта, онъ скрылся отъ лестныхъ похвалъ, какими осыпали его посланные рыцари, — и удалился; — сіи же послѣдніе возвратились въ Борго.

Г Л А В А VIII.

На другой день на разсвѣтѣ шлюпка прибыла изъ крѣпости святого Ангела съ письмомъ отъ великаго Магистра, написаннымъ холоднымъ и не-

довольнымъ спилемъ, который былъ несноснѣе самыхъ упрековъ. Онъ соглашался исполнить желаніе гарнизона, и приказывалъ имъ бышь въ готовности уступить мѣста свои другимъ воинамъ, — присовокупляя, что не находилъ никакой трудности замѣнить ихъ; потому что множество храбрыхъ рыцарей пришли изъ крѣпостей менѣе подверженныхъ опасности, перебивать другъ у друга честь защищать Сент-Эльмской замокъ; что даже самые крестьяне, оставивъ свои сохи, предлагали услуги, — и что ему сподобилось только выбрать изъ нихъ. Въ полночь лодки должныствовали пристать къ острову съчастію новаго гарнизона, — и тѣ, которые любили жизнь болѣе чести, могли оными вос-

пользоваться, чтобы выйхашь изъ крѣпости.

„Они прїѣдутъ сюда, — любезные мои сотоварищи! вскричалъ Жіованни, присутствовавшій при чтеніи письма: — они спашутъ защищающаго Сент-Эльмъ! — а мы, — мы не найдемъ мѣста, куда сокрыться отъ слыда!“

Во всемъ собраніи раздался смутный ропотъ, показывавшій раскаяніе.

„Тѣ, которые не хотятъ здѣсь оставаться, пусть собираются ѣхашь, сказалъ Губернаторъ ударивъ жезломъ своимъ по столу, — но мое измозженное плѣло выйдеть опшуда не иначе, какъ побѣдителемъ или бездыханнымъ!“

Слѣдуя единодушному движенію всѣ виновные бросились къ ногамъ неустрашимого сво-

его вождя, испрашивая его прощенья и клянясь раздѣлять съ нимъ жребій.

„Просите великаго Магистра, чтобъ онъ простилъ насъ, вскричали они, и мы омоемъ вину нашу въ крови невѣрныхъ.“

Дюгеррасъ обнималъ ихъ одного послѣ другаго. — увѣряя, что онъ забылъ уже минутное ихъ заблужденіе, — и что потѣ же часъ напишетъ къ великому Магистру.

Однако же нѣсколько разъ посылалъ онъ изъ Сент-Эльма въ крѣпость святаго Ангела, прежде нежели великій Магистръ перемѣнилъ свое строгое намѣреніе; — и наконецъ не иначе согласился простить, какъ заставивъ ихъ возобновить присягу, — чтобы быть увѣренными, что рыцари бо-

лѣе не измѣнятъ своей пвердости. Сіи послѣдніе, между тѣмъ, оставивъ всѣ другіе мысли, занялись единственно всеобщимъ благомъ, и не взирая на плящій жаръ солнечный и непріятельскую пальбу, они не переставали починивать проломы, сдѣланные ядрами. Жюванни, порученный искусному лѣкарю, вскорѣ могъ принимать дѣятельное участіе въ сихъ работахъ. Сражаясь въ окопахъ, наводя на башаряхъ орудія, перевязывая раненыхъ и ходя за больными, — во всякомъ случаѣ возбуждалъ онъ соревнованіе и показывалъ себя благороднымъ примѣромъ, достойнымъ подражанія своимъ сотоварищамъ.

Никпо, видя его перебѣгающаго съ одного поста на другой, съ спокойнымъ и доволь-

нымъ видомъ, — никто не могъ вообразить, что подъ сею спокойною наружностію, онъ скрывалъ твердую увѣренность, что всѣ ихъ усилія были безплодны. Онъ слишкомъ хорошо зналъ воинское искусство, чтобы не изчислить навѣрное всѣхъ случаевъ предстоявшихъ имъ къ спасенію, — и потому зналъ также, что если осада не будетъ снята прежде извѣстнаго времени, то гибель ихъ была неизбѣжна.

Но спасеніе всего ордена зависѣло отъ ихъ твердости, — и потому они должны были скорѣе погибнуть, нежели измѣнить своей должности. Жребій повелѣвалъ имъ умереть за своихъ братьевъ, не для свѣтской похвалы, но изъ преданности волю Того, кто умирая за человѣковъ подалъ со-

бою примѣръ покорности. И такъ Жіованни почипалъ себя мученикомъ за истинную Религію, — и видѣлъ для себя въ будущности вѣнецъ, обѣщанный тѣмъ, которые претерпѣваютъ до конца, нимало не ослабѣвая.

Одно только мирское воспоминаніе удерживало полетъ его къ безсмертію! образъ Цезаря предспавлялся душѣ его, и нѣжность къ нему заставляла Жіованни безпокоиться о участи своего друга. Онъ горѣлъ желаніемъ увидѣться съ симъ любезнымъ преступникомъ, и естли бы не путешествіе его въ Сицилію, о комъ онъ зналъ: то спалъ бы просить ла Валешша прислать его въ Сент-Эльмскую крѣпость. Опасности, коимъ подвергался Адимарій, причиняли ему живѣй-

Мал. Рыц. Ч. III. У

шее безпокойство ; пошому
 что Крейсера Драгута развѣ-
 ѣзжали между Мальшою и Си-
 циліею, съ тѣмъ, чтобы пере-
 хватить транспортныя суда,
 которыя онъ долженъ былъ
 провести. Двѣ галеры, напол-
 ненныя снарядами, показались
 было предъ островомъ ; но не
 смѣя пристать къ нему, поч-
 ли за лучшее возвратиться
 назадъ въ Сицилію. Сей посту-
 покъ, извинительный во вся-
 комъ другомъ случаѣ, возбу-
 дилъ негодованіе въ великомъ
 Магистрѣ, который убѣждалъ
 всѣмъ жертвовать въ край-
 немъ бѣдствіи, въ какомъ они
 находились. Почему Жиованни
 твердо увѣренъ былъ, что Це-
 зарь скорѣе станетъ прошивъ
 жерла заряженной пушки, не-
 жели возвратится назадъ. Бу-
 дучи равнодушенъ къ собеш-

венному жребію, Жіованни не могъ хладнокровно думать объ опасности человека ему любезнаго; — почему и не преста-валъ возсылать мольбы о со-храненіи его.

Между тѣмъ осадныя рабо-ты приближались къ оконча-нію. Замедленіе Вице-Короля, по г р у ж а я Мальшійскій ор-денъ въ опчаяніе, ободряло невѣрныхъ; и Мустафа спы-дясъ того, что горсть вои-новъ удерживала его столь долгое время передъ небольшою крѣпостію: — рѣшился на-ко-нецъ сдѣлать окончательный приступъ. Упопребивши еще день на бомбандированіе стѣнъ, Туркамъ удалось наконецъ сдѣ-лать широкій проломъ. Шест-надцатаго Іюля передъ разсвѣ-томъ, Турецкій флотъ пока-зался передъ гаванью; и между

тѣмъ, какъ Артиллерія онаго, совокупно съ батареями Драгутова Мыса, гремѣла противъ полуденной и западной частей крѣпости, — вся непріятельская Армія шла на приступъ противъ другихъ двухъ сторонъ. Они приближались при безпорядочномъ звукѣ странныхъ инструментовъ, игравшихъ мнимо-военную музыку. Историкъ должно описать подробности сего ужаснаго сраженія. Увѣряютъ, что сомкнутые ряды рыцарей представляли вторую стѣну позади той, которая испровержена была непріятельскими ядрами; и когда сія живая стѣна была распоргнута, то каждый рыцарь избравши себѣ соперника, сражался съ нимъ до тѣхъ поръ, пока тотъ или другой, или оба вмѣстѣ: упадали без-

дыханны. Но, уввы! что могли сдѣлать сіи славные подвиги мужества, прошивъ споль многочисленныхъ непріятелей? Турецкіе стрѣлки, подъ прикрытіемъ артиллеріи, бросились въ окопы и разили опшуда Христіанъ. Уже побѣдоносные ихъ крики до небесъ возносились, какъ вдругъ появилась толпа рыцарей съ смертоноснымъ оружіемъ совершенно особеннаго рода. Это были обручи, составленные изъ горючихъ матерій и омоченное въ кипящемъ маслѣ. Рыцари въ свою очередь бросили сіи обручи въ окопы, откуда въ скоромъ времени раздались ужасные вопли несчастныхъ, погибающихъ въ мученіяхъ. Сіи болѣзненные вопли и видъ пламени, поражали спрахомъ слухъ и зрѣніе. Весь утешъ — Сенп —
Мал. Рыц. Ч. III. У 2.

Эльмскій казался обвятымъ огнемъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны бапарей крѣпостей святаго Ангела и острова де ла Сангла, не переставали опустошать ряды непріятельскія, показывая при блѣдномъ отблескѣ выстрѣловъ, воиновъ собравшихся на стѣнахъ сихъ крѣпостей, — старающихся съ нестерпѣніемъ и соучастіемъ узнать о жребіи Сент-Эльма. Сей ужасный приступъ, начавшійся передъ разсвѣтомъ, продолжался до самого полудня. Чрезвычайный жаръ атмосферы, усталость сражающихся и потеря мужества со стороны невѣрныхъ, скоро заставили прекратить битву. Болѣе двухъ тысячъ Турокъ остались на полѣ сраженія, и Паша видя невозможность принудить войска свои къ продол-

женію приступа, приказалъ дать знакъ къ отступленію.

При этомъ знакѣ, торжественные крики осажденныхъ повторены были въ крѣпостяхъ святаго Ангела и святаго Михаила; ла Валеттѣ самъ показался возлѣ главнаго знамени, откуда пропянулъ обѣ руки къ Сент-Эльмской крѣпости, какъ бы желая дать знать гарнизону, что онъ опять заслужилъ право на любовь его и почтеніе. При семъ прогашельномъ видѣ, второй крикъ, не столь шумный, но болѣе слышный, раздался въ воздухѣ, и за нимъ послѣдовало безмолвіе, — послѣ котораго воины, оставшіеся въ живыхъ послѣ приступу, приготовились переносить раненыхъ и отдавать послѣдній долгъ убитымъ. Горестная обязанность! потому,

что они находили родственни-
 ковъ, друзей, поварищей, пора-
 женныхъ ударами, послѣ копо-
 рыхъ они не могли уже воз-
 сшать. Они спали бы плакать
 при столь ужасномъ зрѣлищѣ,
 еслибъ не вообразили, что и
 ихъ ожидалъ подобный же жре-
 бій! Видя навсегда исчезающи-
 ми сіи драгоцѣнные остатки,
 они не проливали слезъ; но
 тяжкіе вздохи ихъ показыва-
 ли, что не нечувствительность
 была причиною глубокаго без-
 молвія ими хранимаго. Шлюб-
 ки, отвозившія въ крѣпость
 святаго Ангела раненыхъ, воз-
 вратились съ подкрѣпленіемъ
 изъ воиновъ, готовыхъ подверг-
 нуться той же участи, какую
 испытали ихъ поварищи. Гар-
 низонъ находился въ такомъ
 истощеніи, что безъ сей помо-
 щи крѣпость не могла бы дер-

жаться и однихъ сутокъ. Ла Валеттѣ все еще надѣявшійся, что флотъ Сицилійской подоспѣетъ ко времени, или что онъ въ соспояніи будетъ защищаться до самаго равноденствія, не смѣлъ предаться чувству жалости, заставлявшему его спасти сихъ храбрыхъ воиновъ. Жестокая обязанность повелѣвала ему преодолѣвать себя, и въ тайнѣ оплакивая сіи жерпвы, онъ показывался въ публикѣ съ веселымъ лицомъ, стараясь возбуждать словами своими мужество.

Прибытіе сего подкрѣпленія, которое тщетно старались перехватить, возвело бѣшенство Паши до высочайшей степени; онъ собралъ военный совѣтъ, въ которомъ предназначено было соорудить новыя шанцы, долженствовавшіе ве-

вершенно окружить крѣпость съ сухаго пути, и прервать всякое сношеніе оной съ оспальными часпями острова, между шѣмъ, какъ галеры спали бы блокировать оную съ моря.

Часпья вылазки осажденныхъ, не помѣшали исполненію сего плана. Грозныя батареи, проспировавшіяся отъ большой до малой гавани, не оставляли имъ болѣе нималѣйшей надежды къ спасенію. Окончивши сіи работы, невѣрные опять устремились на стѣны, со всѣхъ сторонъ развалившіяся. Три раза они всходили на оныя, и три раза были отражены. Побѣжденные Турки опять прогнаны за окопы, которыхъ осажденные не могли однако же удержатъ за собою, за недостаткомъ солдатъ. Турки скрылись въ своемъ лагерѣ,

чтобы предаться покою, оставивъ несчастному гарнизону свободу заниматься попеченіями о раненыхъ, — и щитать число оставшихся въ живыхъ послѣ битвы. Увы! каждый изъ нихъ казался только пѣнью самаго себя: пѣ, которые не лишились какихъ нибудь членовъ, были обезображены страшными ранами, и отъ слабости едва могли окончить трудную ночную работу. Старецъ Дюгеррасъ собственными руками выкопалъ могилы для многихъ изъ храбрыхъ своихъ рыцарей, между пѣмъ какъ Жіованни, чудеснымъ образомъ уцѣлевшій, перевязывалъ раненыхъ и подавалъ Христіанскія утѣшенія пѣмъ, которые готовы были испустить духъ.

Родольфъ былъ еще въ числѣ живыхъ, и хотя Жіованни не

сомнѣвался въ печальномъ жребіи его ожидавшемъ, но однако же чувствовалъ удовольствіе слыша похвалы бѣдному слугѣ своему. Родольфъ спасъ на Кавальерѣ малое знамя Мальтійскаго ордена, — и съ такимъ мужествомъ бросился въ сомкнутыя непріятельскія ряды, что Дюгеррасъ шутъ же обѣщавъ, если только небо дозволитъ ему увидѣться съ великимъ Магистромъ, испроситъ для него почетное званіе служиваго брата; — достоинство, котораго по правиламъ ордена онъ не могъ надѣяться, по причинѣ нискаго своего происхожденія.

Чувства Родольфа при полученіи сей похвалы, были сколько живы, столько же и неожиданны; потому, что по мѣрѣ просвѣщенія ума своего,

онъ сдѣлался внимательнѣе къ людскому мнѣнію; въ радостномъ восторгѣ, онъ обнялъ колѣна Губернатора и Жіованни, не могши выразить всей своей благодарности.

Ему приказали удалиться и предаться покою; поному, что онъ истощенъ былъ усталостію, и многими, но не опасными ранами; примѣру его послѣдовали и воины низшаго класса; малое же число оставшихся рыцарей собрались на совѣщаніе къ Губернатору. Иные имѣли обвязанныя головы, другіе все тѣло и члены покрытые бандажами, кошорыхъ близна весьма согласовалась съ блѣдными ихъ лицами; они опирались всею своею тяжестію на мечи, едва могшіе поддерживать колеблющіеся шаги ихъ; — и въ этомъ положеніи подобны

были тѣнямъ рыцарей, коихъ тѣла, лишенные погребенія, были еще разсѣяны по землѣ.

„Вѣтви наши увядаютъ!“ сказалъ Дюгеррасъ послѣ горестнаго и продолжительнаго безмолвія, приподнявъ остатокъ руки, которую онъ потерялъ стараясь защитить знамя, спасенное Родольфомъ. „Прежде нежели солнце закатится — и дерево также погибнетъ!... Сколько насъ осталось? Одинъ, два, три... Не хочу болѣе щипать!“ при сихъ словахъ онъ отвернулся, чтобъ скрыть слезы, струившіяся по щекамъ его.

Жіованни вспалъ съ своего мѣста. „Отецъ мой!“ вскричалъ онъ съ чувствомъ пожимая оставшуюся препещущую руку Дюгерраса, „время не терпитъ, и всякое сопро-

живленіе бесполезно, если не-
 пріятель нападетъ на насъ
 прежде нежели мы получимъ
 новую помощь. Не жизнь нашу
 должны мы сохранить, — но
 крѣпость. “

„Крѣпость! праведный Бо-
 же!“ повторилъ Дюгеррасъ
 поднявъ горестные взоры къ
 небу,“ посмотри на эти бата-
 реи; какъ достигнетъ до насъ
 подкрѣпленіе, когда и одна лод-
 ка не переплыветъ теперь за-
 лива, чпобъ описать ла Валеш-
 шу горестный нашъ жребій?“

„Я переплыву заливъ! —
 вскричалъ Жіованни голосомъ,
 заспавившимъ всѣхъ содро-
 гнуться.

Долго не могъ онъ внушить
 Дюгеррасу о возможности сво-
 его предпріятія. Успѣхъ за-
 висѣлъ опъ тѣлесной крѣпо-
 сти; — онъ отваживался на

многое; — но необходимость этого требовала, — и всякое замедленіе было пагубно. — Жіованни получилъ отъ Губернатора нѣсколько короткихъ приказаній, поспешною пропивною достигъ до морскаго берега.

Слабый лучъ заходящаго солнца освѣщаль еще небо, когда Жіованни бросился въ море, сильною рукою разсѣвая волны. Безпокоющіеся друзья, оставленные имъ на стѣнахъ Сент-Эльма, слѣдовали за всѣми его движеніями при этомъ слабомъ свѣтѣ, — и въ смущеніи своемъ почитали минуты часами; — но бѣлые и гладкіе члены Жіованни на черной поверхности воды, слишкомъ были примѣтны, чтобы избѣгнуть отъ взоровъ непріятеля. Одинъ изъ часовыхъ, принявши его

за морскую птицу, едѣла въ по немъ выспрѣла для забавы. Невольное чувство удержало крикъ, копорой весь гарнизонъ готовъ былъ испустить; но Жіованни съ удивительнымъ присудспіемъ духа нырнулъ, и плылъ подъ водою; — когда же опять показался на поверхности, тогда совершенно смерклось; и часовой вѣроятно или не обращалъ болѣе на него вниманія, или отошелъ прочь. Жіованни усугубивши свои усилія, въ скоромъ времени достигъ берега.

Г Л А В А IX.

Между тѣмъ, какъ Сент-Эльмскій гарнизонъ защищался съ сверхъ-естественнымъ мужествомъ.
Мал. Рыц. Ч. III. Ф 2.

жествомъ противъ безчислен-
 ной арміи, Цезарь былъ на мо-
 рѣ, ведя съ собою, какъ онъ
 думалъ, вѣрную помощь остро-
 ву Мальтѣ. Сія помощь со-
 стояла изъ двухъ галеръ, на-
 полненныхъ дворянами и рыца-
 рями, прибывшими изъ отда-
 ленныхъ Командорствъ, и въ
 двухъ транспортныхъ судахъ
 съ Испанскими войсками. Сіе
 слабое подкрѣпленіе должен-
 ствовало бышь сочтено пору-
 кою прибытія всего Сицилій-
 скаго флота, лишъ только из-
 готовяшъ войска и снаряды.
 Но надежда Цезаря не оправ-
 далась; команда сею небольшою
 эскадрою, — поручена была
 Донъ-Жуану Кардонѣ, съ тай-
 ными повелѣніями не высажи-
 вать солдатъ, и не подвергать
 опасности галеръ своихъ въ
 случаѣ, если дорогою получились

неблагопріятныя свѣденія. Узнавъ о несчастномъ положеніи Сент-Эльмской крѣпости отъ одного рыбака, съ прибавленіями внушенными страхомъ, Кардона повинуюсь непремѣннымъ приказаніямъ двора, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ продолжать путь свой къ острову, пустился въ открытое море, не рѣшаясь возвратиться ли ему въ Мессину, или продолжать крейсировать въ каналъ?

Тщешно Цезарь упрекалъ его за сей поступокъ; Кардона увѣрялъ, что повелѣнія запрещали ему имѣть дѣло съ флотомъ Порты. Къ сей причинѣ присовокупилъ онъ другую, которая собственно къ нему относилась. Супруга Донъ-Феликса Толеда находилась на кораблѣ его; — она была племянница Кардонъ, и сей

последній, будучи убѣжденъ не опшшупными ея прозьбами, согласился скрыть ее въ своей каютѣ съ одною изъ женщинъ, и отвезть ихъ въ Мальту. Но Донъ-Жуанъ имѣлъ слишкомъ слабый характеръ, чшобы устоять въ своемъ словѣ: опасаясь подвергнуть себя упрекамъ за то, что для собешвенныхъ видовъ отваживалъ цѣлую эскадру, онъ спалъ бранишь всѣхъ женщинъ, а наиболѣе замужнихъ.

Цезарь живо было пронуть доказательствомъ супружеской любви, какое Дона Камилла оказывала своему мужу; — и не смѣя оправдывать поспушка, сдѣланнаго ею безъ его согласія, онъ заключилъ изъ того, что сердце, пылающее любовью, могло также заблуждаться — и не различать испин-

ныхъ обязанностей отъ мысленныхъ; — и что желаніе раздѣлять опасности, и хранить жизнь обожаемаго предмета, можетъ ослѣпить на щепъ увеличенія сихъ опасностей и безпокойствъ, которые самый прїздъ ея долженъ былъ причинить ему. Съ другой же стороны, осада продолжалась несравненно долѣе предполагаемаго срока, и очень было возможно, что Толедъ самъ одобрилъ поступокъ жены своей; почему Цезарь всѣми возможными доказательствами старался убѣдить Кардону, чтобъ не вѣрилъ извѣстію рыбака, называя оное ложнымъ и слишкомъ увеличеннымъ; сердце его содрогалось отъ мысли, что можетъ быть слишкомъ поздно прибудетъ раздѣлять славную смерть съ Жіованни; по-

шому, что не смѣлъ уже надѣяться подать помощь Сент-Эльму. Онъ ощущалъ также нѣжнѣйшее сосприданіе къ молодой женщинѣ, которая, изъ любви къ своему мужу, снѣшила подвергнуться величайшимъ опасностямъ. — Не взирая на то, что знакомство Цезаря съ Толедомъ началось весьма недавно; но частые случаи замѣчать поступки другъ друга, могли замѣнить многие годы корошвой связи. Онъ видѣлъ характеръ сего благороднаго Испанца съ самой лучшей стороны. Непорочность сердца Донъ Феликса подобна была золоту очищенному огнемъ. Во время прудныхъ походовъ по берегамъ, равнодушіе его къ самому себѣ и нѣжная попечительность о другихъ, снискали ему уваженіе

Цезаря. Онъ видалъ Донъ Феликса, когда сей исполнивши какое нибудь тягостное дѣло, вмѣшивался въ толпу солдатъ, узнавая ихъ нужды и выслушивая жалобы. Самые даже живописныя находили въ Донъ Феликсѣ друга, и не одна раненая лошадь одолжена была своимъ излѣченіемъ искусству его и челоуѣколюбію. Въ сущности эпо были бездѣлицы, но однакожъ по онымъ можно вѣрно судить о природныхъ душевныхъ побужденіяхъ; — и поимъ челоуѣкъ, въ которомъ мы сіи качества находимъ, заслуживаетъ любовь нашу. Въ сраженіи и въ совѣтѣ Толедъ показывалъ достоинства, которыя внушали къ нему привязанность и почтеніе. Въ нужныхъ случаяхъ онъ умѣлъ соединять мужество съ благора-

зуміємъ — и здоровое сужденіе, — незапмѣваемое никакою романическою страстію къ славі: это отличало его отъ другихъ воиновъ, и дѣлало рыцаремъ достойнымъ прежнихъ временъ. Такимъ образомъ будучи любезнымъ, онъ возбуждалъ вмѣстѣ и удивленіе; — потому что изъ свѣпскаго, забавнаго и веселаго человека, вдругъ дѣлался мужемъ—швердымъ и мудрымъ въ совѣтѣ.

Цезарь удивлялся ему и въ помѣи въ другомъ видѣ; не могли сказать когда онъ болѣе любилъ его: въ то ли время, какъ онъ пѣлъ будучи на скучной справѣ провинціальныя романсы, или когда предавшись важнымъ размышленіямъ, сообщалъ мысли столь же прекрасныя, какъ и самый предметъ ему оныя внушавшій.

Уваженіе , какое Цезарь чувствовалъ къ характеру Толедда, умножалось участіемъ, внушаемымъ ему его положеніемъ. Увѣрившись, что ничто не могло бытъ столько для него пріятно, какъ нечаянное прибытіе жены, — Цезарь горѣлъ желаніемъ привезти ее къ нему, не взирая на всѣ препятствія.

Оставивши въ Мессинѣ Агента великаго Магистра, долженствовавшаго заняться снаряженіемъ рекрутъ, Адимарій вообразилъ, что ничто не могло воспрепятствоватьъ ему самому ѣхать въ Борго. Почему предложилъ свое намѣреніе дворянамъ и рыцарямъ, которые изъявили готовность на все отважиться, лишь бы только споспѣшествоватьъ всеобщему благу. Кардона не могъ оп-

Мал. Рыц. Ч. III. X

казать имъ въ шлюбкѣ; но со-
 драгаясь при мысли объ опа-
 сности, коей хотѣли подверг-
 нушься, старался всѣми сила-
 ми отвратить ихъ отъ сего
 предпріянія. Однако же пред-
 ставленія его остались тщет-
 ны; онъ говорилъ съ людьми
 рѣшительными, коихъ муже-
 ства ничто не могло поколе-
 бать.

Цезарь тайнымъ образомъ
 послалъ Донъ Камиллѣ запи-
 ску, въ короткихъ словахъ увѣ-
 домляя ее о дерзкомъ намѣре-
 ніи принятомъ ими; вызываясь
 взять ее, если она будетъ
 имѣть мужество отважиться
 съ ними ѣхать, увѣряя, что
 она могла положиться на его
 опытность и швердссть.

Шлюбка спущена была на
 море и Цезарь находился уже
 на ней, когда Камилла показа-

лась съ своею горничною. Она ушла не взирая ни на угрозы, ни на доказательства своего дяди, — и съ такимъ радостнымъ воспоргомъ бросилась на шлюбку, какъ будто бы само небо для нее разверзлось. На ней было длинное покрывало. Она сѣла съ нѣкоторою робостію, но болѣе съ неперивніемъ, возлѣ Цезаря, правившаго рулемъ.

Густой туманъ облакалъ морскую поверхность; но Цезарь во время частыхъ своихъ переѣздовъ столь хорошо вызналъ берега острова, что вмѣсто того, чтобъ беспокоиться, благодарилъ Бога посылавшаго сіе средство для избавленія отъ враговъ; и въ самомъ дѣлѣ они прошли посреди самаго ихъ флота, — не будучи примѣченными.

Лишь только пристали къ берегу, какъ Цезарь взявши подъ свое покровительство Камиллу и вѣрную ея служанку, пошелъ съ ними къ жилищу Донъ Феликса, пославши напередъ одного изъ рыцарей уведомить его о ихъ прїѣздѣ. Камилла сгорала отъ нетерпѣливости. Лишь только Цезарь издали указалъ ей тотъ домъ, гдѣ жилъ супругъ ея, какъ она оставивъ руку своего покровителя, пустилась бѣжать къ нему. Цезарь слѣдовалъ за нею столь поспѣшно, что засталъ шу минушу, когда она бросилась въ объятія супруга, вышедшаго на улицу. Покрывало слетѣло съ головы ея, и свѣтъ отъ фонаря, повѣшеннаго у дверей, позволилъ Цезарю примѣнить лицо блистающее молодостію и красотою,

и епанѣ нимало не потерявъ-
шій стройности, отъ одного
общомяшельства, которое дол-
женствовало привлечь къ ней
еще большую любовь Донъ Фе-
ликса.

Толеда долго пребылъ непод-
виженъ въ радостномъ востор-
гѣ. Крѣпко обнявши свою су-
пругу, положившую голову на
плечо его, онъ непрестанно цѣ-
ловалъ бѣлолилейную ея шею;
но видя, что Камилла ничего
не отвѣчала на нѣжныя слова
его, онъ приподнялъ ее и уви-
дѣлъ, что она была въ обмо-
рокѣ. Подозвавъ Цезаря, Донъ
Феликсъ просилъ его помочь
себѣ опнести ее въ комнату.
Сей послѣдній исполнилъ его
желаніе и былъ съ нимъ до
тѣхъ поръ, пока Донна Ка-
милла не пришла въ чувства;
тогда оставивъ на единѣ обѣ-
Мал. Рыц. Ч. III. X 2.

ихъ супруговъ, Цезарь удалился.

Вышедши отъ Толеда, онъ спросилъ у перваго попавшагося ему на встрѣчу челоуѣка: держалась ли еще Сент-Эльмская крѣпость? Сей послѣдній увѣдомилъ его объ отчаянномъ положеніи оной, — и о прибытіи Жіованни, который отдохнувши нѣскольکو времени, обратно пустился въ плавъ съ извѣсшiemъ своему гарнизону, что многіе изъ волонтеровъ предложили свою услугу, и что готовились уже шлюбки для перевезенія ихъ въ крѣпость.

„Боже! для чего не прибылъ я сюда часомъ ранѣе!“ вскричалъ Цезарь съ досадою. Потомъ поспѣшно сошедши до самаго морскаго берега, онъ увидѣлъ при свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ тщательнo

скрытыхъ, сихъ героевъ съ шумомъ садящихся на шлюбки, чшобъ искать смерти подъ тысячью различными видами.

„Гдѣ великій Магистръ?“ спросилъ онъ вскочивши въ одну небольшую лодку. „Но, нѣпѣ! теперь поздно уже просить позволенія; — опчаливайте... опчаливайте скорѣ!“ Онъ не далъ времени гребцамъ исполнить сіе приказаніе, самъ оптолкнулъ лодку отъ берегу и скоро опередилъ весь малый флотъ. Не честолюбіе, но одно шолько неперпѣніе владѣло имъ; — онъ забылъ даже о славѣ, и шолько одно дружество наполняло его душу.

Ночь была темная, — однако же лагерь непріятельскій былъ довольно освѣщенъ и Турки безъ труда примѣтили сіи страшныя для нихъ пригото-

ленія. Весь берегъ ихъ уставленъ былъ пушками, а гавань заперта тремя рядами галеръ. Передъ симъ флотиомъ помѣщена была небольшая эскадра, наполненная стрѣлками изъ луковъ и изъ ружей, такъ, что шлюбки рыцарей подвергались во время переправы огню всей Турецкой морской артиллеріи. Правда, что когда крѣпости Сент-Эльмъ и святаго Ангела находились еще во власти орде-на, и защищали цѣпь, которою гавань была заперта: то Турки не могли войти въ оную; но огонь ихъ тѣмъ не менѣе беспокоивалъ тѣхъ, которые хотѣли переѣхать съ одного берега къ другому. Храбрые наши рыцари во время переправы своей претерпѣвали и выстрѣлы съ эскадры, и еще смертоноснѣйшія съ осадныхъ

батарей. Но однако же они рѣшились исполнить свое намѣреніе и презирали смерть. Возбуждаемые видомъ своихъ неустрашимыхъ соповарищей, которые будучи облечены въ бѣлые колеты свои съ красными крестами, спояли на стѣнахъ Сент-Эльма, — и сквозь облака дыма, восходившаго до самой крѣпости, — подавали имъ знаки, чтобъ ободрить ихъ; — сіи герои всѣми силами старались съ ними соединиться, одни приспавали къ берегу подъ самыми выпирѣлами непріятеля, — надѣясь пробиться шуда сухимъ путемъ; иные бросались въ море съ шѣмъ, чтобъ вплавь достигнуть крѣпости; — другіе же оставались еще на шлюбкахъ испуская бѣшенныя вопли, и какъ бы негодуя на судьбы Всевыш-

няго. — Только малое число рыцарей, павши на колѣна, испрашивали у Бога покровительства несчастнымъ своимъ братьямъ.

Цезарь прежде всѣхъ бросился въ волны, потому что думалъ видѣть Жіованни, наводящаго нѣсколько орудій, на толпу непріятелей занимавшихъ единое мѣсто, гдѣ удобно было пристать. Онъ не ошибался: — Въ самомъ дѣлѣ это былъ другъ его. — Видѣ сего друга рѣшилъ Цезаря — онъ пустился в плавь вскричавши: Жіованни! я иду!“

Кровь Цигала оледенѣла при звукѣ сего голоса, который онъ узналъ; — этотъ голосъ нѣкогда споль для него любезный, — одинъ только въ состояніи былъ возбудить въ немъ чувство страха! Онъ со-

шелъ на отмель послѣдуемый Родольфомъ ; но небу не угодно было , чтобъ Цезарь могъ до него достигнуть. Камень пущенный со стороны непріятеля поразилъ его въ плечо — и правая рука, разсѣкавшая волны, — упала безъ движенія. Цезарь лишился памяти — и тотчасъ изчезъ опъ взоровъ ; но Генрихъ ла Валентъ, примѣчавшій за нимъ, схватилъ его за волосы, и встѣпивъ на лодку, удалился гребя изъ всей силы. Все это сдѣлалось въ одно мгновение: Жіованни уже готовъ былъ броситься въ море, какъ увидя друга своего въ безопасности, и подумавъ о обязанности своей, удержался отъ того, вскричавши съ отчаяніемъ.

„Не ужели никто не отважился доплыть до этой лод-

ки, и сказать Цезарю Адимарию — что сердце мое стремилося къ нему?“

„Я это исполню! воскликнулъ Родольфъ.

Жіованни, заключивъ въ свои объятія вѣрнаго Кагопа, сказалъ:

„Опнеси ему отъ меня это отъ послѣдній поцѣлуй:“

Произнеся сіи слова — онъ обнялъ и поцѣловалъ Родольфа съ такою нѣжностію, какъ бы самаго Цезаря, а потомъ возвратился къ своему посту съ чувствами челоѣка, исполнившаго послѣднюю, — самую пруднѣйшую обязанность.

Съ высокаго мѣста Жіованни взиралъ на несчастныя шлюбки: изъ всѣхъ ихъ, отважившихся на переправу, оспалось только двѣ; — они старались достигнуть до прошивуполож-

наго берега сквозь градъ пуль;—
каждое мгновеніе угрожавшихъ
имъ такою же участію, какъ
и злополучнымъ ихъ товари-
щамъ. Жюванни до тѣхъ по-
смотрѣлъ, пока они не скры-
лись отъ глазъ его; но онъ
угадалъ о ихъ прибытіи, когда
услышалъ дважды повторенные
слабые крики — со стороны
города. Научившись предаваться
волѣ Провидѣнія, — онъ съ
признапельнымъ, но вмѣстѣ и
безпокойнымъ сердцемъ занялся
упражненіями, пребывавшими
его присудствія.

Весь гарнизонъ движимый
духомъ героев, нѣкогда по-
жертвовавшихъ собою при Тер-
мопилахъ, съ преданностію при-
готовился на вѣрную смерть.
Всѣ различія сословій были
опложены въ сторону. Каждый

солдатъ могъ показывать грудь свою покрытую ранами, и хвалиться, что былъ столько же храбръ, какъ и благороднѣйшій изъ рыцарей имъ предводительствовавшей. Какое величественное зрѣлище, когда сія мужеспвенная Фаланга — совокупно исполняла послѣднія Христіанскія обязанности, и обнималась потомъ въ послѣдній разъ, съ тѣмъ, чтобы не видаться болѣе на семъ свѣтѣ! Послѣ сей благочеспивой церемоңи, всѣ возвратились на свои посты; даже раненые и больные, предпочипая лучше получить смерть въ бою, нежели ожидать оной на постеляхъ, просили позволенія раздѣлять пруды своихъ сотоварищей; почему и были помѣщены въ ряды воиновъ сохранившихъ здоровье и силы.

Въ такихъ-то упражненіяхъ
 прошла сія печальная ночь.
 Передъ разсвѣтомъ невѣрные
 возобновили приступъ съ яро-
 стію и дьявольскими криками.
 Кто могъ имъ сопротивлять-
 ся? — Конечно не малое число
 храбрыхъ, — по большей части
 лишенныхъ какихъ нибудь чле-
 новъ, въ крѣпости со всѣхъ
 сторонъ развалившейся! Сіи
 неустрашимые воины до тѣхъ
 поръ защищали проломъ, пока
 одинъ за другимъ не пали подъ
 ударами осаждавшихъ. „Сей
 страшный приступъ,“ гово-
 ритъ одинъ Историкъ, „пре-
 крашился только по тому, что
 нѣкому было сражаться.“ —
 Когда всѣ до послѣдняго рыца-
 ря были умерщвлены; тогда Ту-
 рецкій флотъ вошелъ въ боль-
 шую гавань, при звукѣ трубъ,
 пушечныхъ выстрѣловъ, и ра-

достпныхъ крикахъ всѣхъ не-
вѣрныхъ.

Г Л А В А X.

Цезарь пребылъ безъ чувствъ нѣсколько дней; когда же пришолъ въ себя: то первый предметъ, поразившій его взоры, былъ Родольфъ. Присудствіе сего послѣдняго возродило въ немъ надежду, и онъ съ восторгомъ произнесъ имя Жіованни; но при этомъ имяни, Родольфъ спалъ катаясь по полу и отвѣчалъ однимъ только спенаніемъ. Кровь Цезаря оледѣнела: онъ содрогнулся и приподнявшись вскричалъ: „Я всіо хочу знать.“

Тогда рыцарь при немъ находившійся, и не знавшій объ

особенномъ участіи, принимаемомъ имъ въ жребіи Сент-Эльма, объявилъ о взятіи сей крѣпости, и о томъ, что всѣ до одного человекъ въ ней находившіеся были умерщвлены; — присовокупивъ подробности безсильнаго мщенія Паши, копорыя заставляють содрогаться человекство! Сей лютый звѣрь приказалъ отыскать всѣхъ тѣхъ, которые еще дышали, и отворивъ имъ жилы, изторгнуть изъ нихъ сердца. Чтожь касается до мертвыхъ, то онъ приказалъ здѣлать на тѣлахъ ихъ различные разрѣзы наподобіе креста, въ поруганіе священнаго Символа ихъ религіи, а потомъ привязавъ къ доскамъ бросить въ море съ тѣмъ, чтобы приливъ принесъ ихъ къ самой крѣпости святаго Ангела.

При семъ ужасномъ повѣствованіи Цезарь вторично лишился памяти; но старанія Родольфа воззвали его къ жизни; онъ открылъ глаза, и потомъ вспомнивъ о варварскомъ поступкѣ имъ слышанномъ, устремилъ взоръ на Кагопа, и съ суровымъ видомъ спросилъ: за чѣмъ онъ при немъ находился? Родольфъ поспѣшилъ изъяснить ему о своемъ мнимомъ удаленіи въ такое время, когда готовъ былъ тысячу разъ пожертвовать жизнью за своего господина. Горестъ прерывала слова его, однако же онъ могъ наконецъ рассказать о послѣднемъ своемъ съ нимъ свиданіи, у подошвы горы Сцеберрасъ.

„И такъ отдай мнѣ этошь горестный, — драгоценный поцѣлуй!“ сказалъ Цезарь за-

лившись слезами — и усиливаясь еще разъ приподняпсья для полученія онаго. Родольфъ бросился вѣ объятія его безъ всякаго принужденія и Цезарь крѣпко прижалъ его къ груди своей единою рукою, которою могъ владѣть. Долгое время оба не произносили ни слова, но наконецъ Цезарь сказалъ съ глубокимъ вздохомъ. „Теперь мы съ тобой болѣе не расстанемся, Родольфъ! я почиаю тебя залогомъ оставленнымъ мнѣ моимъ Жюванніемъ. Вмѣстѣ спанемъ вести жизнь нашу, и вмѣстѣ оную окончимъ.“

Родольфъ не вѣ состояніи былъ отвѣчать. Вѣ горести, онъ былъ еще дитятею природы, и хошя научился отъ господина своего нѣкоторымъ Христіанскимъ добродѣтелямъ; но не умѣлъ еще подвергать

себя еудьбамъ Всевышняго инегда слишкомъ жестокимъ по наружности! Между тѣмъ, какъ онъ плакалъ и въ опчаяніи ударялъ себя въ грудь, Цезарь пребывалъ не подвиженъ на своей постѣли, сложивъ руки и обративъ взоры къ небу, какъ бы бесѣдуя съ душою своего друга. Сія ужасная мишуа принесла ему нѣкоторыя пріяшности; потому, что онъ навѣрное узналъ, что Жіованни умирая простилъ его — и никогда не переставалъ любить. Съ сего времени Цезарь не долженъ былъ оплакивать его смѣрть; — но столь же славно пожертвовать жизнію, какъ топъ другъ, о коемъ сожалѣлъ; — тогда души ихъ соединились бы навсегда въ жилищѣ вѣчнаго блаженства!

Восторгъ чувства, которо-

му Цезарь предавался, прерванъ былъ звукомъ голосовъ раздавшихся на улицѣ. Звуки сіи не походили ни на крикъ — ни на сненанія; но они раздирали слухъ и выражали ужасъ и жалость. Цезарь потчасъ понялъ, что это значило. Онъ взглянулъ на Родольфа и увидѣлъ на лице собственныя свои мысли. Почему бросился съ постели, спараясь достигнуть дверей; но ослабѣвши отъ усилій имъ сдѣланныхъ, и отъ боли причиняемой конпузіею, упалъ не дошедши до порога. Родольфъ же прошелъ мимо его совсѣмъ того не примѣпивши.

Одушевляемый страшною надеждою, Каготъ побѣжалъ къ отпѣли и нашелъ тамъ множество людей, на лицахъ которыхъ изображенъ былъ ужасъ. Жители и воины неподвижные,

вѣ безмолвіи взирали на медленное и непрестанно умножающееся движеніе прилива, выкидывающаго на песокъ тѣла умерщвленныхъ ихъ соповарищей. (*) Воззрѣніе на каждое тѣло: то возбуждало ропотъ всеобщаго соболѣзнованія, то особенныя горестныя вопли. Тамъ были ошпапки какого нибудь незнакомаго Волонпера, здѣсь трудъ земледѣльца, да еще же тѣло одного изъ самыхъ главныхъ и храбрѣйшихъ

(*) Вотъ уже второй разъ еочинительница говоритъ о приливѣ къ острову Мальтѣ, она вѣроятно не знаетъ: что Средиземное море онаго не имѣетъ.

(прим. Переводчика.)

рыцарей ордена. Женщины и дѣти, стоя на колѣняхъ на берегу морскомъ, проливали горькія слезы надъ обезображенными прупами своихъ братьевъ, мужей и сыновей.

Ла Валепшѣ не показывался пошому, что не смѣлъ взглянуть на зрѣлище могшее поколебать его твердость. Удалясь отъ всѣхъ взоровъ, онъ повергся предъ Всемогущимъ. — Намъ не дозволено роптать противъ Его опредѣленій, — но зато мы всегда можемъ просить его о милосердіи, когда сіи опредѣленія превосходящѣ наши силы.

Отчаяннымъ взоромъ Родольфъ окинулъ всю гавань, чтобъ найти драгоценные останки, которые хотѣлъ избавить отъ поруганія — и пре-

дать онѣя землѣ съ священными обрядами религіи.

Волны не переставали выкидывать тѣла, но въ числѣ ихъ тѣла Жіованни не было; это обстоятельство могло бы подать нѣкоторую надежду, еслибъ многіе изъ труповъ не были до такой степени обезображены, что нельзя было распознать чертъ лица. Родольфъ сначала отвратилъ глаза отъ ужасу; но потомъ преодолевъ себя опять принялся за работу, опасаясь покинуть тѣло господина своего въ забвеніи.

„Кого ты здѣсь ищешь?“ спросилъ одинъ рыцарь, который долго въ мрачной и глубокой задумчивости стоялъ подлѣ него.

„Тѣла моего господина, — рыцаря Цыгалы.“

„Я также и скалъ его; но щещно.“

При сихъ словахъ рыцарь опять предался размышленіямъ, и попомъ въ безмолвій пошелъ къ городу. Эпо былъ Донъ Феликсъ Толедъ. — Пришедши въ гошпиталь, онъ подошелъ къ посшели Цезаря и представилъ ему Дону Камиллу, — сказалъ съ гореспною улыбною :

„Адимарій! я привелъ къ тебѣ хожатую; она будешъ имѣть попеченіе не только о телѣсномъ твоємъ здравіи, но также и о душевномъ спокойствіи; потому, что станетъ вмѣстѣ съ тобою плакать; — а мнѣ предспойтъ другое занятіе.“

Пылкій взглядъ и благородно-суровая выразительность, замѣнившая кротость доселѣ изображавшуюся въ чертахъ лица Донъ Феликса, ясно пока-

зывала: что онъ намѣренъ былъ теперь искупить величайшихъ опасностей, чтобы отмстить за оскорбленную честь свою, и тѣмъ успокоить шѣни виновъ, которые покорною политикою отца его преданы были на смерть. Сердце его было жестоко симъ пронупо, и даже сама супруга не могла утѣшить въ томъ, что почиталъ онъ не изгладимымъ пятномъ для своего имени.

Любезная молодая женщина сія подошла къ Цезарю съ увѣреніемъ, что она имѣетъ нѣкоторыя познанія въ Медицинѣ, — сожалѣя, что принуждена была употреблять для него сіи познанія. По немногу она старалась внушить ему надежду, что Жіованни былъ еще живъ. Во время ихъ разговора пришелъ Родольфъ, блѣд-

ность лица его выражала то, что онъ не въ силахъ былъ выговорить, — и сія блѣдность служила доказательствомъ для Цезаря, что надежда Камиллы никѣмъ не была раздѣляема. Онъ принуждалъ себя спросить нашли ли тѣло его друга: — но вмѣсто отвѣта Донъ Феликсъ вздохнулъ и Родольфъ сдѣлалъ отрицательной знакъ; тогда глаза Цезаря закрылись; но Камилла поддерживая его голову, сказала:

„Мнѣ кажется сіе благопріятнымъ признакомъ; и вы должны надѣяться до тѣхъ поръ, пока не найдутъ тѣла. Не возможно, чтобы Богъ попустилъ такому несравненному человеку, каковъ Синьоръ Цигала, погибнуть отъ жестокости безчеловѣчныхъ враговъ.“

Въ звукѣ ея голоса было что то столь очаровательное, что Родольфъ бросился къ ногамъ ея и, цѣлуя полу плащя, пробормоталъ нѣсколько словъ выражавшихъ признательность — за надежду, которую она ему внушила. Цезарь съ благодарнымъ же видомъ, но не столь легковѣрнымъ какъ Родольфъ, почтительно поцѣловалъ ея руку. Онъ зналъ правила Жіованни, и поэтому твердо увѣренъ былъ, что онъ или первый, или послѣдній погибъ на снѣгахъ Сенш Эльмскихъ. Толеда взоромъ одобрилъ слова любезной жены своей; — потомъ пожалъ руку Цезаря, и поручивъ его ея попеченіямъ, онъ побѣжалъ въ воинскій совѣтъ, который собирался.

Оному предшествовала погребальная церемонія тѣлъ,

найденныхъ на берегу. Длинными рядами гробовъ сопровождаемыхъ были рыцарями въ траурѣ, съ зажженными свѣчами изъ чернаго воску въ рукахъ: — на всѣхъ лицахъ изображалась горесть — и рѣшимость — подражать примѣру воиновъ, коимъ отдавали послѣдній долгъ. Несчастные жители Борго въ маломъ числѣ находились на улицѣ. Въ безмолвіи взирали они на шествіе, и слушали удерживая дыханіе мѣрные шаги воиновъ и звукъ погребальнаго колокола раздавшійся въ воздухѣ.

Тѣла преданы были земли со всѣми воинскими почестями. Служеніе совершалъ Мальтійскій Епископъ, а ла Валеттѣ самъ произнесъ надгробную рѣчь. Ставши посреди толпы — и преодолевъ горесть свою

Мал. Рыц. Ч. III. Ч 2.

и негодованіе : онъ началъ похвальное слово несчастнымъ жертвамъ, убѣждая слушателей не плакать, но лучше подражать своимъ братьямъ, которые смертію своею заслужили вѣчную славу. „Ихъ жребій, говорилъ онъ, болѣе достоинъ зависти, нежели сожалѣнія; потому, что они оставили свѣтъ сохраняя непорочность добродѣтели; между тѣмъ, какъ мы должны еще сражаться съ слабостями человѣческой натуры, — и непрестанно молиться, чтобъ не погибнуть во грѣхъ.“ — Онъ просилъ ихъ вспомнить, что Сени-Эльмскіе воины побѣждены не храбростію, а множествомъ враговъ; но что сіе множество ежедневно уменьшалось. Невѣрные потеряли болѣе трехъ тысячъ человѣкъ при осадѣ од-

ной только крепости. Самъ Драгутъ — ужасный Грагутъ — испустилъ духъ отъ раны, полученной имъ въ шанцахъ. Заразительная и смертоносная болѣзнь показалась въ ихъ лагерь; — и почти всѣ собственныя припасы изошли. И такъ, продолжалъ Ла Валлетъ, если каждый гарнизонъ послѣдуетъ примѣру Сент-Ельма, — и лучше захочетъ умереть, нежели сдастся, тогда Мальпа одержитъ побѣду; потому что бурное время года наступитъ скорѣе, нежели другая крепость подвергнется одной участи съ первою; и невѣрные, не моги получить болѣе моремъ собственныхъ припасовъ, погибнутъ отъ голоду и отъ болѣзней.

Ла Валлетъ не почелъ должнымъ манти въиновъ своихъ

надеждою на прибытіе чужеспранной помощи; да это было бы и бесполезно. Въ восторгѣ произведенномъ его рѣчью, послѣдній земледѣлецъ готовъ былъ умереть для защиты острова. Однимъ словомъ: всякой до такой степени былъ увѣренъ, что сторона ихъ наконецъ воспоржествуетъ, — что имъ казалось равнымъ: жить ли, чтобы участвовать въ побѣдѣ, — или погибнуть побѣдивши. Проницательной взоръ великаго Магистра примѣтилъ, что происходило въ сердцахъ ихъ; — онъ взглянулъ на Донъ Феликса Толеда — и потомъ отворопилъ глаза, чтобы его не оскорбить.

Прибытіе Греческаго невольника, посланнаго Пашею, прервало разсужденія военнаго совѣта. Онъ пришелъ, какъ пе-

реговорщикъ, убѣдиль орденъ къ сдачѣ, предлагая въ дерзкихъ словахъ самыя выгодныя условія. Ла Валеттѣ, сѣвѣй на свое мѣсто при входѣ его, вскочилъ съ невольнымъ движениемъ и вскричалъ: „Отведите его назадъ.“ И потомъ продолжали разсужденіе.

Толеда, взявши за руку изумленнаго посланника, вывелъ его вонъ изъ залы, — провелъ молча между городскими укрѣпленіями; потомъ приведши къ Контр-Эскарпу, — установился на минушу, и показывая пальцомъ на ровъ, сказалъ:

„Вотъ единое мѣсто, которое мы уступимъ своему господину.“

Произнесши сіи слова онъ столь поспѣшно опустилъ свою руку, что удивленный переговорщикъ пошатнулся и упалъ.

Тутъ горестная улыбка , выразившаяся на устахъ храбраго Испанца исчезла , черты лица его прояснились ; потому , что онъ почелъ сіе добрымъ предзнаменованіемъ ; — дождавшись солдата , долженствовавшаго быть проводникомъ посланнаго , онъ возвратился въ городъ .

Г Л А В А XI.

Когда посланный возвратившись въ Турецкій лагерь , описалъ Мустафѣ гордый поступокъ рыцарей , и грозный видъ ихъ оборонительныхъ линій , тогда Паша увидѣлъ , что только самая сильнѣйшія мѣры могли воспрепятствовать ему , подвергнуться стыду быть совершенно разбитымъ . Онъ самъ

зналъ о своемъ положеніи, которое точно было таково, какимъ описалъ его ла Валештъ; почему рѣшился, не теряя ни минушы, воспрепятствовать Сицилійскому флоту, когда онъй прибудетъ подать помощь гарнизонамъ крѣпостей свяаго Ангела и свяаго Михаила; для чего покинувъ позицію свою на горѣ Сцеберрасъ, онъ расположился на высотахъ острова де ла Сангла и полуостровѣ, на которомъ построены были городъ Борго и крѣпость свяаго Ангела; такимъ образомъ Христіане совершенно окружены были съ сухаго пути. Мустафа послѣдовалъ тому же самому плану атаки, который былъ ему столько удаченъ передъ замкомъ Сени-Эльмомъ. Сдѣлавшись обладателемъ горы Сцеберрасъ, онъ

имѣлъ то преимущество, что могъ разбивать крѣпости съ переди, между тѣмъ какъ положеніе на высотахъ, копорья превышали оныя, позволяло ему дѣйствовать огнемъ своею Артиллеріи даже въ самыя нѣдра городовъ ихъ.

Эти спрашныя приготовленія были замедлены въ пользу осажденныхъ, при бышiemъ войскъ предводительствуемыхъ Кардоною. Сіи войска, исполненные благороднымъ мужествомъ, не позволили долгое время удерживать себя часпю силою, а часпю хипростію; они принудили своего начальника вести себя въ Мальпу. Пользуясь темнотою ночи, они вышли на берегъ, и достигли города не потерпѣвши ни малѣйшаго вреда отъ непріятеля. Сія неожиданная помощь поз-

волила Великому Магієстру послать подкрѣпленіе гарнизонамъ, и приготоувитсья къ выдержанію приступа, имъ угрожавшаго.

Таковы были занятія Христіанъ и невѣрныхъ; а между тѣмъ наши больные и раненые по немногу поправлялись. — Мальтіянки и сестры милосердія посвятили себя для услугъ храбрымъ воинамъ, копорые поспрадали защищая ихъ; нѣжныя ихъ попеченія гораздо были полезнѣе, нежели искусство лѣкарей. Дона Камилла отличалась между ими, не взирая на шо, что имѣла чувствительныя нервы, и менѣе ихъ силы; но замѣняла сіи недостатки чрезвычайнымъ соболѣзнованіемъ о больныхъ, копорое внушаетъ особъ одаренной онымъ, тысячу средствъ

облегчать горестъ и возбуждать мужество. Будучи внимательна и добра для всѣхъ, она однако же болѣе прочихъ занималась Цезаремъ; потому, что его характеръ возбуждалъ въ ней живѣйшее участіе въ его положенію. Когда она замѣтила, сколь дорого онъ цѣнилъ добродѣтели ея супруга, тогда почтеніе ея къ нему перемѣнилось въ дружество. Она принуждала его приказать перенести себя изъ гошпиталя на квартиру, занимаемую мужемъ ея въ Борго; — и тамъ Донъ Феликсъ и Каммила на перерывъ оказывали ему всевозможныя утѣщенія, какія только могутъ быть внушены твердостью мужчины и кротостью женщины.

Но къ чему могли служить всѣ слова ихъ? Какой пред-

метѣ могли они показатѣ несчастному Цезарю; чтобѣ подать ему слабый лучъ надежды — въ разсужденіи будущей его участи? Ахъ! ничто на свѣтѣ не могло уже сдѣлать его счастливымъ! — Камилла видя, что онѣ нимало не думалѣ обольщаться нерѣшительною надеждою; какую она сначала старалась внушить ему; перестала говорить о томъ; и только лишь разговаривала о характерѣ и безсмертной славѣ человека, ими оплакиваемого. Она безпрестанно желала слышать подробности о воинскихъ подвигахъ Юванни, и своими похвалами, какія дѣлала его непоколебимости въ защищенію Мальтійскаго Ордена, заставила Цезаря полюбить сей Орденъ. Такимъ-то образомъ она научила его утѣ-

шашься въ потерѣ друга, — продолжая шруды, — которыми сей самый другъ занимался. Возжегши въ сердце Цезаря страсть пламенную и достойную похвалы, она давала ему средство къ перенесенію нещастія, отъ котораго онъ конечно изнемогъ бы; — наконецъ назначая ему цѣлію небо, гдѣ находился теперь Жіованни, Камилла предуготовила Цезаря достигнуть оной, посредствомъ славной жизни на землѣ.

Съ Камиллою Цезарь разговаривалъ о чувствительности, которая примѣтна была во всѣхъ поступкахъ Жіованни, и рассказывалъ ей о нещастномъ разрывѣ ихъ дружбы. Съ Толедомъ, — онъ удивлялся чертамъ геройской доблести и рѣшимости, украшавшимъ Жіо-

ванни, которая только истинный воинъ можетъ оцѣнить: Съ Родольфомъ же бесѣдовалъ о домашней жизни своего друга и малѣйшихъ подробностяхъ, которая по приводящъ въ восторгъ и удивляющъ, по огорчаютъ и оскорбляютъ людей изслѣдующихъ жизнь человека, похищеннаго смертію. Всякой день Родольфъ сообщалъ что нибудь новое: — поступокъ, или слово Жіованни, которые не важны были сами по себѣ, но для сердца Цезаря весьма драгоценны. Онъ еще болѣе почиталъ Жіованни, получая новыя доказательства нѣжной привязанности, какую сей другъ сохранялъ къ нему до самой своей кончины. Сии подробности и послѣднее посланіе Жіованни: были сокровища, на которыя Цезарь взиралъ въ уве-

диненіи, когда не могъ болѣе переносить виду благополучія Донъ Феликса и Камиллы. Но не должно думать, чтобъ Цезарь завидовалъ ихъ щастію. Онъ весьма далекъ былъ отъ того, потому, что горестное предчувствіе — показывало ему въ будущности кровавое облако, — готовое надъ ними разразиться. — Иногда взирая на прелестное лице Камиллы, на нѣжность и чувствительность выражавшуюся въ чертахъ лица ея: онъ думалъ: „Ахъ! что съ нею будетъ, если Толедъ? . . .“ И никогда не имѣлъ столько мужества, чтобы докончить мысль сію. Онъ никогда не видывалъ, да и не воображалъ, чтобъ женщина была до такой степени рѣшительна, — и сіе зрѣлище

будучи для него необыкновенно, весьма его занимало.

Посреди настоящихъ опасностей — и во ожиданіи еще большихъ бѣдствій, Камилла думала, что подлѣ супруга своего она всегда будетъ благополучна и безопасна. Взоры ея теряли блескъ свой; — она блѣднѣла и дѣлалась разсѣянною, когда Донъ Феликсъ былъ въ отсутствіи; но лишь только онъ возвращался: то Камилла одушевлялась и блистала всѣми своими прелестями. Нѣжность къ ней Толеда имѣла характеръ болѣе мужественный. Онъ могъ даже и въ присутствіи жены своей заниматься разсужденіями о всеобщей пользѣ. Но за то опъ времени до времени бросалъ на нее взоры, въ которыхъ выражалась вся сила любви его. Од-

нимъ словомъ, сіи два сердца были равно вѣрны, равно нѣжны и равно щастливы.

Видя взаимное ихъ благополучіе и замѣчая характеръ Камиллы, Цезарь не могъ не вспоминать иногда о женщинѣ, которую имѣлъ справедливыя причины позабыть. Образъ ея уже не представлялся ему болѣе подъ тѣми обольстительными чертами, которыя внушали ему любовь и воображеніе; онъ видѣлъ въ ней только виновницу всѣхъ своихъ погрѣшностей, — заспавившихъ его потерять навсегда Жіованни.

„Для чего не могу я изгладить изъ жизни моей сего постыднаго времени!“ восклицалъ онъ иногда краснѣя при этомъ воспоминаніи. „Я любилъ ее до безумія и для нее потерялъ сокровище души сво-

ей. — Когда я лишился Беатрисы, то образъ ея исчезъ подобно тѣни ; но послѣ потери Жіованни, свѣтъ кажется для меня пустынею ! Великій Боже , какъ мы не искусны читать въ собственномъ нашемъ сердцѣ ! “ Тутъ Цезарь впадалъ въ размышленія о непоспоянствѣ склонностей чело-вѣка , и о томъ , что самый разумъ не въ силахъ былъ преодолѣть ненависти его къ людямъ ; но между тѣмъ любезный взоръ Толеда , или нѣжный голосъ Камиллы паки заставляли его поспѣшно возвращаться къ дружеству.

Цезарь сдѣлалъ одно замѣчаніе , которое весьма много огорчало его. Съ самаго пріѣзда Камиллы, Толеда не столько былъ веселъ какъ прежде. Такую перемену въ немъ мо-

жно было приписать двумъ причинамъ: во первыхъ, когда онъ удаленъ былъ отъ предмета любви своей, то никогда не предавался горести о разлукѣ съ нею, потому что горестъ сія была бы для него не-сносна. Во вторыхъ же, надежда, что отецъ его подастъ помощь острову Мальтѣ, совершенно исчезла: Вице-Король не внялъ не только убѣжденіямъ его, но и публичнымъ требованіямъ ла Валетта. Желая своимъ усердіемъ и мужествомъ загладить вину своего отца, Толедъ лѣтѣлъ на встрѣчу наивеличайшимъ опасностямъ; и если иногда мысль о участи, которой могъ подвергнуться отъ своей необузданной храбрости, возбуждалась въ душѣ его: то онъ всегда отдалялъ оную отъ се-

бя въ надеждѣ , что Богъ пощадитъ жизнь его изъ милосердія къ Камиллѣ.

Бѣглый Грекъ изъ лагеря невѣрныхъ принесъ извѣстіе , что они намѣревались сдѣлать нападеніе моремъ и сухимъ путемъ на полуостровъ де ла Сангль. Видя невозможность ввести канонерскія лодки въ большую гавань , прикрытую бапареями святаго Ангела , они рѣшились на странное предпріятіе , перетянуть ихъ по горѣ Сцеберрасъ , и потомъ спустить прямо проливъ мыса полуострова , называемаго *Шпорою святаго Михаила*.

Такъ какъ островъ де ла Сангль сдѣлался теперь опаснѣйшимъ пунктомъ , то Донъ Феликсъ де Толедъ просилъ , чтобъ ему позволили занимать сей постъ.

Ла Валеттѣ весьма удивился услышавъ о предпріятіи Турокъ, но однако же принужденъ былъ шому повѣрить, вспомнивъ, что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ галеры Драгуша такимъ же образомъ избѣжали отъ Андрея Дорія въ одной гавани, которую онъ облегалъ. Почему тотчасъ предпринялъ дѣятельныя мѣры, чтобы воспрепятствовать исполненію онаго.

Приказавъ соорудить батареи, онъ поставилъ пушки на всѣхъ пунктахъ возвышенія, гдѣ мѣсто удобно было для пристани; — а между тѣмъ, чтобы воспрепятствовать приближенію къ городу святаго Михаила, находящемуся противъ самой горы Конрадинъ, онъ погрузилъ въ море великое число свай, соединявшихъ

ся между собою цѣпями, брусьями и канатами; протянувъ оныя отъ подошвы горы Конрадинъ — до самаго мыса полуострова, — заперши такимъ образомъ входъ въ узкую гавань, гдѣ суда становились на якорѣ. Галеры, еще прежде сего скованныя съ того же мыса до самой крѣпости святаго Ангела, были еще болѣе укрѣплены подобными же сваями. Безпрестанный огонь съ батарей непріятельскихъ препятствовалъ работать днемъ, но за то Христіане съ такимъ рвеніемъ трудились ночью, что сіи палисады скоро были приведены къ окончанію; — и такая поспѣшность приписана была Турками дѣйствию черной магіи.

Рѣшившись на все отважиться, лишь бы только избѣжать

Мал. Рыц. Ч. III. Щ

кровопролитія, ла Валештѣ пачелъ себя обязаннымъ употребить послѣднее усиліе, чтобъ получить помощь отъ Сициліи. Цезарь еще не поправился и не могъ предпринять сего путешествія, почему Марко Дорій вызвался замѣнить его. Онъ узналъ, что отецъ его былъ еще въ Мессинѣ — и попому просилъ позволенія ѣхать туда, чтобъ совокупно съ нимъ принудить Вице-Короля послать помощь Мальтійскому Ордену. Онъ отправился и вскорѣ возвратился съ надеждою, которая опять не исполнилась.

Лишь только Дорій узналъ отъ Марка о состояніи острова Мальпы, и о смерти сына, который обѣщался исправиться въ своихъ погрѣшностяхъ; то побѣжалъ къ Вице-

Королю, съ горестію и благороднымъ негодованіемъ; вызываясь перевести въ Мальту столько войска, сколько могло онаго помѣститься на его галерахъ.

„Позвольте мнѣ, сказалъ онъ, высадишь вашихъ солдатъ и моихъ мапрозовъ, и пусть Турки завладѣютъ тогда моими галерами. Мое имѣніе можетъ служить залогомъ республикѣ, и я готовъ отдать самую жизнь свою, если она того потребуетъ.“

Вице-Король, будучи еще болѣе связанъ тѣсною политикою своего Государа, — послѣ паденія Сент-Эльма не смѣлъ ни согласиться съ нимъ, ни признаться въ постыдной своей зависимости. Онъ похвалилъ великодушное сіе предложеніе обьявивъ о своемъ намѣ-

реніи топчасъ отпраплятьсѣ
 въ Мальту — и лишъ только
 Марко Доріи возвратился къ
 Великому Магистру донести
 ему о семъ извѣстіи, какъ Ви-
 це Король убѣдилъ легковѣрна-
 го Адмирала ѣхать въ Геную,
 чтобы испросить у правитель-
 ства позволеніе въ случаѣ ну-
 жды оставить корабли свои,
 увѣривъ его, что если не по-
 лучитъ онаго, то и онъ не по-
 смѣетъ также оскорбить сво-
 его Государя принявъ такое
 предложеніе со стороны под-
 даннаго.

Вице-Король обнадежилъ До-
 ріа, что онъ подниметъ якорь
 лишъ только войска его сядутъ
 на суда, прибавивъ, что Ге-
 нуэзскія Галеры послужатъ къ
 перевозу вновь набранныхъ ре-
 крутъ. Честный мореходецъ
 положась на его обѣщаніе уѣ-

жалъ въ Геную, и тѣмъ избавилъ Дона Гарсіа отъ своей докучливости.

Марко прибылъ въ Мальту съ радостнымъ сердцемъ; но ла Валеттѣ понялъ намѣренія Испаніи, и потерявъ надежду на ея помощь, тѣмъ болѣе употребилъ дѣятельности въ принятіи оборонительныхъ средствъ. Лишь только онъ замѣтилъ о злоумышленіи невѣрныхъ противъ острова де ла Сангль, какъ и помѣстилъ туда наилучшихъ своихъ воиновъ. Цезарь совершенно выздоровѣвшій и Толедъ желавшій опмститъ за честь свою: находились въ числѣ оныхъ. Дона Камилла не хотѣла растаться съ своимъ супругомъ — и съ неустрашимостію сдѣлала опасную переправу на паромѣ съ одного полуострова на дру-

Мал. Рыц. Ч. III. Щ 2.

гой. Донъ Феликсъ съ нѣжно-
стію выговаривая ей за сію от-
важносць провелъ ее среди гра-
ду пуль до самаго мѣста ихъ
назначенія.

Лишь только прибыли они
въ крѣпость святаго Михаила,
какъ и были позваны на сра-
женіе. Имъ сказали, что невѣр-
ные покушаются сбить сваи.
—И въ самомъ дѣлѣ, въ то же
мгновеніе увидѣли многихъ изъ
нихъ вплавъ приближающихся
къ гавани съ сѣкирами за поя-
сомъ, между тѣмъ какъ другіе
взлезши на сваи начали уже
рубить оныя. Выспрѣлы съ
батарей Христіанъ мало ихъ
безпокоили, потому что они
слишкомъ высоко находились и
слѣдовательно не могли до нихъ
достигнуть. Робость овладѣла
солдатами разставленными по
берегу; но Цезарь и Толедъ,

пришедши туда, сняли съ себя плащье и, взявши мечи свои въ зубы, бросились въ море, побуждая другихъ слѣдовать ихъ примѣру. И въ самомъ дѣлѣ множество воиновъ подражали имъ, будучи ободряемы Димонтиемъ, Начальникомъ гавани. Сраженіе было кровопролитно, но не продолжительно. Турки дрались съ бѣшенствомъ, отъ того, что обманулись въ своей самонадѣянности. Христіане же не думали о самихъ себѣ потому, что благороднѣйшія чувства ихъ одушевляли: Они сражались защищая себя и Мальтійскій Орденъ. Только одинъ Родольфъ былъ возбуждаемъ мщеніемъ; при каждомъ смертномъ ударѣ имъ наносимомъ, онъ произносилъ громко имя своего господина. Сердце Цезаря останавливалось

при э том ъ им яни; но попом ъ начинало би пь ся с ъ большою силою. Оно служило ему воинским ъ криком ъ, но мщеніе не им ъло никакой власти над ъ его благочестивою душою. Толе д ъ им ъл ъ славу низвергну ш ь в ъ бездну морскую посл ѣдняго Турка, посл ѣ чего храбрые Мальпійцы, один ъ посл ѣ другаго выплыли на берег ъ, при радостных ъ криках ъ и похвалах ъ своих ъ со товарищей.

КОНЕЦЪ III ЧАСТИ.